

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ

**Юго-Западного
государственного
университета**

**Серия
ЛИНГВИСТИКА И ПЕДАГОГИКА**

**Том 9
№ 2 (31)**

Курск 2019

2019. Том 9. №2 (31)
Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (ПИ №ФС77-44618 от 15.04.11)

Журнал «Известия Юго-Западного
государственного университета. Серия
Лингвистика и педагогика» включен
в перечень ведущих научных журналов
ВАК Минобрнауки России по следующим
научным специальностям:

10.02.01 – Русский язык

10.02.19 – Теория языка

10.02.20 – Сравнительно-историческое типоло-
гическое и сопоставительное языкознание

13.00.08 – Теория и методика профессиональ-
ного образования

19.00.01 – Общая психология, психология лич-
ности, история психологии

19.00.05 – Социальная психология

Редакционная коллегия:

Главный редактор

С.Г. Емельянов, д-р техн. наук, профессор,
ректор ЮЗГУ

Зам. главного редактора

Т.В. Скобликова,
д-р пед. наук, профессор

В.П. Абрамов, д-р филол. наук, профессор;

С.И. Беленцов, д-р пед. наук, профессор;

Р.К. Боженкова, академик РАЕН, д-р филол.
наук, профессор;

ИЗВЕСТИЯ

ЮГО-ЗАПАДНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Лингвистика и педагогика

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Степыкин Н. И.

Ассоциативное поле *добро/good*: сопоставительный анализ..6

Куксова Е. Л., Коч К. И.

Французский язык и языковая политика Демократической
Республики Конго.....14

Анненкова А. В.

К вопросу о восприятии образной составляющей поликодового
текста имиджевой рекламы: гендерный фактор
(экспериментальное исследование).....21

Бобырева Н. Н.

Интертекстуальность как характеристика современного
спортивного новостного дискурса.....33

Бугаева И. В., Сидорченко К. М.

Параметры привлекательного для целевой аудитории
заголовка СМИ.....41

Веревкина Ю. В.

Наименования колхозов и совхозов в произведениях
В. Овечкина.....49

Волошина Т. Г., Блажевич Ю. С., Шейфель Н. А.

Лингвистические особенности языка хауса
на территории Африки.....56

Довгер О. П., Лопата К. М., Никитина Е. А.

Специфика лексико-семантического поля концепта «болезнь»
в английском медицинском дискурсе.....64

Николаева О. С.

Трудности, возникающие при переводе терминологии
международных отношений, и способы их преодоления.....73

Павлова А. В.,

О некоторых особенностях категории «вежливость»
в разных лингвокультурах.....82

Землянская Е. Н., Королева Н. М., Довгер О. П.

Структурная организация читательских откликов,
представленная композиционно-речевой формой
«солидарное медитативное рассуждение».....88

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Ларина О. Г., Томаков М. В., Томаков В. И., Андриенко В. В.,
Брежнев А. В.*

Формирование содержания учебной дисциплины
«Первая медицинская помощь» на принципах
компетентностного подхода.....97

Н.А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор;
М.А. Иванова, д-р психол. наук, профессор;
Л.Н. Молчанова, д-р пед. наук, профессор;
В.Б. Никишина, д-р психол. наук, профессор;
В.А. Пищальникова, д-р филол. наук,
 профессор;
Л.С. Подымова, д-р пед. наук, профессор;
В.М. Шаклеин, академик РАЕН, д-р филол.
 наук, профессор
Н.В. Попова, д-р пед. наук, профессор;
В.И. Томаков, д-р пед. наук, профессор

<i>Шульгина Н. П., Рудая К. А.</i>	
Социальная адаптация иностранных граждан на начальном этапе обучения в вузе.....	109
<i>Амелина И. О.</i>	
Обучение деловой коммуникации при изучении темы «Прием на работу» на занятиях по РКИ.....	117
<i>Бочков П. В., Козырева А. В., Терновая И. А.</i>	
Критериальный аппарат для оценки уровня сформированности профессионально значимых компетенций при изучении математических дисциплин в технических вузах.....	128
<i>Будникова О. В., Колесникова Е. В., Ноздрачёва Т. М.</i>	
Особенности формирования объёмно-пространственного мышления обучающихся в процессе дизайн-проектирования.....	136
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Никишина В. Б., Золотухина Ю. В., Моргунов А. Н., Жукова В. И.</i>	
Модулирующая функция кибер-пространства в смыслообразовании отношения к смерти: обзорно-аналитический аспект.....	148
<i>Воробьева Г. С., Копылова Т. Ю.</i>	
Профилактика аддиктивного поведения подростков в контексте их психологического сопровождения в условиях детского оздоровительного лагеря.....	160
<i>Молчанова Л. Н., Ильина В. В.</i>	
Особенности взаимосвязи социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению у студентов медицинского вуза.....	170
К сведению авторов	185

Адрес редакции: 305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.
 Телефоны: (4712) 22-25-26
 Факс: (4712) 50-48-00. E-mail: rio_kursk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 23.04.19. Формат 60x84 1/8.
 Бумага офсетная. Усл.печ.л. 19,5.
 Тираж 1000 экз. Заказ 40. Цена свободная.
 Юго-Западный государственный университет
 305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается

Подписной индекс журнала «Известия
 Юго-Западного государственного университета
 Серия Лингвистика и педагогика»
 44292 в объединенном каталоге
 «Пресса России»

© Юго-Западный государственный университет, 2019

2019. Vol. 9. №2 (31)

Scientific reviewed journal

Founded in 2011.

Publication frequency: four times a year

Founder: Southwest State University

Registered in the Registrar of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies, and Mass Media (Roskomnadzor) (Certificate of mass media registration №FS77-44618 of April 15, 2011).

Included in the official list of top scientific journals of the Higher Attestation Commission of the RF Ministry of Science and Education

Editors

S. G. Yemelianov (Editor-in-Chief), Doctor of Engineering, Professor, Rector of the Southwest State University ;

T. V. Skoblikova (Deputy Editor-in-Chief), Doctor of Pedagogic, Professor;

V. P. Abramov, Doctor of Philology, Professor;

S. I. Belentsov, Doctor of Pedagogic, Professor;

PROCEEDINGS

of the SOUTHWEST
STATE

UNIVERSITY

Series: *Linguistics and Pedagogics*

CONTENS

LINGUISTICS

Stepykin N. I.

Associative Field *δοξρο/Good*: Comparative Analysis.....6

Kuksova E. L., Koch K. I.

French Language and Language Policy in Democratic Republic of Congo..... 14

Annenkova A. V.

To the Question of Perception Peculiarities of Figurative Component of Polycode Image Advertising: Gender Factor (Experimental Research).....21

Bobyreva N. N.

Intertextuality as a Characteristic of the Modern Sports Media Discourse.....33

Bugaeva I. V., Sidorchenko K. M.

Parameters of Attractive Headline for Public in Mass Media.....41

Verevkina Y. V.

Names of Kolkhozes and Sovkhozes in the Works of V. Ovechkin.....49

Voloshina T. G., Blazhevich Y. S., Sheifel N. A.

Linguistic Peculiarities of Hausa Language on the Territory of Africa.....56

Dovger O. P., Lopata K. M., Nikitina E. A.

Specific Features of Semantic Field of the Concept "Disease" in English Medical Discourse.....64

Nikolaeva O.S.

Difficulties Encountered in Translation of the Terminology Dealing with International Relations and Ways of Overcoming them.....73

Pavlova A. V.

About some Aspects of the Category "Politeness" in Different Linguocultures.....82

Zemlyanskaya E. N., Koroleva N. M., Dovger O. P.

The Structural Organization of Reader's Responses Represented by the Compositional-Speech form "Solidary Meditative Reasoning".....88

PEDAGOGICS

Larina O. G., Tomakov M. V., Tomakov V. I., Andrienko V. V., Brezhnev A. V.

The Formation of the Content of the Discipline "First Aid" on the Principles of Competence-Based Approach.....97

R. K. Bozhenkova, Doctor of Philology,
Professor;

N.A. Bozhenkova, Doctor of Philology,
Professor;

M. A. Ivanova, Doctor of Psychologic,
Professor;

L. N. Molchanova, Doctor of Pedagogic,
Professor;

V. B. Nikishina, Doctor of Psychologic,
Professor;

V. A. Pischalnikova, Doctor of Philology,
Professor;

L. S. Podymova, Doctor of Pedagogic,
Professor;

N. V. Popova, Doctor of Pedagogic,
Professor;

V. I. Tomakov, Doctor of Pedagogic, Professor

Shulgina N. P., Rudaia K. A.

Social Adaptation of Foreign Citizens at the Preparatory Stage
of Education at the University..... 109

Amelina I. O.

Studying the Topic "Getting Hired" While Learning Business
Communication at Rfl Lessons..... 117

Bochkov P. V., Kozyreva A. V., Ternovaya I. A.

Criterion Apparatus for Assessing the Level of Development
of Professionally Significant Competences During Studing
Mathematical Disciplines in Technical Universities..... 128

Budnikova O. V., Kolesnikova E. V., Nozdracheva T. M.

Features of Formation of Spatial Thinking of Students
in the Process of Design..... 136

PSYCHOLOGY

Nikishina V. B., Zolotukhina J. V., Morgun A. N., Zhukova V. I.,

The Modulating Function of Cyber-Space in the Formation
of Attitudes Towards Death: a Review and Analytical Aspect... 148

Vorobieva G. S., Kopylova T. Y.

Prevention of Addictive Behavior of Adolescents in the Context
of their Psychological Support in the Conditions of the Camp... 160

Molchanova L. N., Ilyina V. V.

Gender Features of the Interrelationship Between Social
Intelligence and Propensity to Internet Addiction Behavior Among
Medical Students..... 170

Information for Authors..... 185

УДК 81'23

Н. И. Степыкин, канд. филол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: nick1086@mail.ru)

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ДОБРО/GOOD: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена исследованию ассоциативных полей добро/good в русской и американской лингвокультурах. В результате сопоставительного анализа данных свободного ассоциативного эксперимента были выявлены такие общие компоненты для русских и американцев, как Бог, дети, друзья, забота, котятка, любовь, мама, мир, польза, семья, солнце, улыбка, щенки. Однако данные ассоциаты занимают разное место в структуре ассоциативных полей.

Среди ядерных компонентов ассоциативных полей добро (любовь, радость, тепло и свет) и good (friends, God, health, family, safety) соответствий не обнаружено. Экспериментальные данные показали также различия в характере механизмов, формирующих те или иные реакции. Ассоциации русских респондентов представляют собой топик-коммент структуры и отражают доминирование лексических механизмов (96%). АП добро включает всего 4 % синтаксических реакций с признаком акциональности. Среди реакций американцев было обнаружено 26% синтаксем, требующих включения грамматических механизмов. Ассоциации представляют сочетания Adj – N с функционально-семантическими признаками предметности, темпоральности и локативности.

Автором статьи экстрактирована экстралингвистическая информация, отраженная в реакциях Чебурашка, гостеприимство, побеждает, искать, отзывчивость, помощь, самопожертвование, благотворительность, пожертвование, самоотдача, самоотверженность. Good times, V.I.M., colleagues, employment, job, school, health, clean air, clean water, fitness – национально маркированные реакции американцев

Таким образом, в структуре и содержании ассоциативного поля добро в русской и американской лингвокультурах были выявлены общие черты, обусловленные универсальностью этических понятий. Отличия проявились в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, в характере механизмов соотношения стимула и реакции, в разной иерархичности и динамичности компонентов.

Ключевые слова: ассоциативное поле; сопоставительный анализ; речевое действие; добро; лингвокультура.

Ссылка для цитирования: Степыкин Н. И. Ассоциативное поле добро/good: сопоставительный анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 6–13.

Введение

Проблема сопоставления языков возникла в глубокой древности, как только люди столкнулись с потребностью объясняться с носителями других языков. Первыми исследователями, занимавшимися сопоставлением языков, были составители переводных словарей, которые вынуждены были, руководствуясь своим практическим знанием, подбирать соответствия словам иностранного языка в своем родном языке [1, с. 30]. Сравнительно-историческое языкознание – лингвистическое направление, поставившее сопоставление на научную основу. Представители данного направления ут-

верждают, что «сравнение может применяться для достижения двух различных целей: чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения» [2, с. 11]. При изучении двух или более языков методом сравнения, по мнению А. Гудавичюса, «...для исследователя одинаково важны и различия, и сходства» [3, с. 3]. Эту точку зрения разделяет и Р. А. Будагов: «... не только сходства, но и несходства особенно существенны и интересны для изучения словосочетаний в сравнительно-сопоставительном плане» [4, с. 19]. В настоящее время отдельно можно выделить сопоставительные исследования, направленные на изучение одноименных

языковых микросистем (полей) в разных языках [5, 6, 7]. Акцентируем, что ассоциативное поле (далее АП) выступает не только как материал, но и как инструмент исследования значения слова [8, 9, 10].

Целью данной работы является выявление универсальных и национально специфичных компонентов АП *добро/good* в русской и американской лингвокультурах, а также установление языковых и психических механизмов соотношения стимул-реакция. Для выполнения поставленной цели необходимо экстрагировать не только экстралингвистические знания, но и информацию об устройстве самого языка, его поуровневой структуре [11], что представляется возможным «на основе системно-функционального подхода» [12, с. 78].

Гипотеза

Структура и содержание АП *добро* в различных лингвокультурах, в частности русской и американской, имеет как общие, так и дифференциальные черты. Сходства обусловлены универсальностью этических понятий, а отличия проявляются в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, в характере языковых и психических механизмов соотношения стимула и реакции, разной иерархичности и динамичности компонентов АП.

Методы исследования

В 2018 г. нами был проведён свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие сто три представителя русской лингвокультуры и сто американцев в возрасте от 17 до 25 лет. Определяющим при выборе информантов стало то, что, по утверждению Ю. Н. Караулова, к указанному возрастному периоду «становление языковой личности в основном завершается, и, значит, в ассоциациях находит отражение сформиро-

вавшаяся языковая способность участника эксперимента» [13, с. 192]. Для сбалансированности выборки по гендерному признаку к участию в эксперименте с русскими и американскими респондентами были привлечены представители мужского и женского полов. Испытуемым было предложено написать первое пришедшее на ум слово на стимулы *добро* и *good* соответственно. Полученные ассоциативные данные были систематизированы и проанализированы в сопоставительном аспекте с опорой на модель речепорождения Леонтьева-Ахутиной [14].

Результаты и обсуждение

В результате эксперимента нами было получено ассоциативное поле *добро*: *любовь 7, радость 6, тепло 6, свет 5, благодать 3, выгода 3, добродушие 3, зло 3, отзывчивость 3, помощь 3, понимание 3, бескорыстность 2, делать 2, дружба 2, душевность 2, мама 2, мультфильм 2, самопожертвование 2, улыбка 2, альтруизм, благоговение, благотворительность, Бог, вежливость, воспитанность, гостеприимство, дети, детство, друзья, душа, забота, искать, кино, книга, котята, любимый человек, мечта, милосердие, мир, нужда, нуждаться, пацифизм, побеждает, поддержка, пожертвование, польза, разрешение, самоотверженность, самоотдача, семья, сердечность, сердце, солнце, сострадание, суть, терпимость, цель, ценность, Чебурашка, человечность, ценки – 103+61+0+42, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций, третье – индикатор отказов, а четвертое – показатель единичных реакций.*

Систематизируем полученные ассоциаты (табл. 1).

Таблица 1

Классификация реакций на стимул «добро»

Преобладающие механизмы	Признаки	Ассоциаты, общее кол-во
Действие лексических механизмов	Добро и его проявления	<i>благодать 3, выгода 3, добродушие 3, понимание 3, дружба 2, душевность 2, мультфильм 2, улыбка 2, гостеприимство, кино, книга – 25</i>
	Добро и противоположные чувства /качества/ проявления	<i>зло – 3</i>
	Добро и мир	<i>мир, пацифизм – 2</i>
	Добро и свет	<i>свет 5, солнце – 6</i>
	Добро и носитель этого качества	<i>мама 2, Бог, дети, друзья, котята, любимый человек, семья, Чебурашка, щенки – 11</i>
	Добро и помощь	<i>отзывчивость 3, помощь 3, самопожертвование 2, благотворительность, забота, нужда, поддержка, пожертвование, самоотдача, самоотверженность, польза – 16</i>
	Добро и смежные чувства	<i>любовь 7, радость 6, тепло 6, благоговение, милосердие, сердечность, сострадание, человечность – 24</i>
	Добро и вежливость	<i>вежливость, воспитанность, терпимость – 3</i>
	Добро от души	<i>бескорыстность 2, альтруизм, душа, сердце – 5</i>
	Добро как что-то главное	<i>мечта, суть, цель, ценность – 4</i>
Добро как разрешение	<i>разрешение – 1</i>	
Добро во времени (в жизненном пути)	<i>детство – 1</i>	
Действие лексических и грамматических механизмов	Акциональность (ахроничная)	<i>делать 2, искать – 3</i>
	Акциональность (в настоящем)	<i>побеждает – 1</i>
	Модальность	<i>нуждаться – 1</i>

АП good включает следующие ассоциаты: friends 9, God 7, health 5, family 4, safety 4, food 3, life 3, love 3, peace 3, chil-

dren 2, faith 2, home 2, honor 2, job 2, justice 2, times 2, babies, benefit, blessed, caring, cat, chocolate, Christ, church, clean air,

clean water, colleagues, content, employment, encourage, father, fitness, girl, goodness, grandparents, great, happy, Jesus, kind, kittens, like, loving, morning, mother, nice, night, parents, party, pizza, pretty, puppies, right, school, shower, smile, sun, travel, vacation, V.I.M., welfare, wife –

100+61+0+45, где 100 – общее количество реакций, 61 – количество различных реакций, 0 – число отказов испытуемых, 45 – число единичных ассоциатов. Представим классификацию ассоциативных данных (табл. 2).

Таблица 2

Классификация реакций на стимул “good”

Преобладающие механизмы	Признаки	Ассоциаты, общее кол-во
Действие грамматических механизмов	Деривация	<i>goodness – 1</i>
Действие лексических механизмов	Добро и его проявления	<i>safety 4, benefit, smile, welfare – 7</i>
	Добро и смежные категории	<i>honor 2, faith 2, justice 2 – 6</i>
	Добро и мир	<i>peace – 3</i>
	Добро и свет	<i>sun – 1</i>
	Добро и носитель этого качества	<i>friends 9, God 7, family 4, children 2, babies, cat, Christ, colleagues, father, girl, grandparents, Jesus, kittens, mother, parents, puppies, wife – 35</i>
	Здоровье	<i>health 5, clean air, clean water, fitness – 8</i>
	Добро и смежные чувства	<i>love 3</i>
Положительные качества (good – прил.)	<i>blessed, caring, great, happy, kind, loving, nice, pretty, right</i>	
Действие лексических и грамматических механизмов	Акциональность (ахроничная)	<i>encourage, like – 2</i>
	Темпоральность (good – прил.)	<i>times 2, morning, night – 4</i>
	Локативность (good – прил.)	<i>home 2, job 2, church, school, V.I.M. – 8</i>
	Предметность (good – прил.)	<i>food 3, life 3, content, chocolate, employment, party, pizza, shower, travel, vacation – 14</i>

Ядерными компонентами АП *добро* являются *любовь, радость, тепло и свет* (24 реакции). Ядро ассоциативного поля *good* представлено ассоциатами *friends/ друзья, God/ Бог, health/ здоровье, family/ семья, safety/ безопасность* (29 реакций).

Отметим, что содержательно не совпал ни один компонент.

Общими структурно-содержательными компонентами АП *добро* и *good* являются: *Бог, дети, друзья, мама, семья, котята, щенки, забота, любовь, мир, пацифизм, польза, солнце, улыбка*. Боль-

шинство из перечисленных ассоциатов актуализируют семантический признак «носитель качества». Количественно данный признак в составе АП *good* выражен 27% ассоциатов, а в АП *добро* – всего 8%. Это может свидетельствовать о влиянии грамматического значения слова-стимула. При анализе соотношения стимул – реакция в АП *добро* преобладают N – N сочетания (существительное – существительное). Грамматическая многозначность слова-стимула *good* в английском языке (прил. *хороший* и сущ. *добро*) порождает формат N/Adj – N/Adj (существительное/прилагательное – существительное/прилагательное). Например, ассоциации *добро* – *любовь* характерны для носителей русского языка, и *good* – *love / loving*, *good* – *caring* – для американцев.

В составе АП *good* было выявлено 26% синтаксем, большинство из которых представляют собой сочетания Adj – N с функционально-семантическими признаками предметности, темпоральности и локативности. В свою очередь, АП *добро* включает всего 4% синтаксических реакций с признаком акциональности.

Ассоциации *good morning*, *good night* обусловлены соответствующими формами приветствия и прощания, принятыми в американском обществе. Сочетание *good times* – распространённая коллокация согласно данным американского национального корпуса (22 вхождения) [15]. *Good times* – американский комедийный сериал, а также название одного из альбомов знаменитого американского певца Элвиса Пресли, что также могло послужить основанием для актуализации данной ассоциации.

Из предметных ассоциаций в АП *good* выделим *food*, *chocolate*, *employment*, *pizza*, объединённые семантическим признаком *еда*. Локативные ассоциации связывают прилагательное *good* с опре-

делённым местом (*home*, *job*, *church*, *school*, *V.I.M.*). В этом ряду акцентируем национально маркированную ассоциацию *V.I.M.* (американский магазин одежды и обуви для всей семьи).

Экспериментальные данные показывают, что неотъемлемой составляющей АП *good* являются ассоциаты с признаком «здоровье» (8%). В АП *добро* подобных компонентов не обнаружено. 12% реакций АП *good* связаны с религией и верой в бога (*blessed/ благословенный*, *Christ/ Христос*, *church/ церковь*, *faith/ вера*, *God/ Бог*, *Jesus/ Иисус*), что может свидетельствовать о тесной связи добра и веры в сознании представителей американской лингвокультуры. В составе АП *добро* выявлено всего 2% подобных ассоциатов. Немаловажную роль для американцев играет трудовая деятельность, причастность к коллективу (см. реакции *colleagues/ коллеги*, *employment/ трудоустройство*, *job/ работа*, *school/ школа*).

Специфика структуры и содержания АП *добро* проявляется в компонентах с признаком «помощь» (16%). Также отметим акциональные и антонимические ассоциативные связи *добро* – *делать*, *добро* – *искать*, *добро* – *побеждает*, *добро* – *зло*, которые отражают русскую ментальность и культуру: *От добра добра не ищут; Добро всегда побеждает зло; Не делай добра, не получишь зла; Добро поощряй, а зло порицай; Худо тому, кто добра не делает никому; Добра желаешь – добро и делай*. Реакции *бескорыстность*, *альтруизм*, *душа*, *сердце* могут свидетельствовать, прежде всего, о духовной стороне добра. Тот, кто творит добро, не думает получить что-то взамен. Единичная ассоциация *разрешение* обусловлена разговорным выражением *дать добро*. Типично русские формы проявления добра отражены в реакциях *добродушие*, *душевность*, *гостеприимство*,

что можно найти в кино, книге или мультфильме, например, про Чебурашку. Герой книги «Крокодил Гена и его друзья» и получивший широкую популярность после выхода мультфильма «Крокодил Гена» персонаж известен как добродушное существо с большими ушами и большими глазами, как добрый, готовый всем помочь зверь неизвестной породы.

Выводы

В результате проведенного исследования были выявлены содержательные соответствия в реакциях русских и американских респондентов (*Бог, дети, друзья, забота, котята, любовь, мама, мир, польза, семья, солнце, улыбка, щенки*). Установленный факт может быть обусловлен универсальностью категории добра. Однако иерархия обозначенных компонентов в структуре исследуемых АП существенно различается.

Содержательно ядро АП *добро* и *good* не имеет ничего общего. Ядерными компонентами АП *good* являются *friends, God, health, family, safety* (29 реакций). Ядро АП *добро* составляют ассоциаты *любовь, радость, тепло и свет* (24 реакции).

Рассматривая ассоциацию как речевое действие, мы фокусировались на характере языковых механизмов, формирующих те или иные реакции. Сопоставительный анализ АП *добро* и *good* позволил выявить 26% синтаксем среди реакций американцев. Большинство ассоциаций представляют сочетания Adj – N с функционально-семантическими признаками предметности, темпоральности и локативности. АП *добро* включает всего 4 % синтаксических реакций с признаком акциональности.

В проанализированном АП помимо языковых отражены экстралингвистические знания. Примерами экстралингвистической информации в АП *добро* являются

реакции: *Чебурашка, гостеприимство, побеждает, искать, отзывчивость, помощь, самопожертвование, благотворительность, пожертвование, самоотдача, самоотверженность*. Подобные ассоциации отражают русскую культуру. Национально маркированными реакциями американцев можно считать *good times, V.I.M., colleagues, employment, job, school, health, clean air, clean water, fitness*.

Выдвинутая гипотеза полностью подтвердилась. В структуре и содержании АП *добро* в русской и американской лингвокультурах были выявлены общие и дифференциальные черты. Сходства обусловлены универсальностью этических понятий, а отличия проявляются в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, в характере механизмов соотношения стимула и реакции, разной иерархичности и динамичности компонентов АП.

Список литературы

1. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 110 с.
2. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании, пер. с франц. М.: Наука, 1954. 210 с.
3. Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас, 1985. 176 с.
4. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки): монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. 304 с.
5. Бурнаева К. А. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания // *Lingua mobilis*. 2011. № 6 (32). С. 51–58.
6. Лукина О. И. Полевой подход к сопоставительному изучению лингвистической терминологии // *Известия Российского государственного педагогического*

университета им. А. И. Герцена. 2008. № 80. С. 225–229.

7. Дешериева Т. И. Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М.: Наука, 1974. 300 с.

8. Патсис М. Теоретические основания интерпретации ассоциативного поля слова // Языковое бытие человека и этноса. Вып. 7. М., 2004. С. 150–159.

9. Патсис М. Специфика ассоциативного поля слова в греческом языке // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 91–98.

10. Степыкин Н. И. Ассоциативное поле: продукт и инструмент анализа значения слов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 3 (26). С. 110–116.

11. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 1993. 330 с.

12. Степыкин Н. И. Типология реакций: в поисках путей решения проблемы

// Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7, № 2(23). С. 70–79.

13. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.] // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: Астрель: АСТ, 2002. 992 с.

14. Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева – Рябовой: 1967–2005 // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / под ред. Т. В. Ахутиной и Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. С. 79–104.

15. The Open American National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anc.org/data/oanc/ngram/>.

Поступила в редакцию 20.02.19

UDC 81'23

N. I. Stepykin, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: nick1086@mail.ru)

ASSOCIATIVE FIELD ДОБРО/GOOD: COMPARATIVE ANALYSIS

The paper focuses on the research of associative fields добро / good in Russian and American linguistic cultures. As a result of the comparative analysis of the free associative experiment data, the following common components for Russians and Americans were identified: God, children, friends, care, kittens, love, mother, world, benefit, family, sun, smile, puppies. However, these associates take different places in the structure of associative fields.

Among the nuclear components of the associative fields good (love, joy, warmth and light) and (friends, God, health, family, safety) no matches were found. Experimental data also showed differences in the nature of the mechanisms that form reactions. Associations of Russian respondents represent topic-comment structures and reflect the dominance of lexical mechanisms (96%). Associative field добро includes only 4 % of syntactic reactions with a meaning of actionality. Among the responses of the Americans 26% of syntactic reactions were revealed. Such speech acts demand the use of grammatical mechanisms. These associations represent the Adj – N combination with the functional-semantic characteristics of subjectivity, temporality and location.

The author of the article extracted extralinguistic information reflected in the following reactions: Cheburashka, hospitality, wins, seek, responsiveness, help, self-sacrifice, charity, donation, dedication. Good times, V. I. M., colleagues, employment, job, school, health, clean air, clean water, fitness are nationally marked reactions of the Americans.

Thus, the structure and content of the associative field good in the Russian and American linguistic cultures revealed common features due to the universality of ethical concepts. The differences were manifested in the combination of linguistic and extralinguistic factors, in the nature of the mechanisms of the stimulus-response link, in different hierarchies and dynamics of the components.

Key words: associative field; comparative analysis; speech act; good; linguistic culture.

For citation: Stepykin N. I. Associative field добро/good: comparative analysis. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 6–13 (in Russ.).

References

1. Yarceva V. N. Kontrastivnaya grammatika. Moscow, Nauka Publ., 1981. 110 p.
2. Meje A. Sravnitel'nyj metod v istoricheskom yazykoznanii, per. s franc. Moscow, Nauka Publ., 1954. 210 p.
3. Gudavichyus A. Sopostavitel'naya semasiologiya litovskogo i russkogo yazykov. Vil'nyus, Mokslas Publ., 1985. 176 p.
4. Budagov R. A. Sravnitel'no-semasiologicheskie issledovaniya (romanskije yazyki). Moscow, 1963. 304 p.
5. Burnaeva K. A. Associativnoe pole kak sposob modelirovaniya fragmenta yazykovogo soznaniya. *Lingua mobilis*, 2011, no 6 (32), pp. 51–58.
6. Lukina O. I. Polevoj podhod k sopostavitel'nomu izucheniyu lingvisticheskoj terminologii. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 2008, no. 80, pp. 225–229.
7. Desherieva T. I. Struktura semanticheskikh polej chechenskih i russkih padzhej. Moscow, Nauka Publ., 1974. 300 p.
8. Patsis M. Teoreticheskie osnovaniya interpretacii associativnogo polya slova. *Yazykovoe bytie cheloveka i ehtnosa*, Moscow, 2004, is. 7, pp. 150–159.
9. Patsis M. Specifika associativnogo polya slova v grecheskom yazyke. *Voprosy psiholingvistiki*, 2004, no. 2, pp. 91–98.
10. Stepykin N. I. Associativnoe pole: produkt i instrument analiza znacheniya slov. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2016, no. 3 (26), pp. 110–116.
11. Karaulov Yu. N. Associativnaya grammatika russkogo yazyka. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1993. 330 p.
12. Stepykin N. I. Tipologiya reakcij: v poiskah putej resheniya problem. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2017, vol. 7, no. 2(23), pp. 70–79.
13. Karaulov Yu. N., Sorokin Yu. A., Tarasov E. F., eds *Russkij associativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza yazykovoj sposobnosti. Russkij associativnyj slovar'*. Moscow, Astrel': AST Publ., 2002. 992 p.
14. Ahutina T. V. Model' porozhdeniya rechi Leont'eva – Ryabovoj: 1967–2005. *Psihologiya, lingvistika i mezhdisciplinarnye svyazi*, ed. by Ahutina T. V. i Leont'ev D. A. Moscow, Smysl Publ., 2008, pp. 79–104.
15. The Open American National Corpus. URL: <http://www.anc.org/data/oanc/ngram/>.

УДК 811

Е. Л. Куксова, канд. филол. наук, кафедра второго иностранного языка, НИУ БелГУ (Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85) (e-mail: kuksova@bsu.edu.ru)

К. И. Коч, аспирант, кафедра романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, НИУ БелГУ (Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85) (e-mail: karina010990@mail.ru)

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОНГО

Демократическая Республика Конго (бывший Заир. Конго-Киншаса, ДРК), бывшая колония Бельгии, является одной из самых многоэтнических стран Африки. Языки и культуры многочисленных народов ДРК, французский язык, импортированный в ДРК из Бельгии, постоянно перемешиваются, создавая своеобразную лингвокультурную и социолингвистическую ситуацию в стране. Сложившаяся лингвокультурная ситуация в ДРК осложняется присутствием английского языка, привезенного союзными ополченцами.

В условиях сложной лингвокультурной ситуации необходимо грамотно и последовательно регулировать, как минимум, наиболее значимые сферы деятельности общества. Для это органы государственной власти и власти местного самоуправления проводят языковую политику, которая позволяет решить вопрос о достижении взаимопонимания между гражданами и органами власти, местной администрацией и др.

Исследование посвящено проблеме роли и места французского языка в языковой политике Демократической республики Конго. Авторы отмечают основные направления языковой политики государства.

Согласно рассмотренным в работе документам, французский язык занимает ведущее место в жизни конголезского сообщества и является основным инструментом общения граждан с различными государственными службами. Важно отметить, что помимо французского языка, который, согласно Конституции ДРК, является официальным языком страны, в Конго-Киншаса есть и национальные языки (суахили, лингала, киконго и чилуба), которые также закреплены конституцией и используются в определенных лингвогеографических зонах в различных сферах официального общения.

Особое внимание в работе уделяется сферам обязательного и факультативного применения официального и национальных языков, а также отмечаются перспективы развития языковой ситуации в ДРК. Так, например, авторы приходят к выводу, что национальные языки ДРК будут расширять сферы своего применения, в то время как положение французского языка в силу многих внешних и внутривнутриполитических факторов остается спорным, несмотря на занимаемое им важное место в жизни конголезского общества в настоящее время.

Ключевые слова: демократическая республика Конго; лингвистическая ситуация; языковая политика; билингвизм; многоязычие; французский язык.

Ссылка для цитирования: Куксова Е. Л., Коч К. И. Французский язык и языковая политика Демократической Республики Конго // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 14–20.

Введение

Будучи многоэтнической страной, Демократическая Республика Конго (ДРК) является одной из самых многоязычных стран во всей Африке, языковой атлас которой насчитывает примерно 221 язык. Поскольку ДРК представляет собой бывшую колонию франкоязычной Бельгии, то официальным языком страны является французский язык [1, с. 177]. Тем не менее, конголезцы часто говорят на одном из этнических языков на местном уровне и в повседневной жизни [2].

Принимая во внимание тот факт, что французский язык является единственным официальным языком многоязычного Заира, важную роль в социолингвистической жизни страны играет языковая политика, проводимая государством.

Методы исследования

В ходе работы авторы применяют теоретические методы исследования, применяемые для осмысления и обработки информации с помощью логических операций и умозаключений. Среди используемых теоретических методов вы-

делим методы анализа и системного подхода, вероятностно-статистический метод и метод прогнозирования, которые позволяют систематизировать фактический материал.

Результаты и обсуждение

В условиях непрекращающейся гражданской войны в ДРК языковая политика аутентичности, существовавшая ранее, была отменена, и 30 июня 1997 года глава государства объявил о создании конституционной комиссии для разработки нового проекта конституции.

Так, если последняя Конституция от 1994 года провозглашала французский язык официальным языком страны «без ущерба для национальных языков», то с 1997 года закон потерял свою силу. Более того, как отмечается в отчете ООН «Human Rights Watch, Victims of War: Civilians, the Rule of Law, and Democratic Liberties», положения о статусе четырех национальных языков – суахили, лингала, киконго и чилуба, также потеряли свою юридическую силу [3].

Почти десять лет после принятия конституции 1997 года правительство решило пересмотреть свою языковую политику и отменило в Конституции 2006 года все предыдущие конституционные положения. Согласно новой конституции французский язык оставался единственным официальным языком страны, а его национальными языками стали киконго, лингала, суахили и чилуба. Другие языки страны были признаны частью конголезского культурного наследия, охраняемого государством [3].

Конституция же от 2006 года классифицирует языки ДРК и определяет статус каждого типа языка:

1. Французский язык – официальный, используется в различных политических, правовых, административных, академических, научных и технических целях и т.д.

2. Языки киконго, лингала, суахили и чилуба – национальные, делят страну на четыре языковые зоны, используются на радио и телевидении.

3. «Другие языки страны», которые Конституция обещает защищать. Они выполняют социальную функцию, являясь индикатором этнической и групповой принадлежности. Однако эти языки не пользуются авторитетом во всей стране. Изучение этих языков осуществляется, в основном, устным путем (от родителей детям), что ставит их под угрозу исчезновения.

Рассмотрим подробнее основные моменты проводимой языковой политики ДРК в различных сферах жизни конголезского общества.

Начнем с того, что Статья 13 Конституции 2006 года запрещает дискриминацию по признаку языка или этнической принадлежности. Ни один конголезец не может подвергаться дискриминации в области образования, доступа к государственным должностям и др. из-за религии, семейного происхождения, социального положения, места жительства, политических или других убеждений, расы, этнической принадлежности, племени, культурного или языкового меньшинства [4].

Что касается собственно языкового вопроса, то согласно статье 142 Конституции 2006 года, официальных языков парламента должно быть пять (четыре национальных языка и официальный язык, французский). Согласно закону, правительство обязано перевести Конституцию и законы на четыре национальных языка и на французский [4].

В области правосудия теоретически могут использоваться все конголезские языки и французский язык. Так, Статья 18 Конституции 2006 года гласит, что каждому арестованному незамедлительно сообщается о причинах его ареста и любых предъявленных ему обвинениях на его языке места, где он был арестован, либо на французском языке. Статья 88

Конголезского уголовного кодекса от 2004 года допускает использование любого языка, установленного законом (четыре национальных языка и официальный язык) [4].

На практике, как пишет И. Нтумба, в гражданских судах первой инстанции в основном используются только четыре национальных языка в сочетании с французским. Автор отмечает особое положение английского языка, который используется в основном в военных судах (иерархически превосходящих гражданские суды), особенно, когда обвиняемые прибывают из соседних англоязычных стран (угандийцы, намибийцы, зимбабвийцы и т.д.). В вышестоящих судах используется только французский язык, при необходимости используются услуги переводчика [5].

В целом, государственные служащие используют национальные языки в тех географических областях, где они обычно используются, либо французским языком. Использование французского языка обязательно во всей официальной документации.

Не менее важным вопросом является регулирование использования языков на публичных знаках (городские, дорожные вывески, стенды и т.д.), этикетках, инструкциях и др. Согласно министерскому приказу № 008/2007 от 9 июля 2007 года «О внесении изменений и дополнений в министерский приказ № 04/2002 от 15 октября 2002 года» французский язык используется для предоставления любой информации на упаковках, коробках и рекламных проспектах, стендах, дорожных знаках и т.д., что не исключает возможность дополнительного использования национальных языков [4].

Однако если регулирование языковых вопросов в общественно-политической, административной, судебной и экономической сферах можно назвать относительно прозрачным и понятным,

то в сфере образования языковой вопрос все еще не до конца решен.

Начнем с того, что война в Руанде в 1994 году имела роковые последствия для организации школ в ДРК. Многие школы пришлось закрыть, другие были разграблены и даже разрушены в этот период. Из-за отсутствия и/или аварийного состояния дорог многие школы были заброшены в сельской местности. Восстановление школ затрудняется из-за нехватки ресурсов [3].

Несмотря на тяжелое экономическое положение, система образования ДРК несколько развилась. В Конго-Киншасе система образования в настоящее время имеет четыре уровня: дошкольный, начальный, средний и высший., но таких учреждений менее 400, в том числе более 226 университетов. В 2001-2002 годах насчитывалось приблизительно 19 100 начальных школ с 159 000 учителей и с 5,47 миллионами учащихся. Количество средних школ было немногим более 8000, с 108 000 учителей и 1,6 миллиона учеников. В сфере высшего образования насчитывалось 326 высших школ, в которых обучалось почти 200 000 человек [9].

Согласно Закону № 14/004 от 11 февраля 2014 года о национальном образовании Статье 195, французский язык является языком обучения. Тем не менее в законе также отмечается, что государственные или местные языки могут использоваться как средство преподавания, а также являются отдельной дисциплиной [4].

На практике, как пишет Ж.-Ж. Нконгоко, учащиеся получают обучение на одном из четырех основных национальных языков (киконго, лингала, чилуба и суахили) в первые два года обучения в начальной школе в то время как французский язык становится языком обучения с третьего года обучения [6].

Согласно статье 9 Закона № 14/004 использование национальных языков и / или местных языков возможно в качестве

среды и дисциплины преподавания и обучения. В статье 192 Закона № 14/004 от 11 февраля 2014 года о национальном образовании говорится, что учебные программы должны также включать изучение иностранных языков, отвечающих потребностям страны [4].

Ж.-К. Макомо Макита отмечает, что во всех средних школах обучение ведется исключительно на французском языке. Поскольку лишь 15% детей поступают в старшие классы, количество грамотных носителей французского языка остается ограниченным. В университете преподавание ведется исключительно на французском языке, что делает данный язык языком элитного привилегированного общества. Помимо французского языка выпускники высших учебных заведений ДРК должны владеть английским языком, быть открытыми миру и успешно адаптироваться к прогрессу и исследованиям [7, с. 47-48].

Таким образом, стоит помнить, что владение национальным и местным языками является важным преимуществом, которым нельзя пренебрегать в дополнение к овладению иностранными языками. Языковая политика требует, чтобы образованные конголезцы знали четыре языка: родной, один национальный, французский и английский языки.

Что касается письменных СМИ, то почти все 30 самых важных газет и еженедельников в столице выходят на французском языке: *Palmarès*, *Le Potentiel*, *Le Phare*, *Tempête des tropiques*, *Visa 2000*, *Référence Plus*, *Avenir*, *Elima*, *Observateur*, *Forum des As*, *Demain le Congo*, *Le Grognon*, *Umoja*, *Salongo*, *Alarme*, *Jeune Afrique Eco*, *Journal chrétien*, *ACP*, *Afro-Magazine*, *Alerte*, *Black Store*, *Le Soleil*, *Le Soft*, *Satellite*, *Vision*. Единственный журнал *Black Store* издается на английском языке [8].

Помимо письменных средств массовой информации в ДРК широко распространено радио и телевидение: 60% ра-

диопрограмм транслируются на четырех национальных языках, остальные передачи – на французском, редко на английском.

Отметим, что закона, регламентирующего использование языков в средствах массовой информации, нет. Однако в статье 58 Закона № 013/2002 от 16 октября 2002 года «О телекоммуникациях в Демократической Республике Конго» говорится, что записи, сделанные на национальных языках должны быть расшифрованы на французском языке. В соответствии с данным положением, назначенный Генеральным прокурором мировой судья составляет протокол, в котором указываются дата и время, когда запись была совершена. Стенограмма записи, переведенная на французский язык, находится в файле [4].

Данное положение, на наш взгляд, не только подчеркивает значимость французского языка и его роль, но также свидетельствует о напряженной внутривнутриполитической ситуации в стране.

В настоящее время все больше и больше конголезцев сомневаются в том, что идеальным решением может быть только импортный язык, такой как французский, особенно, когда речь идет об образовании и обучении. Ж.-К. Макомо-Макита пишет, что ДРК необходима реформа текущей языковой политики, основная задача которой будет прежде всего поощрение национальных языков и установление их правового статуса в соответствии с их реальной ролью данных языков в конголезском обществе. Исследователь утверждает, что также необходимо поощрять изучение международной терминологии и работу над созданием словарей и баз данных, чтобы национальные языки могли выразить современный мир. Автор также упоминает о переподготовке учителей и разработке учебных материалов на национальных языках [7, с. 54-56].

Что касается французского языка, то он все еще воспринимается как «необходимое зло» для экономического развития и открытости внешнему миру, особенно во франкоязычной Африке. Отметим, что конголезцы признают роль английского языка, как языка международного общения, а также в той или иной мере ассоциируют его с уже ушедшими ополченцами.

Согласно отчету ООН от 2004 года, посвященному национальным конфликтам в странах района Великих озер, французский язык находится в затруднительном положении во всех франкоязычных странах района Великих озер, в том числе ДРК, Руанду и Бурунди, которые, по совпадению, являются бывшими бельгийскими колониями. Кроме того, данные страны все еще представляют значительный интерес для британцев, американцев, французов и бельгийцев, а также для южноафриканцев и ангольцев. Все эти иностранные державы имеют свои экономические интересы в Демократической республике Конго, не принимая во внимание жизненно важные интересы народов ДРК [9].

Согласно гипотезе исследователей (Ф. Готье, Ж. Леклерк, Ж. Морэ), уже долгое время в районе Великих озер Великобритания и США ведут работу по внедрению английского языка в регион, и, если французский язык не сможет сохранить свое присутствие в Конго-Киншасе, то, возможно, что эта страна попадет в сферу влияния англоязычных стран, что повлечет за собой достаточно спорные изменения [10].

Выводы

Французский язык по-прежнему считается официальным языком в Демократической Республике Конго. Национальный вариант французского языка уже является частью конголезского наследия, хотя все еще воспринимается как колониальный и империалистический язык. Английский же язык, хотя и не по-

лучил всеобщего распространения, для большинства конголезцев ассоциируется с открытостью миру, универсализмом и мобильностью. Поэтому несмотря на то, что французский язык в ДРК имеет статус официального, и страна ведет достаточно активную языковую политику, регулируя основные сферы жизни общества, его положение в стране останется уязвимым. В сложившейся языковой ситуации конголезскому правительству не удалось провести конструктивной языковой политики, способной объединить все свои языки, поэтому правительству ДРК предстоит решить еще много языковых проблем.

Сегодня каждый конголезец говорит на родном (внутриэтническом) языке, но он должен начать обучение на одном из национальных языков (межэтническом) в соответствии с регионом его проживания, продолжить обучение на французском языке, а также владеть английским языком в университете. Следовательно, житель ДРК вынужден зачастую говорить, как минимум, на трех языках.

Мы можем предположить, что в будущем этнические конго-киншасские языки будут существовать на территории страны, хотя их разнообразие может угаснуть, в то же время четыре признанных национальных языка будут расширять сферы своего применения. Судьба же французского языка в Демократической Республике Конго остается достаточно неопределенной в силу многих внешних и внутрисполитических факторов. Однако в настоящее время французский язык занимает важное место в жизни конголезского общества и регулирует наиболее важные сферы деятельности конголезцев.

Список литературы

1. Куксова Е. Л., Коч К. И. Демолингвистическая ситуация в Демократической Республике Конго // Ученые за-

писки Орловского государственного университета. 2018. №4 (81). С. 176-180.

2. Edema A. Les particularités lexicales du français au Zaïre : métasémèmes et métalogismes ou changements sémantiques et logiques opérés sur les formes attestés en français standard. URL: <http://www.unice.fr/bcl/ofcaf/08/Ede-ma.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

3. Human Rights Watch, Victimes de guerre: Les civiles, l'état de droit, et les libertés démocratiques. 1999. Vol. 11. № 1 (A). URL: <http://www.refworld.org/docid/3ae6a8300.html> (дата обращения: 10.01.2019).

4. Constitution de la République Démocratique du Congo. URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/fr/cd/cd001fr.pdf> (дата обращения: 05.01.2019).

5. Ntumba I. L'usage du français en RDC: problématique et état des lieux. 2004. URL: <http://www.unice.fr/bcl/ofcaf/21/Ilunga.pdf>.

6. Nkongoko J.-J. Quelle langue d'enseignement pour la République Démocratique du Congo? // Une enquête à Kinshasa, Montréal, 1998. URL: <http://www.telug>

uquebec.ca/diver-scite/SecArtic/Arts/98/jjnkongolo/01_txt.htm (дата обращения: 21.01.2019).

7. Makomo Makita J.-C. La politique linguistique de la R.D. Congo à l'épreuve du terrain: de l'effort de promotion des langues nationales au surgissement de l'entrelangue // Synergies Afrique des Grands Lacs. 2013. № 2. P. 45-61.

8. Congo-Kinshasa (République démocratique du Congo). URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/czaire.htm> (дата обращения: 19.10.2018).

9. Le conflit des Grands Lacs en Afrique // La documentation française. URL: <https://www.lado-cumentationfrancaise.fr/dossiers/d000098-le-conflit-des-grands-lacs-en-afrique/2003-2004-transition-democratique-et-persistence-des-violences> (дата обращения: 12.01.2019).

10. Gauthier F., Leclerc J., Maurais J. Langues et constitutions. Montréal/Paris, Office de la langue française. Conseil international de la langue française, 1993. 131 p.

Поступила в редакцию 15.02.19

UDC 811

E. L. Kuksova, Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer of the second foreign language department, Belgorod National Research University (85, Pobedy str., Belgorod, the Belgorod region, 308015, Russia) (e-mail: kuksova@bsu.edu.ru)

K. I. Koch, Post-Graduate Student, Belgorod National Research University (85, Pobedy str., Belgorod, the Belgorod region, 308015, Russia) (e-mail: karina010990@mail.ru)

FRENCH LANGUAGE AND LANGUAGE POLICY IN DEMOCRATIC REPUBLIC OF CONGO

The Democratic Republic of the Congo (formerly Zaire. Congo-Kinshasa, DRC), the former colony of Belgium, is one of the most multi-ethnic countries in Africa. The languages and cultures of the numerous peoples of the DRC, the French language imported into the DRC from Belgium, are constantly intermingled, creating a kind of linguocultural and sociolinguistic situation in the country. The current linguistic and cultural situation in the DRC is complicated by the presence of the English language brought by the Allied militia.

In a complex linguocultural situation, it is necessary to correctly and consistently regulate at least the most significant areas of the company's activities. To this end, the state and local government bodies pursue a linguistic policy, which makes it possible to resolve the issue of achieving mutual understanding between citizens and authorities, local administration, etc.

The study focuses on the role and place of the French language in the language policy of the Democratic Republic of Congo. The authors note the main directions of the state language policy.

According to the documents reviewed in this paper, the French language occupies a leading place in the life of the Congolese community and is the main tool for communication of citizens with various government services. It is important to note that in addition to French, which, according to the DRC Constitution, is the official language of the country, there are also national languages in Congo-Kinshasa (Swahili, Lingala, Kikongo and Chiluba), which are also enshrined in the Constitution and used in certain linguistic-geographical zones in various fields official communication.

Particular attention is paid to the areas of mandatory and optional use of official and national languages, as well as the prospects for the development of the language situation in the DRC. For example, the authors conclude that the national languages of the DRC will expand their areas of application, while the position of the French language is controversial due to many external and internal political factors, despite its important place in the life of the Congolese society today.

Key words: Democratic Republic of Congo; linguistic situation; language policy; bilingualism; multilingualism; French.

For citation: Kuksova E. L., Koch K. I. French language and language policy in Democratic Republic of Congo. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 14–20 (in Russ.).

References

1. Kuksova E. L., Koch K. I. Demolinguistic situation in the Democratic Republic of Congo. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 4 (81), pp. 176–180.

2. Congo-Kinshasa (République démocratique du Congo). URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/czaire.htm> (19.10.2018).

3. Constitution de la République Démocratique du Congo. URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/fr/cd/cd001fr.pdf> (05.01.2019)

4. Edema A. Les particularités lexicales du français au Zaïre : métasémèmes et métalogismes ou changements sémantiques et logiques opérés sur les formes attestés en français standard. URL: <http://www.unice.fr/bcl/ofcaf/08/Ede-ma.pdf> (20.03.2019)

5. Gauthier F., Leclerc J., Maurais J. *Langues et constitutions*. Montréal/Paris, Office de la langue française. Conseil international de la langue française, 1993. 131 p.

6. Human Rights Watch, *Victimes de guerre: Les civiles, l'état de droit, et les libertés démocratiques*, 1999, vol. 11, no. 1

(A). URL: <http://www.refworld.org/docid/3ae6a8300.html> (10.01.2019).

7. Le conflit des Grands Lacs en Afrique. La documentation française. URL: <https://www.lado-cumentationfrancaise.fr/dossiers/d000098-le-conflit-des-grands-lacs-en-afrique/2003-2004-transition-democratique-et-persistence-des-violences> (12.01.2019)

8. Makomo Makita J.-C. La politique linguistique de la R.D. Congo à l'épreuve du terrain: de l'effort de promotion des langues nationales au surgissement de l'entrelangue. *Synergies Afrique des Grands Lacs*, 2013, no. 2, pp. 45-61.

9. Nkongoko J.-J. *Quelle langue d'enseignement pour la République Démocratique du Congo? Une enquête à Kinshasa*, Montréal, 1998. URL: http://www.teluq.quebec.ca/diver-scite/SecArtic/Arts/98/jjnkongolo/01_txt.htm (21.01.2019).

10. Ntumba I. *L'usage du français en RDC: problématique et état des lieux*. 2004. URL: <http://www.unice.fr/bcl/ofcaf/21/Ilunga.pdf>

УДК 81'23

А. В. Анненкова, канд. филол. наук, преподаватель ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail Antonina-1984@yandex.ru)

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ОБРАЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА ИМИДЖЕВОЙ РЕКЛАМЫ: ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В статье приводятся некоторые результаты исследования, проведённого с целью изучить особенности восприятия образной составляющей имиджевой рекламы, которую мы рассматриваем как поликодовый текст, содержащий как вербальные, так и невербальные компоненты, используемые как отдельно, так и совместно.

Актуальность исследования текстов имиджевой рекламы определяется недостаточностью разработки целого ряда проблем, связанных с изучением имиджевой рекламы, а также потребностью в понимании всё возрастающей тенденции использования изучаемого явления в современном обществе. Анализируя вербальные и невербальные составляющие текста имиджевой рекламы, специфику их взаимодействия, можно оценить внутреннюю структуру рекламных текстов и образов, стоящих за ней.

В процессе восприятия поликодового текста имиджевой рекламы каждый человек оценивает его путём соотнесения с хранящимися в его индивидуальном лексиконе образами событий, объектов, явлений или людей, перенося важные для него качества на рекламный текст в ситуации «здесь и сейчас». Иными словами, образ, заложенный в рекламном тексте автором, и образ, воспринятый индивидом, не тождественны, и различия в этих двух образах будут меняться в зависимости от получаемой человеком информации в определённый момент времени.

Мы полагаем, что образ в индивидуальном лексиконе формируется при реализации когнитивного процесса метафоризации, который позволяет на основании сходства, подобия или аналогии осуществлять трансформацию понятий и объектов реальной действительности во внутренний образ в ситуации «важно для меня лично» «здесь и сейчас». Следует отметить, что на когнитивный процесс метафоризации оказывают влияние субъективное восприятие информации индивидом, принцип известно/неизвестное, эмоциональность, зависящие от разных факторов, среди которых немаловажное место занимает фактор гендера. Важно понимать, что для исследования сложных процессов, происходящих в сфере индивидуального лексикона, необходимо проведение экспериментальных исследований. Так, для верификации утверждения о важности фактора гендер в процессе восприятия образной составляющей имиджевой рекламы нами было проведено экспериментальное исследование с применением метода семантического дифференциала, некоторые результаты которого приведены в статье.

Ключевые слова: имиджевая реклама; поликодовый текст; эксперимент; метод семантического дифференциала; восприятие; метафоризация; гендерный фактор.

Ссылка для цитирования: Анненкова А. В. К вопросу о восприятии образной составляющей поликодового текста имиджевой рекламы: гендерный фактор (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 21–32.

Введение

Текст имиджевой рекламы является одним из способов вербального отображения жизни человека. Мир реальный и мир вербальный объединяются в рекламном сообщении, предназначенном для оказания такого воздействия на целевую аудиторию, что в индивидуальном лексиконе реципиента формируется положительная оценка, предполагающая устойчивую связь между предметом имиджевой рекламы и благополучием существования и жизнедеятельности реципиента.

Изучению различных аспектов функционирования рекламы и рекламного

текста посвящено большое количество публикаций и научных работ [1, 4-7, 9, 12, 14-21, 23, 25], которые свидетельствуют о том, что данное понятие является одним из значимых для современной гуманитарной парадигмы. С позиции теории языка имиджевая реклама представляет собой текст, состоящий из взаимосвязанных компонентов разных знаковых систем, и является особой формой коммуникативной ситуации, в рамках которой происходит передача закодированной информации с целью изменения образа мыслей адресата, его отношения к объекту рекламы – носителю имиджа и, соответственно, модели его поведения,

как было рассмотрено в публикациях [14-21, 23, 25].

В нашем исследовании имиджевая реклама рассматривается как поликодовый текст; мы разделяем мнение А.Г. Сонина [28], который описывает его как текст, содержащий вербальные и невербальные компоненты, используемые как отдельно, так и совместно, которые дополняют друг друга для создания более полного образа. Необходимо заметить, что текстовый фрагмент всегда коррелирует с видео-/аудио- или изобразительным рядом. При этом формирование образа в индивидуально лексиконе происходит на основании когнитивного процесса метафоризации. Мы вслед за О.С. Зубковой полагаем, что «операциями метафоризации <...> являются аналогизация, подобие и сходство. Результатом этих операций является воспринимаемое сходство, концептуализированное на когнитивном уровне между объектом и когнитивно-перцептивно-аффективным опытом (или составляющими опыта) индивида» [22, с. 306].

С целью оценки особенностей восприятия адресатом текстов имиджевой рекламы с учётом влияния фактора гендер, нами было проведено экспериментальное исследование, в качестве стимульного материала которого была выбрана только невербальная часть поликодового текста имиджевой рекламы для нивелирования степени влияния вербального компонента имиджевого рекламного текста на процесс формирования образа носителя имиджа в когнитивном пространстве адресата.

Результаты и обсуждение

При восприятии имиджевой рекламы категория гендера является фактором-константой и наряду с другими факторами влияет на реализацию когнитивного процесса метафоризации и формированию образа имиджа в индивидуальном лексиконе человека. Вместе с тем, для нашего исследования значимо, что процесс формирования образа носителя имиджа в индивидуальном лексиконе обес-

печивается реализацией целого комплекса процессов, происходящих при взаимодействии между продуктами переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта индивида в момент времени «здесь-и-сейчас», которые именно в настоящее время важны для человека. Таким образом, изучение влияния фактора гендер позволит более полно и разносторонне интерпретировать и проанализировать отношение респондента к исследуемому образу, так как гендерный фактор связан как с лингвистическими, так и с социальными и психофизиологическими характеристиками личности [19].

Восприятие можно рассматривать как процесс, в результате которого воспринимаемое оказывается продуктом взаимодействия поступающей информации и социально приобретенной схемы восприятия, зависящей от фактора гендер. Следует отметить, что говоря о «восприятии имиджа» и «восприятии образа рекламы», мы имеем в виду процесс декодирования и преобразования информации об объекте имиджа и объекте рекламы, заложенной адресантом в рекламный текст, которые затем создают в индивидуальном лексиконе образ этого объекта. Так, А.А. Леонтьев утверждает, что в основе мировидения и мировосприятия индивида лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, присущих данной нации [26].

Для изучения особенностей влияния гендерного фактора на формирование рекламного образа в индивидуальном лексиконе, а также субъективных оценок на знакомый или неизвестный респонденту имиджевый рекламный текст, нами был проведен психолингвистический эксперимент и в качестве основного метода исследования был выбран метод семантического дифференциала, который широко применяется во многих науках, например, таких как психология, социология, лингвистика, маркетинговые исследования, психолингвистика [13], для исследования субъективного восприятия

индивидом разных по структуре и наполнению стимульных объектов, которые могут быть: концептами [2, 10, 29]), поликодовым текстом [14-17, 19, 20, 23], аудиодорожкой (звуковой стимул) [11], собирательным образом (имиджем) [3, 8, 14-17, 19, 20, 23]. Результаты, полученные после интерпретации данных семантического дифференциала, могут быть успешно экстраполированы для целей дальнейшего анализа, в том числе построения семантических полей, определения связей между исследуемым объектом и целевой группой, моделирование поведенческих ситуаций для оказания помощи в принятии решений.

Цель эксперимента состояла в изучении специфики формирования образной составляющей имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе в зависимости от гендерного фактора.

При проведении экспериментального исследования с использованием метода семантического дифференциала нами была принята классификация факторов и шкал В.Ф. Петренко [27]. Используемый 18-шкальный 6-факторный семантический дифференциал позволил более полно и всесторонне рассмотреть особенности восприятия респондентом имиджевой рекламы, в которой присутствовал только невербальный компонент, а также определить факторы, по которым происходило формирование образа в индивидуальном лексиконе адресата.

При проведении эксперимента нами были исследованы следующие факторы [27]: фактор «Оценка» (шкалы: «приятный – неприятный»; «светлый – темный»; «красивый – безобразный»), фактор «Активность» (шкалы: «активный – пассивный»; «возбужденный – расслабленный»; «быстрый – медленный»), фактор «Упорядоченность» (шкалы: «упорядоченный – хаотичный»; «устойчивый – изменчивый»; «неподвижный – движущийся»), фактор «Сложность» (шкалы: «сложный – простой»; «таинственный – обычный»; «неограниченный – ограниченный»), фактор «Сила» (шкалы: «большой – маленький»; «сильный – сла-

бый»; «тяжелый – легкий»), фактор «Комфортность» (шкалы: «безопасный – опасный»; «мягкий – твердый»; «нежный – грубый»). Следует отметить, что в своей работе мы придерживались разделения антонимичных шкал по факторам, предложенного В.Ф. Петренко [27].

Главной задачей метода семантического дифференциала считается построение семантического пространства, структура которого может служить для исследователя объяснительной моделью того, как индивид воспринимает, классифицирует, сравнивает, оценивает заданные объекты или их характеристики.

Материалом для исследования послужили 10 поликодовых текстов наружной имиджевой рекламы, представляющих промышленные предприятия (без учета предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности) [30], которые не были широко известны большинству респондентов, и по которым невозможно было догадаться о месте и роли предприятия в промышленном секторе.

Во время проведения эксперимента испытуемому предлагалось заполнить бланк: в таблице для оценивания объектов исследования по антонимичным качествам нужно было определить меру выбранного качества по семибалльной шкале с диапазоном от «-3» до «+3», отметив выбранное качество объекта, не задумываясь, основываясь только на первом впечатлении. В бланке ии. нужно было указать свой пол, возраст и место учебы/работы. Следует отметить, что при составлении бланка анкеты, мы понимали вероятность того, что ии. могут ошибочно толковать и градуировать объекты, но при планировании эксперимента нами намеренно использовалась такая характеристика шкал, как «направленность», которая выражается в том, что в бланке семантического дифференциала используются как шкалы, образованные оппозициями от положительного полюса к отрицательному, так и шкалы, имеющие обратную направленность. Подобная мера применялась нами для пресечения по-

зиционного стиля ответов респондента, когда через некоторое время респондент начинает давать одинаковые ответы.

При проведении экспериментального исследования с использованием метода семантического дифференциала нами было задействовано 45 человек в возрастной категории от 25 до 60 лет. Все ии. были разделены на две категории по гендерному признаку:

– первая группа – представители мужского пола в количестве 23 человек, средний возраст участников составил 30 лет;

– вторая группа – представители женского пола в количестве 22 человек, средний возраст участников – 35 лет.

В результате проведенного эксперимента было получено 45 бланков с ответами, данные которых были проанализированы и сведены в таблицы. Нами был проведен «вертикальный анализ», подразумевающий исключение непригодных для обработки бланков, каковых обнаружено не было. Также следует отметить, что респонденты с интересом отнеслись к выполнению задания, отказов от участия в эксперименте не было.

С учётом поставленной цели мы считаем, что полученный корпус экспериментальных данных (8100 реакций) является достаточно репрезентативным, несмотря на сравнительно небольшое количество респондентов, привлечённых к участию в экспериментальном исследо-

вании, и позволяет сформулировать достоверные выводы об особенностях восприятия образной составляющей поликодового текста имиджевой рекламы представителями разных гендерных групп.

Анализ и интерпретация экспериментальных данных семантического дифференциала проводится с использованием программных средств [2, 3, 8, 10, 11]. Полученные нами в ходе эксперимента данные были нами обработаны с помощью методов математической статистики с использованием программного продукта Microsoft Office Excel.

На рисунке 1 показаны результаты проведенного экспериментального исследования, представленные усредненными значениями оценок респондентами имиджевых объектов по 6 факторам (см. рис. 1), из которого видно, что представителями второй группы ии. (представители женского пола) даны более определенные оценки имиджевых текстов. В указанной группе доминантными являются факторы «Оценка», «Упорядоченность» и «Сила», в то время как для первой группы ии. (представители мужского пола) выделен только один доминантный фактор «Сложность». Факторы «Активность», «Упорядоченность» и «Сила» имеют одинаковую направленность оценок для обеих групп ии., в то время как усредненные оценки оставшихся факторов разнонаправлены.

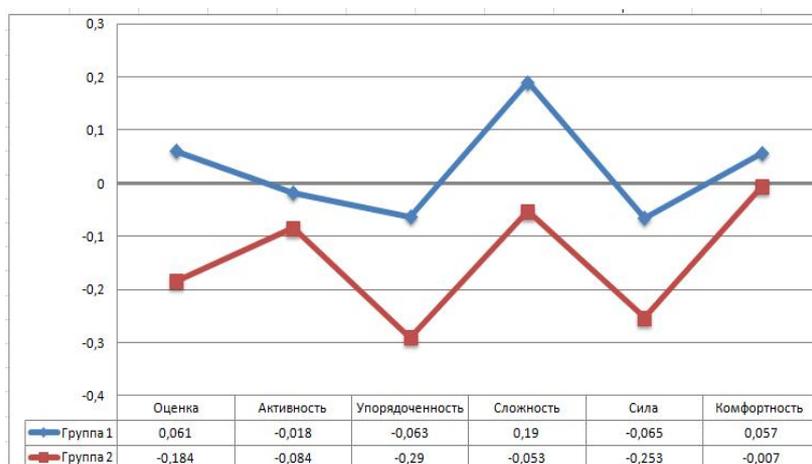

Рис. 1. Обобщенные результаты экспериментального исследования с использованием метода семантического дифференциала (Группа 1 – ии. мужского пола, Группа 2 – ии. женского пола)

Процесс идентификации образа происходит в зависимости от контекста предыдущего опыта индивида с опорой на наиболее актуальные признаки, которые можно определить, применив статистические методы, такие как корреляционный анализ, состоящий в определении степени связи между двумя случайными величинами.

Для определения степени связи между двумя случайными величинами применяется метод корреляционного, а качеством значимой меры подобной связи служит коэффициент корреляции, оцениваемый на основании выборки объема n связанных пар наблюдений из совместной генеральной совокупности данных, полученных экспериментальным путём. Оценка степени взаимосвязи двух случайных величин X и Y , измеренных в количественных шкалах, осуществляется по коэффициенту Пирсона, который ещё называется коэффициентом линейной корреляции, рассчитанная величина которого находится в интервале от -1 (строгая обратная линейная зависимость) до $+1$ (строгая прямая пропорциональная зависимость), значение 0 показывает отсутствие линейной зависимости между двумя выборками. В статистической литературе известна следующая общая классификация корреляционных связей на основе модуля рассчитанного значения коэффициента Пирсона [24]: сильная или тесная при коэффициенте корреляции, лежащем в интервале $[0,70; 1]$; средняя – $[0,50; 0,69]$; умеренная – $[0,30; 0,49]$; слабая – $[0,20; 0,29]$; очень слабая – $[0; 0,19]$.

После проведения статистического анализа нами было определено, что в первой исследуемой группе (и. мужского пола) в сильной связи друг с другом находятся практически все выбранные нами факторы (например, фактор «Оцен-

ка» находится в сильной зависимости от факторов «Активность», «Сложность», «Сила» и «Комфортность», а фактор «Комфортность» зависит от всех остальных пяти факторов). Для показателей второй исследуемой группы (и. женского пола) мы можем наблюдать несколько иную картину: наблюдается сильная зависимость только между факторами «Сложность» и «Оценка», «Сложность» и «Активность», «Комфортность» и «Оценка». В обеих группах между факторами строгая прямая пропорциональная зависимость, что означает, что увеличение одной переменной (фактора) связано с увеличением другой переменной (фактора). Примечательно, что во второй группе (и. женского пола) мы обнаружили факторы, практически не зависящие друг от друга: это фактор «Сила», который является самостоятельным и не зависит ни от одного другого фактора и фактор «Комфортность», находящийся в очень слабой связи с фактором «Упорядоченность». В первой гендерной группе (и. мужского пола) подобных показателей не было обнаружено. Для большей наглядности представим данные экспериментального исследования в графическом виде (рис. 2).

На основании диаграмм, отражающих данные корреляционного анализа (см. рис. 2), можно сделать вывод, что и. с разным гендерным признаком по-разному оценивают стимульные объекты. Сравнивая между собой корреляционные линии для и. мужского пола (см. рис. 2а), мы видим, что графическое распределение практически одинаково, присутствует только разница в величинах коэффициента корреляции, которая незначительно меняет график распределения. Следует отметить, что фактор «Упорядоченность» наиболее слабо связан с остальными факторами и составляющие

его биполярные антонимичные шкалы не оказывают значительного влияния на общую оценку ии. имиджевого рекламного текста. Если же рассмотреть аналогичные линии для ии. женского пола (см. рис. 2б) и сравнить их между собой, то очевидно, что оценки респондентов данной гендерной группы более разноплановые как по величине, так и по направлению, кроме того, графики корреляционных линий сильно отличаются друг от друга. Сопоставляя графические представления результатов корреляционного анализа для двух групп (см. рис. 2), мы видим ярко выраженные отличия в полу-

ченных нами кривых, построенных по величинам коэффициента Пирсона, по каждому из рассматриваемых в исследовании факторов, что свидетельствует о более эмоциональном отношении респондентов к стимульным объектам. Иными словами, у ии. с разным гендерным признаком по-разному происходит восприятие объектов имиджевой рекламы и конструирование внутреннего образа имиджа в индивидуальном лексиконе человека, т.е. когнитивный процесс метафоризации происходит с опорой на совершенно разные ключевые моменты и признаки.

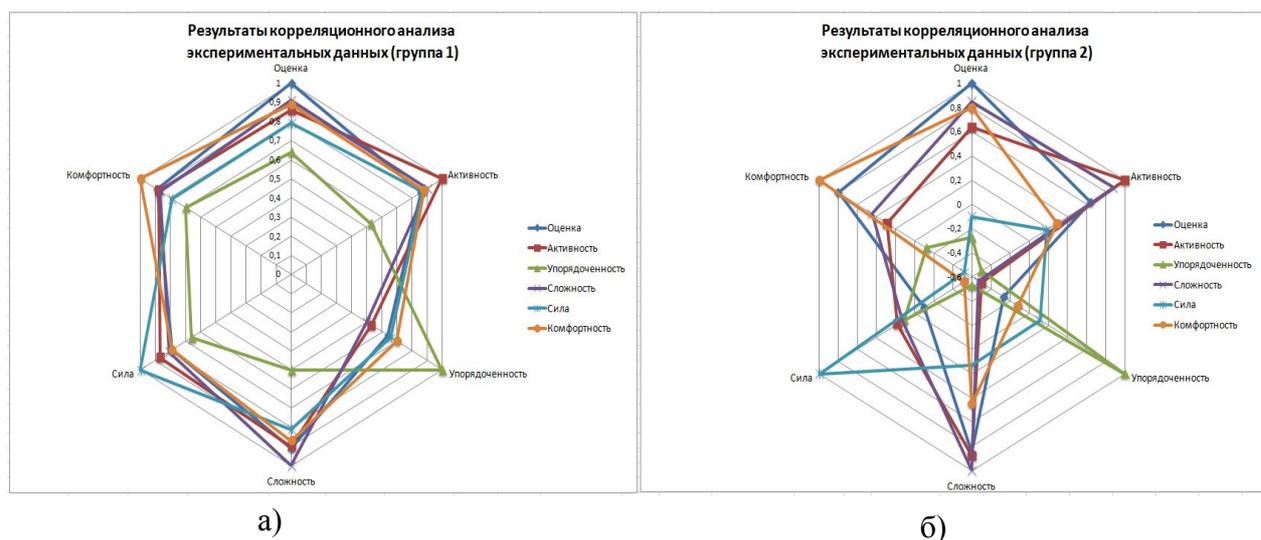

Рис. 2. Результаты корреляционного анализа данных экспериментального исследования (по факторам): а – данные группы 1 (и.и. мужского пола); б – данные группы 2 (и.и. женского пола)

Представим графически расположение стимульных объектов в одном из семантических пространств наиболее сильно связанных друг с другом факторов. В обеих исследуемых группах одинаково сильно коррелированы фактор «Сложность» и фактор «Оценка» (рис. 3). Также для сравнения нами было построено семантическое пространство для фактора «Сила» и фактора «Упорядоченность» (рис. 4), которые находятся в очень слабой зависимости друг от друга для исследу-

дуемой группы 2 (коэффициент корреляции 0,11) и средней силы взаимосвязи для гендерной группы 1 (коэффициент корреляции равен 0,66). Оси координат построенных графиков семантического пространства соответствуют выбранным нами факторам, а деления на осях показывают соответствие каждого конкретного стимульного объекта указанному фактору.

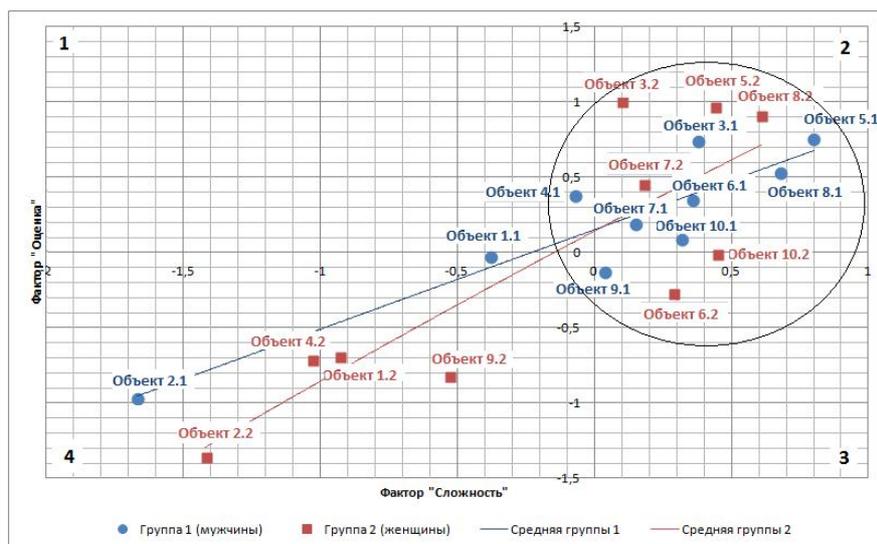

Рис. 3. Семантическое пространство для фактора «Сложность» и фактора «Оценка»

Для семантического пространства фактора «Сложность» и фактора «Оценка» (см. рис. 3) большинства объектов двух исследуемых групп характерны более выраженные показатели исследуемых факторов (и, соответственно, антонимичных шкал), за исключением оценок обра-

за «Объекта 2» (группа 1) и образов «Объектов 1, 2, 4, 9» второй исследуемой группы. Средние величины оценок Объекта 1 (группа 1) незначительно отличаются от оценок выделенной нами общей группы образов имиджевых рекламных объектов.

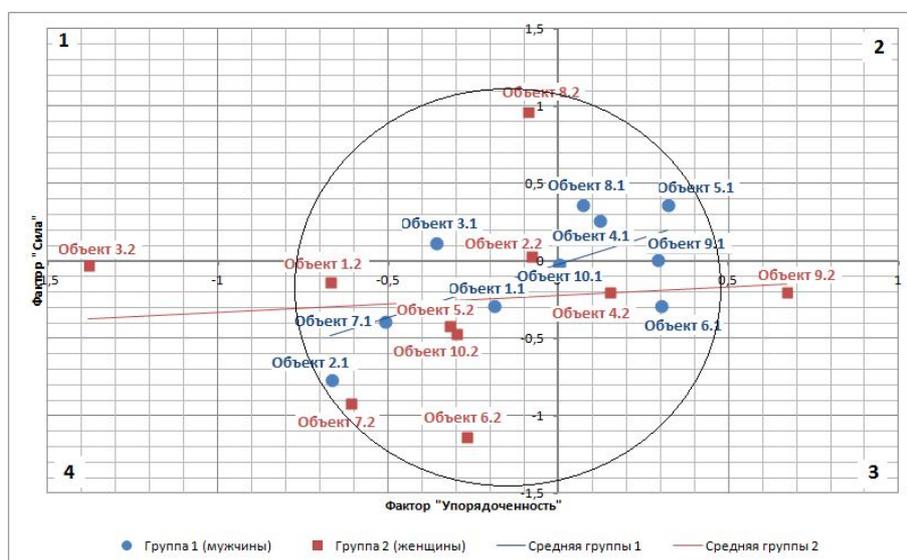

Рис. 4. Семантическое пространство для фактора «Сила» и фактора «Упорядоченность»

Из рисунка 4 очевидно, что для семантического пространства фактора «Сила» и фактора «Упорядоченность» не представляется возможным выделить один определенный квадрант факторного

пространства. Оценки исследуемых объектов респондентов первой группы (представители мужского пола) лежат в интервале [0; 0,5] фактора «Сила» (второй квадрант), а для оценок представите-

лей женского пола (вторая группа) характерно размещение в четвертом квадранте со значительным разбросом числовых значений величин оценок.

Следует отметить, что во время проведения математической обработки полученных в результате эксперимента данных мы не создаем «новое содержание», но имеем возможность представить исходные данные в более компактной и хорошо структурированной форме. Так как значения оценок объектов в рамках семантического пространства задаются как пересечения координатных проекций на оси семантического пространства, то их можно рассматривать как аналог категориальной структуры индивидуального лексикона человека, как отмечается в работе [27].

По результатам проведенного нами эксперимента с использованием методики семантического дифференциала было установлено, что в зависимости от гендерной принадлежности респонденты по-разному оценивают имиджевые рекламные объекты (на примере логотипов промышленных предприятий): представители женского пола дают более эмоциональные ответы с акцентом на факторы «Оценка» и «Сила»; у представителей же мужской части респондентов доминантным является фактор «Сложность».

Выводы

Имиджевая реклама представляет собой особый тип поликодового текста, цель создания которого заключается в изменении отношения индивида к объекту рекламы и, соответственно, изменения его потребительского поведения. За возникновение и формирование образа имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе носителя языка отвечает единое тематическое наполнение поликодового текста имиджевой рекламы, проявляющееся через комбинацию вербальных знаков, цветового наполнения и сопут-

ствующих графических, аудио-, и/или видео- компонентов.

Эмоциональное восприятие имиджевого рекламного текста, преломляясь через индивидуальный опыт, окрашивается внутренними переживаниями индивида, которые становятся неотъемлемой характеристикой образа, стоящего за поликодовым текстом, что можно проследить, проведя психолингвистический эксперимент с применением методики семантического дифференциала и последующей обработкой полученных данных с привлечением математической аппарата раздела статистика.

Так, результаты проведенного экспериментального исследования показали, что гендерная принадлежность члена социума оказывает влияние на процесс восприятия образа имиджевой рекламы, что отражается на субъективных оценках, даваемых индивидами в ходе экспериментального исследования. Нами было выяснено, что женщины реагируют более эмоционально, а для процесса формирования внутреннего образа, отражающего их восприятие стимульного имиджевого рекламного текста, характерны более выраженные, более яркие оценки рекламного образа, в то время как для ии. мужского пола наблюдается стремление «сгладить» качества по признаковым шкалам, что выражается в более низких оценках по шкалам, которые зачастую стремятся к нулевой отметке, отражающей затруднение по отнесению объекта к какому-то одному определенному качеству.

Полученные нами данные представляется возможным использовать для дальнейшего исследования основных закономерностей влияния фактора гендер на формирование у индивида определенных субъективных реакций в ответ на предъявляемый ему стимул, а также выявить специфику построения семантического пространства исследуемых полико-

довых текстов при помощи субъективных оценок разных гендерных групп.

Список литературы

1. Bell R., Buchner A. Positive Effects of Disruptive Advertising on Consumer Preferences // *Journal of Interactive Marketing*. 2018. Vol. 41. P. 1-13.

2. Chráska M., Chrásková M. Semantic Differential and its Risks in the Measurement of Students' Attitudes // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 217. P. 820-829.

3. Ciabuca A. The Development of a Semantic Differential Scale for Assessing the Perceived Image of Citizens about Romanian Police Forces // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 187. P. 28-33.

4. Dehghani M., Niaki M.K., Ramezani I., Sali R. Evaluating the influence of YouTube advertising for attraction of young customers // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 59 (June). P. 165-172.

5. Dindaroglu B. Competitive advertising on broadcasting channels and consumer welfare // *Information Economics and Policy*. 2018. Vol. 42. P. 66-75.

6. Grunewald A., Kräkel M. Advertising as signal jamming // *International Journal of Industrial Organization*. 2017. Vol. 55 (November). P. 91-113.

7. Huang J., Su S., Zhou L., Liu Xi. Attitude Toward the Viral Ad: Expanding Traditional Advertising Models to Interactive Advertising // *Journal of Interactive Marketing*. 2013. Vol. 27 (1) (February). P. 36-46.

8. Huang Yu., Chen Chun-Hsien, Khoo Li Pheng. Products classification in emotional design using a basic-emotion based semantic differential method // *International Journal of Industrial Ergonomics*. 2012. Vol. 42, is. 6. P. 569-580.

9. Kim K., Lee S, Choi Y.K. Image proximity in advertising appeals: Spatial distance and product types // *Journal of Business Research*. 2017. Vol. 4 (September).

10. Klement M., Chráska M., Chrásková M. The Use of the Semantic Differential Method in Identifying the Opinions Of University Students on Education Realized Through e-learning // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 186. P. 1214-1223.

11. Palù D.D., Buiatti E., Puglisi G.E., Houix O., Susini P., Giorgi C. De, Astolfi A. The use of semantic differential scales in listening tests: A comparison between context and laboratory test conditions for the rolling sounds of office chairs // *Applied Acoustics*. 2017. Vol. 127. P. 270-283.

12. Petrovic I., Aspects of Symbolic Communications in Online Advertising // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. 149. P. 719-723.

13. Ploder A., Eder A. Semantic Differential // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 563-571.

14. Zubkova O.S., Annenkova A.V. Perception Peculiarities of Image Advertising Polycode Texts (Some Results of Experimental Research) // *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*. – 2017. Vol. 7, is. 8, August 2017. P. 189-202

15. Анненкова А. В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 22 с.

16. Анненкова А. В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2017. 229 с.

17. Анненкова А. В. Вербальные и визуальные коды социальной рекламы: опыт экспериментального исследования // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2014. № 2 (30). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/035-017.pdf>

18. Анненкова А.В. Специфика формирования виртуальных образов в имид-

жевой рекламе // VII Международная научно-методическая конференция «Теория и практика языковой коммуникации». Уфа, 2015. С.16-20.

19. Анненкова А. В. Экспериментальное исследование влияния фактора «гендер» на восприятие имиджевой рекламы // Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 2 (21). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/021-001.pdf>

20. Анненкова А. В. Метод семантического дифференциала в исследовании социальной рекламы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 4. С. 82-87.

21. Егорова В. И. Внешний образ против вербального в опосредованной коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. №4(25). С.49-57.

22. Зубкова О. С. Условия возникновения метафоры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. №5(1). С. 306–312.

23. Зубкова О. С., Анненкова А. В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе: монография. Курск, 2017. 242 с.

24. Ивантер Э. В., Коросов А. В. Основы биометрии: Введение в статистиче-

ский анализ биологических явлений и процессов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. 168 с.

25. Кондратенко Е.Н. Особенности функционирования идеологизмов в текстах СМИ // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. ст. IV Межд. науч.-практ. конф. Курск, 2012. С. 60-63.

26. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.

27. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983. 177 с.

28. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. №6. С.115-123.

29. Таныгина Е. А. Исследование внутреннего образа слов-цветообозначений русского языка с использованием методики семантического дифференциала // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. №1-2. С. 35–40.

30. Топ-10 курских предприятий (10КП). URL: <http://kursk.bezfor-mata.ru/listnews/top-10-kurskih-predpriya-tij/34035486/>.

Поступила в редакцию 18.03.19

UDC 81'23

A. V. Annenkova, Candidate of Philological Sciences, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail Antonina-1984@yandex.ru)

TO THE QUESTION OF PERCEPTION PECULIARITIES OF FIGURATIVE COMPONENT OF POLYCODE IMAGE ADVERTISING: GENDER FACTOR (EXPERIMENTAL RESEARCH)

Some results of research to study perception peculiarities of figurative component of image advertising are given in the article. Image advertising is considered as polycode text consisting of combination of verbal and nonverbal components which can be presented either separately or simultaneously.

Relevance of the image advertising texts study is determined by the lack of research work on the issues of such texts study as well as the necessity to understand the growing trend of image advertising using in the contem-

porary world. It is possible to assess the inner structure of advertising texts and images beyond them by analyzing verbal and nonverbal components along with the specific character of such elements interconnection.

Perceiving a polycode advertising text an individual assigns it by bringing the text into correlation with images of events, objects, phenomena, or people from his/her individual lexicon, so that he/she transfers important for him/her qualities to the advertising text in a situation "here and now". This means that an image created by an advertising text author and an image perceived by an individual are not equal, and differences between these two images are going to change depending on information received by the person at given time.

Our understanding is that image formation in the individual lexicon is the result of the cognitive process of metaphorization which is based on similarity, conformity or analogy and allows to transfer concepts and objects of the reality into an internal image in a situation "important to me personally" "here and now". It should be noted that the cognitive process of metaphorization is influenced by the subjective perception of information, the known/unknown principle, the emotionality which are dependent on various factors and gender is one of them. To study complex processes in the individual lexicon it is necessary to conduct a psycholinguistic experiment, so to verify statement of gender factor importance in the perceiving of figurative component of image advertising an experimental study using semantic differential was carried out, and some of its results are given in the article.

Key words: image advertising; polycode text; experiment; semantic differential; perception; metaphorization; gender.

For citation: Annenkova A. V. To the question of perception peculiarities of figurative component of polycode image advertising: gender factor (experimental research). *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 21–32 (in Russ.).

References

1. Bell R., Buchner A. Positive Effects of Disruptive Advertising on Consumer Preferences. *Journal of Interactive Marketing*, 2018, vol. 41, pp. 1–13.
2. Chráska M., Chrásková M. Semantic Differential and its Risks in the Measurement of Students' Attitudes. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2016, vol. 217, pp. 820–829.
3. Ciabuca A. The Development of a Semantic Differential Scale for Assessing the Perceived Image of Citizens about Romanian Police Forces. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 187, pp. 28–33.
4. Dehghani M., Niaki M.K., Ramezani I., Sali R. Evaluating the influence of YouTube advertising for attraction of young customers. *Computers in Human Behavior*. 2016, vol. 59 (June), pp. 165-172.
5. Dindaroglu B. Competitive advertising on broadcasting channels and consumer welfare. *Information Economics and Policy*, 2018, vol. 42, pp. 66–75.
6. Grunewald A., Kräkel M. Advertising as signal jamming. *International Journal of Industrial Organization*, 2017, vol. 55 (November), pp. 91-113.
7. Huang J., Su S., Zhou L., Liu Xi. Attitude Toward the Viral Ad: Expanding Traditional Advertising Models to Interactive Advertising. *Journal of Interactive Marketing*, 2013, vol. 27 (1) (February), pp. 36–46.
8. Huang Yu., Chen Chun-Hsien, Khoo Li Pheng. Products classification in emotional design using a basicemotion based semantic differential method. *International Journal of Industrial Ergonomics*, 2012, vol. 42, is. 6, pp. 569-580.
9. Kim K., Lee S, Choi Y.K. Image proximity in advertising appeals: Spatial distance and product types. *Journal of Business Research*, 2017, vol. 4 (September).
10. Klement M., Chráska M., Chrásková M. The Use of the Semantic Differential Method in Identifying the Opinions Of University Students on Education Realized Through e-learning. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 186, pp. 1214–1223.
11. Palù D.D., Buiatti E., Puglisi G.E., Houix O., Susini P., Giorgi C. De, Astolfi A. The use of semantic differential scales in listening tests: A comparison between context and laboratory test conditions for the rolling sounds of office chairs. *Applied Acoustics*, 2017, vol. 127, pp. 270-283.
12. Petrovic I., Aspects of Symbolic Communications in Online Advertising. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, 149, pp. 719–723.

13. Ploder A., Eder A. Semantic Differential. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*, 2015, pp. 563–571.
14. Zubkova O.S., Annenkova A.V. Perception Peculiarities of Image Advertising Polycode Texts (Some Results of Experimental Research). *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2017, vol. 7, Issue 8, August 2017, pp. 189–202
15. Annenkova A. V. Specifika funkcionirovaniya obrazov imidzhevoj reklamy v individual'nom leksikone (ehksperimental'noe issledovanie). Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Tver', 2018. 22 p.
16. Annenkova A. V. Specifika funkcionirovaniya obrazov imidzhevoj reklamy v individual'nom leksikone (ehksperimental'noe issledovanie). Diss. kand. filol. nauk. Kursk, 2017. 229 p.
17. Annenkova A. V. Verbal'nye i vizual'nye kody social'noj reklamy: opyt ehksperimental'nogo issledovaniya. *Uchenye zapiski: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2 (30). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/035-017.pdf>
18. Annenkova A.V. Specifika formirovaniya virtual'nyh obrazov v imidzhevoj reklame. VII Mezhdunarodnaya nauchno-metodicheskaya konferenciya «Teoriya i praktika yazykovoj kommunikacii». Ufa, 2015, pp. 16–20.
19. Annenkova A. V. Ehksperimental'noe issledovanie vliyaniya faktora «gender» na vospriyatие imidzhevoj reklamy. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 2 (21). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/021-001.pdf>
20. Annenkova A. V. Metod semanticheskogo differenciala v issledovanii social'noj reklamy. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2013, no. 4, pp. 82–87.
21. Egorova V. I. Vneshnij obraz protiv verbal'nogo v oposredovannoj kommunikacii. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2017, no. 4(25), pp. 49–57.
22. Zubkova O. S. Usloviya vznikoveniya metafory. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2011, no. 5(1), pp. 306–312.
23. Zubkova O. S., Annenkova A. V. Specifika funkcionirovaniya obrazov imidzhevoj reklamy v individual'nom leksikone. Kursk, 2017. 242 p.
24. Ivanter Eh. V., Korosov A. V. Osnovy biometrii: Vvedenie v statisticheskij analiz biologicheskikh yavlenij i processov. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 1992. 168 p.
25. Kondratenko E. N. Osobennosti funkcionirovaniya ideologizmov v tekstah SMI. Yazyk dlya special'nyh celej: sistema, funkcii, sreda. Sb. nauch. st. IV Mezhd. nauch.-prakt. konf. Kursk, 2012, pp. 60–63.
26. Leont'ev A. A. Yazykovoe soznanie i obraz mira. Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'. Moscow, 1993, pp. 16–21.
27. Petrenko V. F. Vvedenie v ehksperimental'nuyu psihosemantiku: issledovanie form reprezentacii v obydennom soznanii. Moscow, 1983. 177 c.
28. Sonin A. G. Ehksperimental'noe issledovanie polikodovyh tekstov: osnovnye napravleniya. *Voprosy yazykoznanija*, 2005, no. 6, pp. 115–123.
29. Tanygina E. A. Issledovanie vnutrennego obraza slov-cvetooboznachenij russkogo yazyka s ispol'zovaniem metodiki semanticheskogo differenciala. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2011, no. 1–2, pp. 35–40.
30. Top-10 kurskih predpriyatij (10KP). URL: <http://kursk.bezfor-mata.ru/listnews/top-10-kurskih-predpriya-tij/34035486/>.

УДК 81'42+81'373

Н. Н. Бобырева, канд. филол. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18) (e-mail: Nathalienb@yandex.ru)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СПОРТИВНОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА

Данная научная статья посвящена описанию и лингвистической интерпретации разновидностей и языковых особенностей интертекстуальных включений в современном новостном спортивном дискурсе. Рассматриваются различные способы реализации интертекстуальных связей на материале русскоязычных и англоязычных новостных сюжетов спортивной тематики. В ходе исследования применялись научные методы семантического, контекстуального, стилистического, интертекстуального, дискурсного анализа. В статье предлагается классификация интертекстуальных связей, свойственных данной тематической рубрике медийного дискурса. Интертекстуальность представлена как его характерная особенность. Интерпретируются примеры аллюзий, цитат, заголовков, прецедентных имен, специальных языковых единиц, свойственных спортивному институциональному дискурсу и использующихся для усиления воздействующей функции медийного текста. Существующее многообразие средств выражения интертекстуальности способствует реализации авторских коммуникативных интенций – служат обеспечению достоверности информации, созданию экспрессивности, ассоциативности, юмористичности и др. Будучи одной из форм реализации спортивного институционального дискурса, спортивный медийный текст характеризуется использованием языковых единиц специальной номинации и упоминанием о спортивных реалиях, событиях, лицах и др. Объективное восприятие и правильное понимание интертекстуальных включений в частности и новостных текстов в целом обеспечивается благодаря общей эрудиции читательской аудитории, а также наличию у реципиентов специальных знаний, знакомству с реалиями спортивной жизни, вовлеченности в эту сферу деятельности, способностью распознать в тексте факты, прецеденты и имена. Интертекстуальность создает в новостном тексте на спортивную тематику дополнительный смысловой план, поскольку формы языкового выражения и их смыслы принадлежат контексту, находящемуся за пределами данного текста.

Ключевые слова: спортивный дискурс; медийный дискурс; интертекстуальность; прецедентное имя; цитата; аллюзия; заголовок; термин.

Ссылка для цитирования: Бобырева Н. Н. Интертекстуальность как характеристика современного спортивного новостного дискурса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 33–40.

Введение

Средства массовой информации являются своеобразным зеркалом постоянно меняющегося мира. Публикации в медийном дискурсе повествуют о текущих событиях, представляя их ключевых участников, отражая актуальные ценности, выражая мнения и оценки. Поскольку цель современных СМИ состоит не только в передаче информации, но и в формировании общественного мнения, привлечении внимания к освещаемым фактам, событиям и проблемам, авторы текстов стремятся сделать их не только информативными, но и стилистически продуманными, яркими, запоминающимися как с точки зрения контента, так и с позиции языкового оформления. Спортивная тематика, представляющая собой отдельный сегмент медийного дискурса,

имеет широкий круг читателей и является социально востребованной.

Для воздействия на читателя авторы статей прибегают к использованию широкого спектра речевых средств: неологизмов, метафор, языковой игры, экспрессивной лексики и др. [1]. Особое место в арсенале подобных приемов принадлежит интертекстуальным включениям. Феномен интертекстуальности основан на концепции диалогизма М.М. Бахтина. Согласно этой концепции, помимо действительности, в которой существует автор, на процесс порождения текста влияют уже созданные тексты, а автор вступает в диалог с существующей культурой [2]. Теоретик постструктурализма Ю. Кристева является первым автором, который ввел термин «интертекстуальность» в научный оборот для обозначения свойства текста иметь связь с други-

ми текстами, впитывать исторический контекст и входить в него [3, с. 100-101].

Результаты и обсуждение

Терминологический аппарат, описывающий межтекстовые связи, весьма разветвлен. Например, Ж. Жанетт называет транстекстуальностью прямую или опосредованную связь между текстами, интертекстуальностью – буквальное присутствие одного текста в другом, гипертекстуальностью – взаимное наложение и трансформацию текстов (пастиши, подражания, пародии, продолжения и т.д.), метатекстуальностью – транстекстуальную связь, объединяющую комментарий и текст, архитектекстуальностью – связь, посредством которой текст включается в различные типы дискурса (жанры, их тематические, модальные, формальные и иные детерминанты), паратекстуальностью – связь текста с его элементами (заголовки, аннотация и др.) [4].

Известно, что характерными средствами интертекстуальности или, по терминологии Ж. Жанетт, транстекстуальности, являются аллюзии и цитаты. Под аллюзией понимаем «стилистический прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт» [5, с. 89]. Примером, характерным для спортивных СМИ, является аллюзия **ледовое побоище**: «Гопничество и беспредел». Назаров снова превратил хоккей в ледовое побоище; Маргарита Дробязко – о травле Гранькова: «На фоне борьбы Загитовой с Медведевой из фигурного катания сделали **Ледовое побоище**. Это диагноз» [6]. В данных примерах описывается накал борьбы на ледовой арене с помощью аллюзии на известное историческое событие. Следующий заголовок статьи содержит аллюзию на историческую личность: **Король Артур! Россия ждала это золото почти 20 лет** [6]. Статья посвящена победе россиянина Артура Далалояна на чемпионате мира по спортивной гимнастике в личном многоборье. Иллюстрируемые речевые сред-

ства выполняют стилистические и прагматические функции в новостных статьях, так как наделены ассоциативностью и способствуют актуализации фоновых знаний читателя.

В спортивных новостях, в частности в заголовках, зачастую осуществляется цитирование, сопровождающееся упоминанием имени лица (первоисточника фразы). Цитата представляет собой семантически наиболее емкое и выразительное изречение, поскольку заголовок призван отражать основное содержание статьи и привлекать внимание аудитории. Приведем примеры заголовков статей, опубликованных на сайтах Спорт-экспресс и Guardian Sport News: *Менеджер Нурмагомедова: «Бой с Мейвезером по правилам ММА станет убийством»*; *Илья Кутепов: «Надеюсь, что мы преодолеем кризис как можно скорее»*; *Мануэль Нойер: «Вопрос в том, почему нам не удалось удержать преимущество»* [6]; *'No secret' Crystal Palace wanted Ruben Loftus-Cheek back, says Roy Hodgson; Wales win over Australia would not be monkey off back, says Warren Gatland* [7]. Прием цитации используется авторами новостных статей для того, чтобы привлечь потенциального читателя, подчеркнуть факт достоверности информации, чему содействует авторитетность людей, речь которых цитируется.

Бывают такие случаи, когда высказывания спортсменов являются настолько шокирующими для общества, что становятся особенно востребованными для цитирования в спортивных медиа. В качестве примера приведем слова российского футболиста: 1) *Андрей Аршавин: «То, что мы не оправдали ваши ожидания, – ваши проблемы»* [8]. «**Это ваши проблемы**» – слова Аршавина о поражении взорвали фанатов [9]; 3) «То, что мы не оправдали ваши ожидания, – это не наши проблемы, – сказал капитан сборной Андрей Аршавин. – **Это ваши проблемы**». И сразу разговор о сборной сменил тональность [10]. Данная фраза бывшего капитана сборной стала узнава-

емой и в сознании общества коррелируют с данной личностью. При введении этих слов в поисковые системы сети Интернет выходят ссылки на источники, повествующие о той ситуации, в которой фраза была произнесена и о ее последствиях.

Свое место в системе интертекстуальных включений в спортивном медиадискурсе находит гипертекстуальность, которая базируется на пародировании или описании текста. Источником для создания гипертекстуальности выступает, например, выражение **Olympic Athlete from Russia (Олимпийский спортсмен/атлет из России)**. Данная формулировка, принятая для номинации российских спортсменов на Олимпиаде в Пхенчхане, явилась предметом оценок и выражения мнений, в том числе и среди спортивных журналистов и комментаторов. Лингвистическая «искусственность» данной фразы подчеркивается использованием ее в кавычках: *Команда хоккеистов «олимпийских атлетов из России» победила на Олимпиаде, обыграв США со счетом 4:0 ...* [11]. В российских СМИ был описан комментарий канадского журналиста в связи с обнаружением допинга в пробах одного из спортсменов: *«Что же будет дальше? Если спортсмен OAR (Олимпийский атлет из России) сдал положительный тест на допинг, то что будет на следующей Олимпиаде? Команда будет называться OAFOR (Олимпийские атлеты из команды «Олимпийские атлеты из России»)»* – написал Акман в своем твиттере [12]. Более того, описываемое наименование модифицировалось авторами текстов и применялось по отношению к спортсменам из других стран для придания выразительности и, очевидно, с отсылкой к оригинальной фразе: *Все олимпийские атлеты из Норвегии заработали за время соревнований в Пхенчхане 38 медалей, причем это число может увеличиться. <...> Во время зимних Олимпийских игр в Ванкувере олимпийские атлеты из США заработали 37 медалей* [13]. Коммуникативная интенция автора данной

статьи заключалась в том, чтобы с иронией сообщить читателю о феноменальных результатах норвежцев, о больших количествах запрещенных лекарств, привезенных для сборной, а также об отсутствии каких-либо мер со стороны МОК и WADA в контексте той ситуации, которая сложилась вокруг команды из России.

Архитекстуальность – характеристика медийного спортивного дискурса, достигаемая посредством включения в ткань текста терминов, специфичных для конкретных видов спорта. Их присутствие в информационном пространстве масс-медиа способствует обогащению языка СМИ. Приведем пример: *Performing to “Winter” by Balmorhea, Tarasova/Morozov landed a triple twist, triple toe-double toe-double toe combination, throw triple loop and difficult lifts* [14]. – *Выступая под композицию «Winter» («Зима») группы «Balmorhea», Евгения Тарасова и Владимир Морозов выполнили тройную подкрутку, каскад прыжков «тройной тулуп – двойной тулуп – двойной тулуп», выброс тройной риттбергер и сложные поддержки.* Термины часто используются, например, в новостных разделах сайтов спортивных федераций для описания программ выступления спортсменов, анализа исполнения элементов. Еще один пример терминологической трудности текста: *The 22-year-old specialist, a Vault medallist at the past two Olympic Games, was bolstered by a nearly impeccable landing for her difficult Amanar second vault* [15]. – *Двадцатидвухлетняя гимнастка, получившая медали в опорном прыжке на двух предыдущих олимпиадах, закрепила успех почти безукоризненным приземлением, выполнив свой сложный второй прыжок Аманар.* Сложность понимания англоязычного предложения без знания экстралингвистического контекста обусловлена, например, многозначностью термина **vault** в английском языке и наличием в предложении эпонимического термина Аманар, обозначающего прыжок, названный в честь румынской гимнастки Симоны Аманар.

Паратекстуальность, представляющая собой тесную связь заголовка и основного контента публикации, определяется природой медийного дискурса и является неотъемлемой характеристикой любых новостных статей, в том числе и по теме спорта. Поскольку ключевая задача заголовка – кратко проинформировать о содержании статьи, «завладеть» вниманием читателя, для того чтобы он более подробно ознакомился с материалом. Приведем примеры: *Клебо возглавил зачет «Тур де Ски», Устюгов – второй, Большунов – третий; Бачински и Звонарева – во втором круге турнира в Шэньчжэне* [6]; *A century after MCC revolution, ECB stakes everything on one-day game; Sloane Stephens bundled out of Brisbane in straight sets by Johanna Konta* [7]. Как видим, заголовки новостных статей о спорте концентрируют в себе основное содержание статей, дают ключевую информацию о повествуемом событии и его участниках.

Важной категорией, сопряженной с проблемой интертекстуальности, является прецедентность. Данный лингвокультурный феномен свойствен спортивному дискурсу в той мере, поскольку способствует реализации авторских интенций, корректной их интерпретации со ссылкой на факты, а также создает эффект аттракции [16, с. 846]. Под термином «эффект аттракции» мы понимаем положительную реакцию читателя на текст – заинтересованность в контенте в результате «раскодирования» заключенной информации. Приведем в качестве примера предложение: *Nemov is known internationally not only for his medal haul but also his strong sense of fair play, such an important value in sport, which after the Athens 2004 Olympics saw him awarded the Pierre de Coubertin World Trophy by the International Committee for Fair Play* [17]. С точки зрения прецедентности, интерес представляет упоминание Олимпиады 2004 (*the Athens 2004 Olympics*), поскольку реципиент может достичь полного понимания данного фрагмента, только зная о

скандале, связанном с судейством в отношении российского гимнаста Алексея Немова. После данного случая спортсмену были принесены официальные извинения, в правила внесены изменения, а за благородное и спортивное поведение гимнаст получил специальный приз.

Обязательным условием успешной реализации коммуникативной стратегии автора при включении интертекста является уместность данного приема. Ключевым фактором здесь выступает «узнаваемость», обеспечиваемая пресуппозицией. Ввиду своей тематической принадлежности, публицистические тексты о спортивных событиях относятся к институциональному спортивному дискурсу, поэтому особую роль при восприятии текста имеет специальная пресуппозиция. По словам Е.В. Ключева, чем уже предметная отнесенность коммуникативного акта, тем более точными должны быть пресуппозиции его участников относительно друг друга [18, с. 87].

Прецедентность как явление представляет собой сложную проблему для осуществления перевода текста. Рассмотрим пример: *Two years ago, China's Fan Yilin finished in a four-way tie for gold, an unprecedented result in modern Gymnastics history* [15]. В иллюстрируемом предложении очевидную лексико-фразеологическую трудность для передачи на русский язык представляет выражение *a four-way tie for gold*. Текст новостной статьи, из которой заимствован данный контекст, был предложен для перевода студентам-лингвистам третьего курса бакалавриата на занятии по дисциплине «Перевод текстов в сфере спорта и туризма». Корректный перевод был выполнен только теми студентами, которые обратились к текстам ранее опубликованных новостей, где говорилось о том, что два года ранее (*two years ago*) первое место в соревновании заняли четыре гимнастки, что и позволило правильно интерпретировать фразу: *Два года назад китаянка Фань Илин была одной из четырех гимнасток, получивших золото, что является бес-*

прецедентным результатом в современной истории гимнастики. В данном случае ссылка на прецедентный факт в тексте статьи в сочетании с лексической неоднозначностью фразы представляет собой сложность для перевода, которую можно снять только при помощи обращения к другим референтным информационным источникам.

Одним из средств выражения прецедентности в спортивных новостях является использование имен собственных. Цель данного приема – описание спортивных достижений и личностных качеств спортсменов. По мнению Л.А. Комлевой, прецедентные имена, актуальные для спортивных сообществ, варьируются по таким факторам, как вид спорта, его популярность в конкретной стране, «возрастной ценз» имен спортсменов [19, с. 65]. Тем не менее, в историю спорта вписаны в том числе и имена легендарных всемирно известных атлетов, знакомых представителям разных поколений.

Использование прецедентного имени как средства выразительности способствует созданию желаемого эффекта. Однако условием для корректного восприятия закладываемого в имя смысла является не контекст, а фоновые знания читателя новостей. Прецедентное имя содержит определенные коннотации, выражает субъективную позицию адресанта, апеллирует к прецедентным фактам, случаям из жизни, сложившимся культурным стереотипам. Применение прецедентных имен играет важную роль для придания высказыванию экспрессивности, а также для обращения к читателю с помощью актуализации его социально-культурного опыта и фоновых знаний о предмете повествования.

Фактор оценочности при комментировании спортивных событий имеет доминантное значение для функционирования имени как прецедентного. В качестве примера использования прецедентного имени приведем один из подзаголовков новостной статьи, опубликованной на

сайте MATCH.TV: *Запомнить фамилию нового Фуркада* [20]. В части статьи, озаглавленной данной фразой, идет речь о молодом французе Фабьене Клоде. Подзаголовок содержит фамилию знаменитого французского биатлониста Мартена Фуркада, и в тексте также автор статьи сравнивает результаты двух спортсменов на лыжне: *<...> но по скорости в той гонке Фабьен проиграл Мартену Фуркаду всего 30 секунд* [20]. Таким образом, в данном фрагменте проводится сравнение скоростных качеств атлетов. Подобный пример наблюдаем в статье об Универсиаде в Казани 2013 года: *И потрясенный мир заговорил, что в России появился новый Александр Попов* [21]. В контексте данной фразы речь шла о молодом пловце Владимире Морозове. Упоминанием имени Александра Попова, советского и российского прославленного спортсмена, автор говорит о высоком потенциале В. Морозова, побуждает читателя болеть за него и выражает надежду на высокие результаты. Применение прецедентных имен способствует проведению ассоциативной параллели между двумя людьми и/или ситуациями. Заметим, что читатель, не обладающий знаниями о референтных реалиях в истории спорта, не сможет «раскодировать» информацию, заключенную в прецедентное имя, что помешает созданию полноценного представления о предмете повествования и пониманию дополнительных смыслов, отношения автора к тому, о чем идет речь в тексте, авторской оценки происходящего.

Конструкции с именами выдающихся людей, величайших деятелей культуры и искусства используются также для выразительного сравнения, оценочного суждения о спортивных достижениях. Например, заголовок *Маурисио Почеттино: «Агуэро – футбольный Моцарт»* [6]. В статье приводятся слова главного тренера «Тоттенхэма» Маурисио Почеттино об аргентинском нападающем Серхио Агуэро. В статье под названием *Стреляющий Бетховен* говорится о Кирилле Миштановском – единственном в

мире неслышащем спортсмене, выступающим за профессиональную команду по пейнтболу [6]. В приведенных примерах прецедентные имена лежат в основе «аллюзивных метафор», сопоставляющих талант и мастерство спортсменов с музыкальным талантом и мастерством величайших композиторов. Применение собственных имен служит раскрытию смысла контекста, способствует достижению авторской задачи.

Выводы

Таким образом, интертекстуальные включения используются авторами спортивных новостных текстов с целью усиления воздействия на читателя. Спектр средств выражения интертекстуальности широк: аллюзии, цитаты, прецедентные имена, термины и др. Благодаря их использованию спортивному медийному дискурсу присущи такие виды межтекстовых связей, как собственно интертекстуальность, гипертекстуальность, паратекстуальность, архитектстуальность. Каждое из речевых средств выполняет свою функцию: обеспечение информативности, достоверности, придание экспрессии, образности, оригинальности, создание юмористического эффекта и др. Поскольку спортивный медийный дискурс является одной из составляющих спортивного институционального дискурса, его восприятие и корректное понимание интертекстуальных включений зависит как от общекультурной, так и от специальной эрудиции читателя – знания о спортивных реалиях, событиях и их участниках. Использование приемов интертекстуальности сигнализирует реципиентам текста о присутствии в тексте или его фрагменте дополнительного смыслового плана.

Список литературы

1. Лебедева Е. А. Авторское начало в спортивных аналитических Интернет-текстах: англо-русские параллели // Филологические науки. Вопросы теории и

практики. 2014. № 11 (41). Ч. 1. С. 132-135.

2. Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 6-71.

3. Ильин И.П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. 384 с.

4. Жанетт Ж. Фигуры. В 2 т. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. 944 с.

5. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. №4. С. 83-91.

6. «Спорт-экспресс» – спортивный портал. URL: <https://www.sport-express.ru/> (дата обращения: 14.01.2019).

7. The Guardian: Sport news, comment and results. URL: <https://www.theguardian.com/uk/sport> (accessed at 14.01.2019).

8. Андрей Аршавин: «То, что мы не оправдали ваши ожидания, – ваши проблемы». URL: <https://www.sports.ru/football/141489108.html> (дата обращения: 10.11.2018).

9. «Это ваши проблемы» – слова Аршавина о поражении взорвали фанатов. URL: <https://newizv.ru/news/sport/18-06-2012/165062-eto-vashi-problemy-slovarshavina-o-porazhenii-rossii-vzorvali-fanatov> (дата обращения: 10.11.2018).

10. Корабль без капитана. URL: <https://www.championat.com/football/article-3168933-korabl-bez-kapitana.html> (дата обращения: 10.11.2018).

11. Олимпийские атлеты из России победили на ОИ в Пченчхане в хоккее – новые санкции против России. URL: <https://inosmi.ru/sports/20180226/241565178.html> (дата обращения: 11.11.2018).

12. Канадский журналист пошутил про название «Олимпийские атлеты из России». URL: https://www.gazeta.ru/sport/olympic-2018/news/2018/02/19/n_11187637.shtml (дата обращения: 11.11.2018).

13. «Победоносные астматики»: сборная Норвегии установила медальный рекорд на Играх в Пхенчхане. URL: <https://tvzvezda.ru/news/sport/content/201802241227-9ljr.htm> (дата обращения: 11.11.2018).

14. Tarasova/Morozov (RUS) start their Grand Prix season with gold. URL: <https://isu.org/news/125-grand-prix-news/12198-tarasova-morozov-rus-start-their-grand-prix-season-with-gold?templateParam=15> (accessed 6.11. 2018).

15. Five world champions successfully defend their titles on day one of apparatus finals in Montreal [Electronic resource]. URL: https://live.fig-gymnastics.com/news_display.php?idevent=13465&idnews=1912&keyword= (accessed 09.01.2018).

16. Лазарев В. А., Ласкова М. В. Особенности интерпретации лингвокультурного фона прецедентных феноменов в спортивном дискурсе // Вестник ТГТУ. 2014. Т. 20. № 4. С. 846-851.

17. Stars combine to promote Russia 2018 [Electronic resource]. URL: [https://www.fifa.com/worldcup/news/stars-com-](https://www.fifa.com/worldcup/news/stars-combine-to-promote-russia-2018-2721552)

[bine-to-promote-russia-2018-2721552](https://www.fifa.com/worldcup/news/stars-combine-to-promote-russia-2018-2721552) (accessed at 3.11.2018).

18. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.

19. Комлева Л. А. Функционирование прецедентных имен в спортивном дискурсе (на материале спортивных автобиографий и мемуаров) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 61-66.

20. 5 причин смотреть чемпионат Европы по биатлону [Электронный ресурс]. URL: <https://matchtv.ru/articles/5-prichin-smotret-chempionat-evropy-po-biatlonu> (дата обращения: 10.11.2018).

21. Универсиада: за кого болеть на выходных [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovsport.ru/wrestling/articles/623879-universiada-za-kogo-bolet-na-vyhodnyh> (дата обращения: 11.11.2018).

Поступила в редакцию 06.03.19

UDC 81'42+81'373

N. N. Bobyрева, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kazan Federal University (18, Kremlyovskaya str., Kazan, 420008, Russia) (e-mail: Nathalienb@yandex.ru)

INTERTEXTUALITY AS A CHARACTERISTIC OF THE MODERN SPORTS MEDIA DISCOURSE

This article describes and gives the linguistic interpretation of the variety and language features of intertextual inclusions in the modern sports media discourse. Different methods of intertextuality realisation are studied in the Russian and English texts of sports news. The methods of semantic, contextual, stylistic, intertextual and discourse analysis were employed in the research. The article suggests the classification of intertextual connectors, typical of this thematic rubrics of the media discourse. Intertextuality is presented as one of its characteristics. The examples of allusions, quotations, headlines, precedent names and special language items, typical of sport institutional discourse and used for enhancing the effect of the media text, are interpreted. The existing variety of means of intertextuality expression promote to the realization of the author's communicative intentions. Intertextuality serves to provide the reliability of information, create the expressiveness, associativity, humorous effect, etc. Being a form of the realization of sport institutional discourse, the sports media text is characterised by the use of linguistic items used for special nomination and mentioning about sport realia, events, people, etc. The objective perception and correct comprehension of intertextuality means, in particular, and news texts, in general, is achieved due to the general erudition of the readership, and the recipients' special knowledge of sports life realia, involvement into this sphere of activity, ability to recognize facts, precedents and names in the text. Intertextuality creates an additional sense in the sports news text, as the forms of linguistic expression and their senses belong to the context, which is beyond the text.

Key words: sports discourse; media discourse; intertextuality; precedent names; quotation; allusion; headline; term.

For citation: Bobyрева N. N. Intertextuality as a characteristic of the modern sports media discourse. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 33–40 (in Russ.).

Reference

1. Lebedeva E. A. Avtorskoe nachalo v sportivnyh analiticheskikh Internet-tekstah: anglo-russkie paralleli. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 11 (41). pt. 1, pp. 132-135.
2. Bahtin M. Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve. *Voprosy literatury i ehstetiki. Issledovaniya raznyh let*. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1975, pp. 6-71.
3. Il'in I.P. Postmodernizm. Slovar' terminov. Moscow, INION RAN – INTRADA Publ., 2001. 384 p.
4. Zhanett Zh. Figury. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh Publ., 1998, 944 p.
5. Arnol'd I.V. Implikaciya kak priem postroeniya teksta i predmet filologicheskogo izucheniya. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1982, no. 4, pp. 83-91.
6. «Sport-ehkspress» – sportivnyj portal. URL: <https://www.sport-express.ru/> (accessed 14.01.2019).
7. The Guardian: Sport news, comment and results. URL: <https://www.theguardian.com/uk/sport> (accessed 14.01. 2019).
8. Andrej Arshavin: «To, chto my ne opravdali vashi ozhidaniya, – vashi problemy». URL: <https://www.sports.ru/football/141489108.html> (accessed 10.11.2018).
9. «EHto vashi problemy» – slova Arshavina o porazhenii vzorvali fanatov. URL: <https://newizv.ru/news/sport/18-06-2012/165062-eto-vashi-problemy-slova-arshavina-o-porazhenii-rossii-vzorvali-fanatov> (accessed 10.11.2018).
11. Olimpijskie atleti iz Rossii pobedili na OI v Pchenkhane v hokkee – novye sankcii protiv Rossii. URL: <https://inosmi.ru/sports/20180226/241565178.html> (accessed 11.11.2018).
10. Korabl' bez kapitana. URL: <https://www.champi-onat.com/football/article-3168933-korabl-bez-kapitana.html> (accessed 10.11. 2018).
12. Kanadskij zhurnalist poshutil pro nazvanie «Olimpijskie atleti iz Rossii». URL: https://www.gazeta.ru/sport/olympic-2018/news/2018/02/19/n_11187637.shtml (accessed 11.11.2018).
13. «Pobedonosnye astmatiki»: sbornaya Norvegii ustanovila medal'nyj rekord na Igrah v Phenkhane. URL: <https://tvzvezda.ru/news/sport/content/201802241227-9ljr.htm> (accessed 11.11.2018).
14. Tarasova/Morozov (RUS) start their Grand Prix season with gold. URL: <https://isu.org/news/125-grand-prix-news/12198-tarasova-morozov-rus-start-their-grand-prix-season-with-gold?templateParam=15> (accessed 6.11. 2018).
15. Five world champions successfully defend their titles on day one of apparatus finals in Montreal. URL: https://live.fig-gymnastics.com/news_display.php?idevent=13465&idnews=1912 & keyword= (accessed 09.01.2018).
16. Lazarev V. A., Laskova M. V. Osobennosti interpretacii lingvokul'turnogo fona precedentnyh fenomenov v sportivnom diskurse. *Vestnik TGTU*, 2014, vol. 20, no. 4, pp. 846-851.
17. Stars combine to promote Russia 2018. URL: <https://www.fifa.com/world-cup/news/stars-combine-to-promote-russia-2018-2721552> (accessed 3.11.2018).
18. Klyuev E. V. Rehevaya kommunikaciya. Moscow, RIPOL KLASSIK Publ., 2002. 320 p.
19. Komleva L. A. Funkcionirovanie precedentnyh imen v sportivnom diskurse (na materiale sportivnyh avtobiografij i memuarov). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 34 (172). *Filologiya. Iskusstvovedenie*, is. 36, pp. 61-66.
20. 5 prichin smotret' chempionat Evropy po biatlonu. URL: <https://matchtv.ru/articles/5-prichin-smotret-chempionat-evropy-po-biatlonu> (accessed 10.11.2018).
21. Universiada: za kogo bolet' na vyhodnyh. URL: <https://www.sovsport.ru/wrestling/articles/623879-universiada-za-kogo-bolet-na-vygodnyh> (accessed 11.11. 2018).

УДК 811.112

И. В. Бугаева, д-р филол. наук, профессор, Российский государственный аграрный университет-МСХА имени К.А. Тимирязева (Россия, 127550, Москва, ул. Тимирязевская, 49) (e-mail: bugaevaiv@mail.ru)

К. М. Сидорченко, аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет (Россия, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29) (e-mail: kirill.sidorchenko@gmail.com)

ПАРАМЕТРЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ДЛЯ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ ЗАГОЛОВКА СМИ

Данная статья представляет собой исследование по выявлению параметров привлекательного для читателей заглавия. Авторы придерживаются коммуникативного подхода, потому что при создании заголовка важна целевая аудитория и ее реакция. В связи с этим методологической базой являются функциональные модели коммуникации Г. Лассуэла, К. Бюллера, Р.О. Якобсона и других классиков теории коммуникации. Настоящая статья – продолжение авторских исследований, в которых анализировались заглавия на материалах журнала «Forbes». Так была предложена формула для создания заголовков. В результате исследования выявлена проблема: отсутствие в русской лингвистике информационно-технологического инструмента, позволяющего за короткое время определить качество большого количества заголовков. Это явилось научной новизной настоящего исследования. Поэтому авторы приняли во внимание обратную коммуникацию читателей, их оценку. С этой целью был проведен эксперимент по определению параметров привлекательного для целевой аудитории заголовка. На основании полученной формулы заголовков «Forbes» авторы разработали собственный экспериментальный заголовок на английском языке в целях расширения читательской аудитории. Заголовок был опубликован в социальной сети «Facebook». Данные о посещаемости, комментариях, репостах и статусах «нравится» фиксировались ежедневно. Через 7 суток анализировались полученные данные. Результат эксперимента подтвердил успех созданного заголовка по формуле «Forbes». Более того на практике применены правила коммуникационного акта Р. Якобсона. Проведенный эксперимент является предпосылкой и опытом для создания первого в России информационно-технологического инструмента по определению качества заголовков на русском языке. Также авторы считают, что исследования будут способствовать современной методике обучения созданию заголовков.

Ключевые слова: многосоставные заглавия; схема построения заглавий; формула заглавия; целевая аудитория; эффективность заглавия; продолжительность жизни заглавия.

Ссылка для цитирования: Бугаева И. В., Сидорченко К. М. Параметры привлекательного для целевой аудитории заголовка СМИ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 41–48.

Введение

Заглавия в СМИ – первое, что видит читатель. Поэтому специалисты разрабатывают способы создания названий статей. Например, газеты и новостные информационные веб-порталы придают особое значение своим заголовкам. Их качество приводит к коммуникативному успеху, а привлекательность – к увеличению целевой аудитории. Иначе, если читателям заголовки не понравятся, то рейтинги СМИ снизятся. Поэтому при выборе заголовка важно учитывать коммуникативный аспект и особенности восприятия адресатом. В истории научных исследо-

ваний отметим первую модель коммуникации «5W», которую разработал американский ученый Гарольд Лассуэл [1, с. 215]. В ее состав входят: источник информации, содержание информации, получатель информации, способ передачи информации, результат коммуникации.

Г. Лассуэл опирался на три основные функции языка: коммуникативную, когнитивную, аккумулятивную [1, с. 117]. Однако позже К. Бюллер создал новую «Модель Органона», опираясь на следующие функции языка: экспрессивную, репрезентативную, конативную [2, с. 35]. Учитывая поэтику языка, Р. О. Якобсон, продолжив исследования К. Бюллера,

разработал функциональную модель коммуникации [3, с. 21], опираясь на выделенные им языковые функции: референтную, регулятивную, эмотивную, контактоустанавливающую (фатическую), метаязыковую (металингвистическую), эстетическую (поэтическую), номинативную. В состав данной модели входят следующие компоненты: адресант, адресат, сообщение, контекст, код, контакт.

Таким образом получается, что *адресант* – автор заголовка; *адресат* – читатель; *сообщение* – заголовок; *контекст* – часть заголовка; *код* – информация, закрепленная в заголовке (метафоры, фразы, языковая игра, прецедентный текст); *контакт* – канал передачи информации (газеты, журналы и т.д.).

2. Степень изученности

Ранее нами было проведено исследование заголовков крупных информационных агентств. На материале журнала «Forbes» была выявлена трехсоставная единая схема построения большинства заглавий [4, с. 287].

«Каникулы строгого режима. Как отдохнуть, чтобы легко вернуться к работе» [5];

«Дела семейные. Как опыт руководителя поможет уладить конфликт за новогодним столом» [6].

Они имеют следующие элементы:

1. *Предикат* (ср.: «Каникулы строгого режима», «Дела семейные...»).

2. *Определяющая часть* (ср.: «...Как отдохнуть, чтобы легко вернуться к работе», «...Как опыт руководителя поможет уладить конфликт за новогодним столом»).

3. *Связка* (чаще всего в «Forbes» используется слово «как»).

Кроме того, многосоставное заглавие может содержать языковую игру, прецедентный текст (далее ПТ). Чаще всего это – отсылка к определяющей части того же заглавия, или к статье целиком.

Согласно методике речевого воздействия, которую разработала О.С. Иссерс, «для подготовки профессионального коммуникатора особое внимание обращается на приемы влияния на собеседника, выбор оптимальных языковых средств» [7, с. 14]. Другими словами, необходимы определенные навыки для осуществления речевого воздействия. В нашем случае объектом речевого воздействия является заголовок. Он содержит в себе устройство языкового знака (согласно модели Р. Якобсона – код), который и является, во-первых, приемом влияния на адресата; во-вторых, речевоздействующим потенциалом; в-третьих, когнитивным механизмом речевого воздействия.

Поэтому понятие «тезисная часть» мы заменили термином «прецедентный текст» и получили результат: единую схему построения заглавий в журнале «Forbes» (рис. 1):

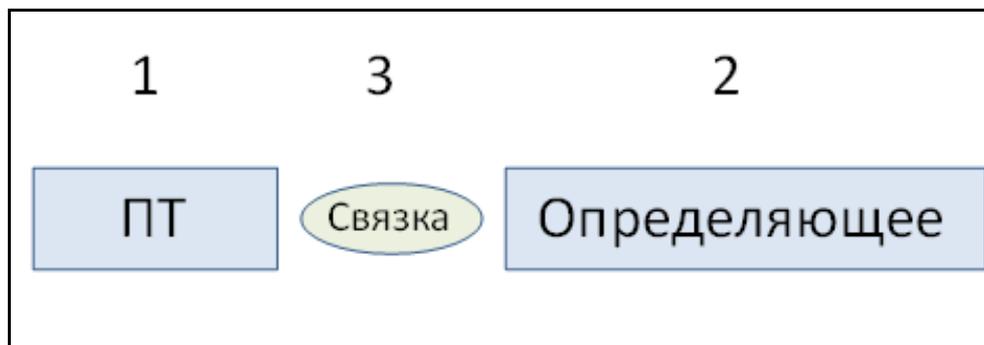

Рис.1. Схема построения заглавий в журнале «Forbes»

Также были рассмотрены примеры на английском языке и затем проведена межъязыковая параллель [8, с. 38]: «*9 Powerful Real-World Applications Of Augmented Reality (AR) Today*» [9];

«*Huawei Watch 3: Three Models Uncovered - Smartwatch Assault Looks Imminent*» [10].

В результате анализа нами получены следующие данные: при построении заглавий используются определенные термины в русской и идентичные (!) в английской лингвистике (таб. 1).

Таблица 1

Соотношение терминологии в русской и английской лингвистике по созданию заголовков

В английском языке	В русском языке
Common words – составляют основную структуру заглавия.	План выражения заглавия (семантическое значение) - понятия, ассоциации, соответствующие обыденному уровню отражения действительности. План содержания заглавия (лексическое значение) – составляющие - определяют место слова в лексической системе
Emotion words, power words – указывают на intense trigger words (предпосылка, источник), которые акцентируют внимание читателя.	ПТ (предикат) – отсылка – заимствование из цитаты, фразы, названия. Это может быть и метафора, фразеологизм, крылатое выражение.
Call action – слова, призванные привлечь внимание читателя, заинтриговать, манипулировать.	Глаголы повелительного наклонения – призваны привлечь внимание читателя, заинтриговать, манипулировать.

Основным результатом исследования заглавий СМИ в аспекте межкультурной коммуникации (между русским и английским языками) считаем вывод о многосоставной структуре заголовков и разработку **формулы заглавия**, включающей следующие компоненты:

- Компонент ПТ;
- Компоненты «emotion / power words»;
- Компонент повелительного наклонения.

Постановка задачи

Благодаря описательному методу была получена формула заголовков «Forbes». На следующем этапе была поставлена задача узнать, как работает эта формула в действительности и каково качество заголовков. Для этого было проведено инструментально-эксперимента-

льное исследование по оценке восприятия заголовков целевой аудиторией.

Американскими лингвистами уже разработан подобный инструмент. Согласно данным научно-исследовательской компании «Coschedule», в области изучения заглавий создан рейтинг Топ 180 самых востребованных эмоциональных слов [11, 12]. Также есть бесплатный веб-сервис [13], с помощью которого можно проверить эффективность любого заглавия. Однако пока еще нет аналогичного русскоязычного инструмента, сервиса, который мог бы оценивать параметры качества заголовков. Единственное возможное решение – комплексное. Модель Р. Якобсона учитывает обратную коммуникацию и получения реакции читателей. В нашем случае это указывает на параметры привлекательного для целевой аудитории заголовка. Поэтому необхо-

дим эксперимент, цель которого – выявить параметры привлекательного заголовка, получив данные, основанные на реакции читателей сразу после прочтения статьи.

Эксперимент по определению параметров привлекательного заголовка для целевой аудитории

Условия эксперимента

Переменные: дата, посещаемость, количество отметок «нравится», соотношение посещаемости и отметок «нравится», целевая аудитория (читатели), геолокация (место положения целевой аудитории). *Время* – семь суток (ежедневная запись показателей).

1. *Адресант* – мы, авторы заголовка.

2. *Адресат* – целевая аудитория (читатели).

3. *Сообщение* – заголовок.

Контакт – место проведения эксперимента: социальная сеть «Facebook».

Эксперимент начался с разработки собственного авторского заголовка на английском языке. Затем он был опубликован в соцсетях. Предпосылкой являлась идея создания блога на тему образования на информационной площадке «Facebook», отличающейся преимуществами распространения объявлений. Планировалось публиковать интересные факты, истории из жизни иностранных студентов в Москве.

Целевая аудитория: интересующиеся образованием и желающие поступить в институт.

Геолокация: страны, из которых наибольшее количество студентов обучается в Москве (Китай, Восточная Европа).

«Advanced from magic to surprise: how to get education abroad immediately» [14].

Была сделана красивая фотография, на которой изображены студенты во время тренинга на занятии в благоприятной спокойной атмосфере. Снимок покрыли затемняющим полупрозрачным синим фоном. В нижней части фотографии раз-

местили большими темно-красными буквами наше заглавие. К получившемуся изображению написали небольшую статью: реальная история иностранного студента о том, как он поступил учиться в московский вуз.

Как видно, общепринятые нормы презентабельного внешнего вида нашей публикации были соблюдены в целях успешной визуальной коммуникации с читателем.

Несколько слов о том, как создавалось заглавие:

План выражения заголовка должен нести семантическое значение о ниже следующей информации: «как поступить на учебу за границу», «что для этого надо сделать», «это не сложно».

План содержания заголовка. Согласно значению заголовка (плану выражения) необходимо подобрать подходящие по теме слова: «образование», «получить образование», «как», «быстро».

Многосоставный тип. Используем трехсоставную схему построения заглавий «Forbes». *Предикат:* «Advanced from magic to surprise...» представляет собой метафору, фразу, авторское образное выражение. Это является *прецедентным текстом*, потому что:

– речеобразующий элемент «from ... to ...» широко распространен в английском языке и в западной культуре (ср.: художественный фильм «From prada to nada», выражения: «from to say what they», «from to is a site», «from to: calculate distance between», «form town to town», «from dusk to dawn»);

– слова «advanced», «magic», «surprise» являются отсылкой к определяющей части заголовка «...get education abroad immediately».

Emotion words. Мы ориентировались на Топ 180 самых востребованных эмоциональных слов. Таким образом, учитывая план содержания заголовка, мы выбрали наиболее подходящие по смыс-

лу слова: «how to», «immediately», «magic», «surprise».

Power words. С учетом все тех же критерий было выбрано слово «advanced».

При помощи инструмента «Coschedule» по оценке качества заголовка мы проверили его на эффективность (которая и рассчитывается из вышеприведенных критериев в процентном соотношении (рис.2)).

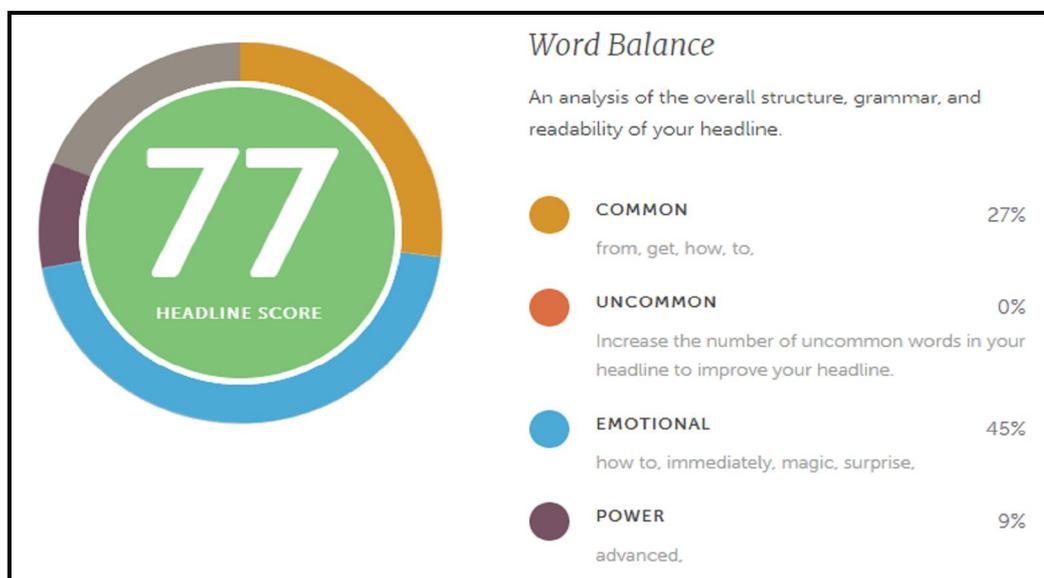

Рис. 2 .Результаты анализа экспериментального заголовка с помощью инструмента Coschedule

Результаты эксперимента

Необходимо учитывать «продолжительность жизни заглавия», то есть, тот временной отрезок, когда заглавие держится в топ рейтинге или при прокрутке ленты новостей, на что влияют следующие показатели:

- показатели просмотра / посещаемости;
- показатели «поделиться / нравится»;
- показатели комментариев, репостов.

Учитывая это, мы наблюдали за реакцией целевой аудитории и «жизнью» нашего заглавия (табл. 2 и рис. 3).

Таблица 2

Результаты посещаемости и количество отметок «нравится» экспериментального заголовка

Дата	Посещаемость	Нравится
25.07.2018	80	5
26.07.2018	160	24
27.07.2018	271	31
28.07.2018	505	44
29.07.2018	674	61
30.07.2018	854	91
31.07.2018	1010	120
01.08.2018	1237	142

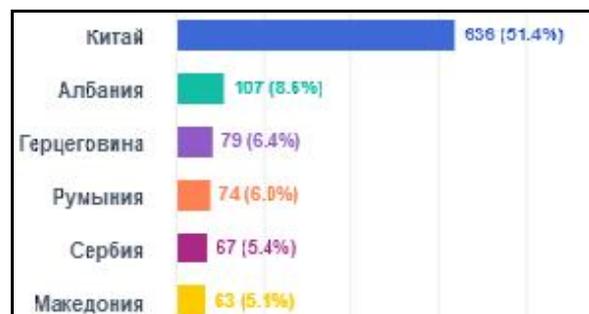

Рис.3. Геолокация целевой аудитории

Важно отметить, что показатели посещаемости в этом эксперименте не обнуляются ежедневно, а продолжают от предыдущего дня.

Заключение

Подводя итоги исследования, отметим, что для выявления параметров привлекательного для целевой аудитории заголовка необходимы следующие компоненты:

Формула:

Схема:

- Трехсоставная схема (предикат, определяющая часть, связка);
- Отсылка (языковая игра, прецедентный текст в предикате).

План выражения:

- Сама суть заголовка, значение.

План содержания:

- Подобрать те слова, которые подходят по семантическому значению заголовка. Например, если это «образование», то слова должны быть из этой области: *учеба, как поступить, студенты*. То есть, необходимо создавать ассоциацию.

- Прием эффективности (emotion, power words).

Условия:

Контакт: СМИ.

Геолокация целевой аудитории.

Целевая аудитория: те, кто наиболее заинтересован.

Инструмент тестирования:

Веб-инструмент, например, Coschedule.

Показатели «длительности жизни заголовка».

По поводу последнего нельзя не отметить, что на сегодняшний день это самый мощный инструмент, благодаря которому автор заголовка будет точно информирован о качестве своего творения. Чтобы узнать, хорошее ли заглавие пред-

ложено, достаточно следить за реакцией читателей. Именно они, целевая аудитория, лучше всех ответит, какое заглавие привлекательно. Для русскоязычного сегмента СМИ подобная оценка качества заголовков остается проблемой, так как пока не разработан аналог Coschedule, инструмента по выявлению параметров привлекательного для целевой аудитории заголовка.

Список литературы

1. Lasswell, Harold D. The Structure and Function of Communication in Society // University of Illinois Press., 1948.
2. Bühler Karl. The Theory of Language: The Representational Function of Language // Sprachtheorie, 1934/1990.
3. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
4. Бугаева И., Сидорченко К. Языковая игра в СМИ как часть лексического фона в аспекте межкультурной коммуникации // Русистика 2018. Экология языка. Современная коммуникация: сб. ст. / отв. ред. Е. Стоянова. Шумен: Изд-во «Химера», 2018. С. 287–290.
5. Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/355081-kanikuly-strogogo-rezhima-kak-otdyhat-chtoby-legko-vernutsya-k-rabote> (дата обращения: 2018-08-06).
6. Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/355047-dela-semynye-kak-opyt-rukovoditelya-pomozhet-uladit-konflikt-za> (дата обращения: 2018-08-06).
7. Иссерс О. Речевое воздействие: учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта, 2013.
8. Сидорченко К. Лексический фон слова «жизнь» в новостных заголовках на русском и английском языках // Язык и текст. 2018. Т. 5. № 2.

9. Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2018/07/30/9-powerful-real-world-applications-of-augmented-reality-ar-today/#1792799c2fe9> (дата обращения: 2018-08-06).

10. Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/paullamkin/2018/07/31/huawei-watch-3-three-models-uncovered-smart-watch-assault-looks-imminent/#1ac3346e78a5> (дата обращения: 2018-08-06).

11. Coschedule. URL: <https://coschedule.com> (дата обращения: 2018-08-06).

12. Coschedule. URL: <http://coschedule.com/blog/wp-content/uploads/how-to-write-headlines.zip> (дата обращения: 2018-08-06).

13. Coschedule. URL: <https://coschedule.com/head-line-analyzer> (дата обращения: 06.08. 2018).

14. Facebook. URL: <https://www.facebook.com/MoscowStudyStyle> (дата обращения: 2018-08-01).

Поступила в редакцию 28.01.19

UDC 811.112

I. V. Bugaeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian State Agrarian University Moscow Timiryazev Agricultural Academy (49, Timiryazevskaya str., Moscow, 127550, Russia) (Moscow, Russia) (e-mail: bugaevaiv@mail.ru)

K. M. Sidorchenko, Post-Graduate Student, Moscow State University of Psychology and Education (29, Sretenka str., Moscow 127051, Russia) (e-mail: kirill.sidorchenko@gmail.com)

PARAMETERS OF ATTRACTIVE HEADLINE FOR PUBLIC IN MASS MEDIA

This article represents a scientific study on the identification of parameters attractive to readers of the headline. The research adheres to the communication approach, because the readers is important. In connection with this methodological basis is the functional model of communication of R. Yakobson and works of classics of communication studies. This article is a continuation of author's earlier research, in which the headings were analyzed on the materials of «Forbes» journal. So the formula for creating headlines was obtained. As a result of the research, one problem was identified: the absence in Russian linguistics information technology that allows for a short time to determine the quality of a large number of headlines. This was the scientific novelty of authors research. Therefore, the authors took into account the reciprocal communication of readers, their evaluation. In this regard, the decision was made: to conduct its own experiment to determine the parameters of an attractive headline for readers, taking into account the reader's assessment. Based on the received header formula «Forbes», the authors prepared their own experimental headline in English in order to expand the audience. The title was published in the social network «Facebook». Data on attendance, comments, reposts and «like» statuses were recorded daily. After 7 days, complete data were obtained. The result of the experiment confirmed the success of the title created by the authors using the formula "Forbes". Moreover, in practice, the rules of the communication act of R. Yakobson. According to the authors, the experiment is a prerequisite and experience for creating the first in Russia information technology tool for determining the quality of headings in Russian. Also, the authors believe that the research will contribute to a modern method of teaching the creation of headlines.

Key words: Multi-part headline; a scheme for building headlines; a bundle in the headline; headlines formula; target audience (readers); reception of the effectiveness of the headline; life expectancy of the headline.

For citation: Bugaeva I. V., Sidorchenko K. M. Parameters of attractive headline for public in mass media. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 41–48 (in Russ.).

References

1. Lasswell, Harold D. *The Structure and Function of Communication in Society*. University of Illinois Press., 1948.
2. Bühler Karl. *The Theory of Language: The Representational Function of Language*. Sprachtheorie, 1934/1990.
3. Jakobson R. *Lingvistika i poetika. Strukturalizm: «za» i «protiv»*. Moscow, 1975.
4. Bugaeva I., Sidorchenko K. *Yazykovaya igra v SMI kak chast' leksicheskogo fona v aspekte mezhdul'turnoj kommunikacii*. Rusistika 2018. *Ehkologiya yazyka. Sovremennaya kommunikaciya*. Sb. st.; ed. by E. Stoyanova. Shumen, Himera Publ., 2018, pp. 287–290.
5. Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/355081-kanikuly-strogogo-rezhima-kak-otdyhat-chtoby-legko-vernutsya-k-rabote> (accessed 06.08.2018).
6. Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/355047-dela-se-mejnye-kak-opyt-rukovoditelya-pomozhet-uladit-konflikt-za> (accessed 06.08.2018).
7. Issers O. *Rechevoe vozdejstvie*. Moscow, Flinta Publ., 2013.
8. Sidorchenko K. *Leksicheskij fon slova «zhizn'» v novostnyh zaglaviyah na russkom i anglijskom yazykah*. *Yazyk i tekst*, 2018, vol. 5, no. 2.
9. Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2018/07/30/9-powerful-real-world-applications-of-augmented-reality-ar-today/#1792799c2fe9> (accessed 06.08.2018).
10. Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/paullamkin/2018/07/31/huawei-watch-3-three-models-uncovered-smart-watch-assault-looks-imminent/#1ac3346e78a5> (accessed 06.08.2018).
11. Coschedule. URL: <https://coschedule.com> (accessed 06.08.2018).
12. Coschedule. URL: <http://coschedule.com/blog/wp-content/uploads/how-to-write-headlines.zip> (accessed 06.08.2018).
13. Coschedule. URL: <https://coschedule.com/head-line-analyzer> (accessed 06.08.2018).
14. Facebook. URL: <https://www.facebook.com/MoscowStudyStyle> (accessed 01.08.2018).

УДК 801.3

Ю. В. Веревкина, соискатель кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, 33) (e-mail: zolotosony@yandex.ru)

НАИМЕНОВАНИЯ КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ОВЕЧКИНА

XX век был чрезвычайно богатым на массовые переименования, коснувшиеся и географических названий, поэтому немалый интерес с лингвистической точки зрения представляют собой наименования колхозов и совхозов. Наше исследование направлено на изучение своеобразия лексикона В. Овечкина – писателя и публициста, прожившего некоторое время в Курском крае. Статья посвящена изучению идиолекта В. Овечкина, а именно собственным именам – названиям колхозов и совхозов. Исследование является составной частью проекта «Курское слово». Ключевые лексемы позволяют сформировать наиболее полное представление о лексиконе В. Овечкина. На основе выборки из словника лексикона В. Овечкина с использованием 50 текстов разных жанров (рассказов, повести, очерков, пьес, критических статей) была выявлена ядерная часть лексикона, в состав которой включены лексемы «колхоз» и «совхоз». В данной статье мы рассматриваем различные наименования колхозов и совхозов, классифицируем выявленные наименования по признаку их происхождения. Кроме того, проводится анализ данных лексем на фоне процесса массовой деноминации топонимических объектов и присвоения им новых названий, обладающих определенными социально-политическими компонентами; определяются функции топонимов – это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других, выявляется маркировка физического пространства идеологически отмеченными знаками. В произведениях В. Овечкина четко прослеживается идеологически насыщенная лексика; большая часть лексем представляет новые социокультурные реалии, типичные имена советского периода – идеологизированную лексику, в том числе и топонимическая лексика. Цель статьи – на фоне изучения идиолекта Валентина Овечкина произвести анализ словаря «советской эпохи» в рамках ономастического пространства русского языка.

Ключевые слова: колхоз; совхоз; ономастика; идиолект; словник.

Ссылка для цитирования: Веревкина Ю. В. Наименования колхозов и совхозов в произведениях В. Овечкина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 49–55.

Настоящее исследование, проводимое в рамках проекта «Курское слово», посвящено изучению своеобразия лексикона В. Овечкина – писателя и публициста, прожившего некоторое время в Курском крае. Значительным вкладом Валентина Овечкина в советскую литературу является его «деревенская проза», которую сам писатель рассматривал как средство литературной полемики: «по сути в его очерках «деловая» проза, факты реальной экономической и социальной жизни людей из глубинки, хотя и с вымышленными персонажами и измененным сюжетом, впервые в советской литературе стали предметом глубокого эстетического переживания и явлением большой литературы» [1].

Нашей задачей является не только изучение идиолекта курского писателя в лингвокраеведческом плане, но и анализ весьма значимой части «словаря советской эпохи», формирующей ономастическое пространство того времени. Авторы

«Толкового словаря Совдепии» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина отмечают, что советская ономастика «описана лингвистами не так детально, как «нарицательная» лексика» [2, с. 17].

На основе 50 текстов разных жанров (рассказов, повестей, очерков, пьес, критических статей) нами был составлен словник произведений В. Овечкина, включающий 329822 лексические единицы. В результате статистической обработки словника была выявлена высокочастотная лексика, формирующая ядро авторского идиолекта. К ядерной части лексикона относится слово *колхоз*, имеющее 1862 словоупотребления, что объясняется тематикой произведений В. Овечкина.

Колхоз, -а, м. «Коллективное хозяйство (кооперативное добровольное объединение крестьян для совместного ведения крупного социалистического сельскохозяйственного производства на основе общественных средств производства

и коллективного труда). Передовой колхоз. Колхоз-миллионер» [3, с. 78].

В текстах произведений В. Овечкина 74 раза употребляется лексема *совхоз*.

Совхоз, -а, м. «Крупное государственное сельскохозяйственное предприятие в Советском Союзе. Зерновой совхоз. Свекловодческий совхоз. Овцеводческие совхозы» [4, с. 177–178].

В 30-40-е годы эти лексемы считались неологизмами: так, например, в словаре Д.Н. Ушакова они имели помету «новое». Т.Ф. Климушенко относит *колхоз* и *совхоз* к «группе слов послереволюционного периода, связанных с партийным и государственным строительством» [5, с. 49]. В настоящее время некоторые лингвисты считают их новоизобретениями, трактовка же осталась прежней.

Топонимы вызывают пристальный интерес исследователей не только благодаря своеобразию их функций, но и высокой степенью информативности при решении целого ряда задач. Г.М. Керт отмечает, что «в условиях современного информационного общества назначение топонимов как точных ориентиров на местности переоценить невозможно; основное назначение, функция топонимов – это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других» [6, с. 48].

Следует отметить, что каждый топоним имеет «точное название, написание и произношение при отсутствии повторяемости на определенной территории» [6, с. 49]. В.В. Овечкин старается придерживаться точности в номинации данных объектов, поскольку все названия колхозов и совхозов существуют в реальной топонимической практике. Описываемые единицы зафиксированы в произведениях разных жанров (в цикле очерков «Районные будни», в ряде рассказов и повести «С фронтовым приветом»), географическая локация не имеет привязанности к какой-либо конкретной области: она охватывает преимущественно территорию Краснодарского края («Маяк рево-

люции», «Красный Кавказ», «Восход» и др.), Ростовской области («Заря счастья», «Красный боец»), Курского края («Дружба», «Красный Октябрь», «Заветы Ленина» и др.) и территории Украины, а именно Черниговской области («Пятьриччи», «Червоний жовтень», «Червоний партизан»).

Топонимы выступают не только в качестве носителей актуальной и социально-исторической информации. Представленные в изучаемых произведениях, они отражают своеобразие авторского замысла, различные стороны духовной и материальной жизни героев. Топонимическая лексика способна содержать экспрессивно-эмоциональный и оценочный компоненты.

Наименования колхозов и совхозов представляют немалый интерес с лингвистической точки зрения, т.к. XX век был чрезвычайно богатым на массовые переименования, коснувшиеся и географических названий. Ю.М. Лотман отмечал, «что смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения (что может выражаться даже в изменении имен и названий)» [7, с. 486]. Руководящие органы власти «осознавали важность символических преобразований» [8]: «замена эмблем, названий улиц, гербов новыми, отражающими новую идеологию, стала преобладающей формой маркировки физического пространства» [7, с. 485–486].

«Доминирование идеологического дискурса способствовало формированию специфического семиотического пространства» [8]: распространенным явлением было стремление заместить имена географических пунктов определенными понятиями, в том числе проявляющимися в названиях колхозов и совхозов. М.Ю. Тимофеев установил, что «замена имен понятиями – необходимость глобальной деноминации при явном дефиците имен» в условиях «доминирования установки на маркировку общего – уни-

версалий нового социально-политического порядка» [8].

По всей стране пробежала волна «топонимической революции». Масштабная маркировка физического пространства идеологически значимыми знаками преследовала цели утверждения власти над пространством и включение людей в идеологически заряженное поле» [8]. За годы советской власти сельская топонимия претерпела колоссальные изменения: «массовые противозаконные переименования сельских поселений привели к потере топонимного своеобразия регионов страны и становлению политизированной топонимии» [6, с. 52], отражающей новые, по большей части идеологизированные концепции.

По мнению Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского, «какой бы в целом ни была мотивировка названия, основным в нем остается выделение наиболее примечательной черты объекта» [9, с. 119]. В соответствии с обозначенной позицией, все населенные пункты имеют конкретные наименования, несущие определенную смысловую нагрузку («Гигант», «Молот», «Сеятель», «Верный путь» и т.д.); с помощью данных номинаций маркируется окружающее пространство, и каждый объект выделяется из общего ряда подобных, что служит ориентирами на местности, способствует формированию информационного топонимического пространства на страницах произведений В. Овечкина.

Наименования колхозов и совхозов в произведениях В. Овечкина можно классифицировать по следующим признакам, отражающим наиболее существенные черты и послужившим основой для номинации:

1. Мемориальные названия в память исторически значимых личностей (ойконимы-посвящения) («Спартак» 91¹, «Челюскин» 4). «Дань пролетарскому интернационализму в русской провинции отра-

зилась в названии колхоза «Спартак». Скорее всего, именно благодаря известности немецкого «Союза Спартака» он был назван именем вождя восстания рабов в Древнем Риме» [8].

Сегодня мы распутываем этот клубок преступлений в «Рассвете», а завтра надо что-то делать с колхозом «Спартак» [10, с. 252].

Совхоз «Челюскин», по нашему мнению, может быть назван в честь советского парохода (1933 г.) или Объединенной гидрометеорологической полярной станции «Мыс Челюскин», которая была открыта в 1932 г. Но оба эти объекта названы именем Семена Ивановича Челюскина – русского полярного мореплавателя.

Человек пятнадцать выступили на собрании после Ступакова, и все говорили о том, что можно бы присоединить их колхоз к совхозу «Челюскин», преобразовав его в отделение совхоза [10, с. 157].

2. Сложные названия, построенные по двухэлементной модели, где одним из составляющих элементов является имя собственное – псевдоним «вождя революции» или его отчество («Память Ленина» 2, «Завет Ильича» 4, «Заветы Ильича» 2, «Заветы Ленина» 3).

А почему бы ей не поехать агрономом-садоводом в «Память Ленина» или в «Рассвет»? [10, с. 151].

Как отмечают исследователи, «одна из черт топонимии Советской России – названия населенных пунктов и территориальных единиц, произошедшие от фамилий большевистских лидеров» [11]. Среди номинаций колхозов и совхозов, названных именами деятелей революционного движения, многочисленны советские топонимы, связанные с именем Владимира Ильича Ленина. С.А. Никитин полагает, что «топоним Ильич является интересным случаем популярной в советской топонимии модели: антропоним без изменений в качестве топонима» [11]. С элементами именования вождя в названиях связаны лексемы, которые подразу-

¹ Цифрой обозначено количество словоупотреблений в анализируемом материале.

мевают «способность указывать необходимое направление действия других людей (мирового пролетариата, народов и т.д.), а Ленин выступает как тот, кто предоставляет знания, то есть объясняет, как действовать» [12].

3. Названия, указывающие на особенности местного ландшафта: Число этих лексем невелико: «Пятириччи» (рус. «Пятиречь») 1.

В «Пятириччи» променял дизель с огорода, которым капусту поливали, на легковой автомобиль [13, с. 213].

Зафиксировано также географическое название, отражающее отличительные черты объекта, а именно указывающее на его размер: «Гигант» 2.

И в совхозе «Гигант» в Сальских степях работал, и на Каспийском море нефть добывал, и в Донбассе шахты откачивал [10, с. 48].

Однако подобных наименований с конкретной семантикой единицы. Преобладают символические названия, отображающие социальные и исторические идеалы.

4. Именования, указывающие символическое направление движения, служащие ориентиром: «Верный путь» 2, «Вперед» 1, «Маяк революции» 6, «Маяк» 7, а также лексемы «Динамо» 2 (как генератор постоянного движения) и «Авангард» 1 (как ведущая часть общественно группы).

Я – Сергей Петрович Жуков, из колхоза «Верный путь», животновод [10, с. 457].

5. Именования, образованные от названий орудий труда: «Молот» 3, «Серп и Молот» 3.

Я этого Никитченко помню еще с тех пор, когда он секретарем ячейки в «Молоте» работал, – встречались с ним на совещаниях в политотделе [13, с. 386].

6. Название, образованное от наименования профессии: «Сеятель» 3.

Едет в «Сеятель» уполномоченный – проводить очередное отчетно-выборное собрание [10, с. 28].

7. Образования от названий знаменательных дат: «Восьмое марта» 2, «Первое мая» 2 и «Октябрь» 8.

– Как там сейчас колхоз «Восьмое марта», который на всех слетах и конференциях прорабатывали за надежского и потери урожая? [13, с. 428–429].

8. Наименования, утверждающие положительные морально-этические нормы и эмоциональный настрой: «Дружба» 4, «Веселая беседа» 1, «Правда» 8.

– Есть здесь секретарь парторганизации «Дружбы?» – простуженным, сильным голосом спросил он [10, с. 109].

9. Нередко встречаются наименования по принадлежности к политическим партиям, движениям: «Большевик» 13, «Коммунар» 2, «Коммунист» 1, – а также наименование, указывающее на активную гражданскую позицию: «Активист» 1.

В «Коммунаре» только видел на поле колеса и раму от одной нашей жнейки [10, с. 192].

И выявил уже таким способом двух растратчиков – экспедитора в «Заре» и завхоза в «Активисте» [10, с. 262].

10. Наименования, образованные от названий общественных организаций: «Коминтерн» 1, «Парижская коммуна» 3.

Проверяли, как полагается, как нас недавно колхоз «Коминтерн» проверял [13, с. 99].

11. Названия с абстрактно-идеологическим значением, названия-символы советской эпохи; идеологизированная абстрактная социальная, философская и политическая лексика: «Борьба» 23, «Вехи коммунизма» 6, «Вечный бой» 5, «Власть Советов» 32, «Волна революции» 4, («Волна» 1), «Вторая пятилетка» 1, «Завет» 1, «Заря коммунизма» 3, «Знамя труда» 1, «Новая пятилетка» 1, «Память декабристов» 2, «Победа» 25, «Пятилетка» 1, «Родина» 11, «Страна Советов» 2.

Завтра мне к восьми утра надо быть в «Заре коммунизма» [10, с. 65].

Почему он не попал после войны опять в «Родину» председателем – он

сам тебе расскажет, если вызовешь его [10, с. 89].

12. Именования, выражающие надежды трудового народа на лучшую жизнь: «*Восход*» 2, «*Заря*» 8, «*Заря счастья*» 3, «*Искра*» 3, «*Крылья*» 1, «*Прогресс*» 2, «*Рассвет*» 40.

Надежда Кирилловна рассказала мужу о себе в колхозе «*Прогресс*», о последних колхозных новостях [10, с. 282].

«Мотивация при именовании географических объектов является важным признаком своеобразия народного самосознания, его менталитета; в содержательной стороне топонимии ярко и непосредственно выражены идеалы народа, культурная среда, мироощущение народа, его миропонимание и мироконструирование» [6, с. 51–52]. Подавляющее большинство наименований колхозов и совхозов в произведениях В. Овечкина является идеологически мотивированным. Практически все названия «отражают в себе реалии, пришедшие с Октябрьской революцией», «восходящие к реалиям советской власти» [9, с. 120]; они не связаны с историко-культурными концепциями, не отражают специфики населенного пункта, т.е. образа места, а выражают новые ценности, стремление к реализации политических доктрин вне историко-культурной системы и духовных традиций, причем наибольшей частотностью в тексте обладают лексемы с идеологизированным абстрактным значением. Все эти номинации появились в постоктябрьский советский период. Большая часть названий представляет новые социокультурные реалии, типичные имена советского периода, связанные с жизнью колхозников, рабочих и деятельностью советских организаций – явно идеологизированную лексику [8].

Наиболее распространенными сигнификатами в идеологизированной сфере были ‘красный’ и ‘труд’: «*Красная новь*»

1, «*Красное знамя*» 25, «*Красные зори*» 1, «*Красный боец*» 5, «*Красный Кавказ*» 15, «*Красный Октябрь*» 6, «*Красный пахарь*» 11, а также «*Червоний жовтень*» 1, «*Червоний партизан*» 2, «*Труд*» 2, «*Труженик*» 1. В семантическое поле слова *труд* вовлекаются и социально окрашенные лексемы *передовик*, *ударник*.

Прислали мне колхозницы письмо из колхоза «*Труд*» [10, с. 466].

В колхозе «*Ударник*» все три бригады как на подбор: лейтенанты и старшие лейтенанты [13, с. 376].

Вместо слова *красный* в наименованиях некоторых колхозов дан его украинский эквивалент *червоний*, что объясняется приграничным положением Курской области и территории Украины.

Колхоз «*Красный пахарь*» находился в полуокружении землями крупного животноводческого совхоза «*Челюскин*» [10, с. 156–157].

Немец свернул карту трубкой, хлестнул ее по лицу, поехал дальше – на «*Червоний партизан*» [10, с. 453].

Ученые свидетельствуют, что «разнообразные символические названия, производные от абстрактных понятий, представляют собой чрезвычайно важную составляющую советской топонимии» [14]. Так, например, лексема *красный* в значении ‘принадлежности к революции, к советской власти’ (революционный, присущий советскому строю, социалистический) «сменяет в географической терминологии традиционный *красный* в значении ‘красивый, прекрасный’; на сегодняшний день сложно понять, какое название создано в XX веке, а какое относится к традиционным (ср. древний топоним *Красная площадь* в Москве и *Красная площадь* в Санкт-Петербурге – так называлась нынешняя площадь Александра Невского в 1923–1952 годы)» [14].

Таким образом, идеологический дискурс советского периода в большой мере

нашел свое отражение в символическом пространстве. В произведениях В. Овечкина четко прослеживается идеологически насыщенная лексика, и одно из доказательств тому – наименования колхозов и совхозов.

Список литературы

1. Валентин Овечкин: биография. URL: http://www.peoples.ru/state/journalist/valentin_ovechkin.
2. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь Совдепии. СПб: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
3. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2. 736 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. 797 с.
5. Климушенко Т. Ф. Структурно-семантическая и функциональная характеристика общественно-политической лексики: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985. 223 с.
6. Керт Г.М. Топонимия в современном мире: [На примере топонимии Карелии] // Известия Уральского государственного университета, 2001. № 20. С. 48–54.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб., 2000. 704 с.
8. Тимофеев М. Ю. История формирования семиосферы города Иванова (1917-1991) // Вестник Ивановского университета. Серия «Гуманитарные науки», 2005. №3. С. 78-94 URL: <http://timland.narod.ru/articles/ivanovo.htm>.
9. Олейникова С. В. Мотивационные признаки, легшие в основу урбанонимов г. Моршанска // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5. Ч. 3. С. 118-120. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/32.html>.
10. Овечкин В. В. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. 559 с.
11. Никитин С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 220 с. URL: http://planetadisser.com/part/dis_23057.html.
12. Слышкин Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // Обозреватель-Observer, 2004. №8. С. 116-125. URL: http://www.rau.su/observer/N8_2004/8_14.HTM.
13. Овечкин В. В. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 464 с.
14. Никитин С. А. Становление советской топонимики в 1918-1930 годах // Отечественные записки, 2003. № 2. С. 502–514. URL: <http://www.topos-seo.ru/stati-o-toponimah-i-toponimike/stanovlenie-sovetskoj-toponimiki.html>.

Поступила в редакцию 05.03.19

UDC 801.3

Y. V. Verevkina, Post-Graduate Student, Kursk State University (33, Radishcheva str., Kursk, 305000, Russia) (Kursk, Russia) (e-mail: zolotosony@yandex.ru)

NAMES OF KOLKHOZES AND SOVKHOZES IN THE WORKS OF V. OVECHKIN

The twentieth century was extremely rich in mass renaming, including geographic names, so the names of kolkhoses and sovkhozes have the considerable interest from a linguistic point of view. Our research is directed at the learning of the originality of the lexicon of V. Ovechkin - this is the writer and publicist, who lived some time in the Kursk region. The article devoted to the study of idiolect of V. Ovechkin, namely, Proper Nouns – the names of kolkhoses and sovkhozes. The investigation is the part of project «The Kursk word». Key lexemes allow to give the most complete view about the general lexicon of V. Ovechkin. Based on a selection from the lexicon vocabulary of V.

Ovechkin, which is based on 50 texts of different genres (stories, essays, plays, critical articles), it was found the nuclear part of the lexicon, which includes lexemes kolkhoz and sovkhov. The article presents an analysis of lexemes against the background of the process of mass denomination of toponymic objects and giving its new names, that have certain social and political components; we define the functions of toponyms – this is selection, individualization, identification of the this objects among others, we denote the marking of a physical space with ideologically significant signs. In the works of V. Ovechkin there is ideologically intense vocabulary; the most part of lexemes presents new sociocultural realities, typical names of the Soviet period – this is the ideologized language, including toponymic vocabulary. In this article we are learning different names of kolkhozes and sovkhoves, classify this names by groups based on their origin. The purpose of the article it is the analysis of the dictionary of the «Soviet epoch» within onomastic space of the Russian language against the background of learning the idiolect Valentin Ovechkin.

Key words: kolkhoz; sovkhov; onomastics; idiolect; glossary.

For citation: Verevkin Y. V. Names of kolkhozes and sovkhoves in the works of V. Ovechkin. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 49–55 (in Russ.).

References

1. Valentin Ovechkin: biografiya. URL: http://www.peoples.ru/state/journalist/valent_in_ovechkin.
2. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovyj slovar' Sovdepii*. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 704 p.
3. *Slovar' russkogo yazyka*; ed. by Evgen'eva A. P. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985–1988, vol. 2, 736 p.
4. *Slovar' russkogo yazyka*; ed. by Evgen'eva A. P. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985–1988, vol. 4, 797 p.
5. Klimushenko T. F. *Strukturno-semanticheskaya i funkcional'naya harakteristika obshchestvenno-politicheskoy leksiki*. Diss. kand. filol. nauk. Kiev, 1985. 223 p.
6. Kert G.M. *Toponimiya v sovremenom mire: [Na primere toponimii Karelii]*. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2001, no. 20, pp. 48–54.
7. Lotman Yu. M. *Semiosfera*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB. Publ., 2000. 704 p.
8. Timofeev M. Yu. *Istoriya formirovaniya semiosfery goroda Ivanova (1917–1991)*. *Vestnik Ivanovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*, 2005, no. 3, pp. 78–94. URL: <http://timland.narod.ru/articles/ivanovo.htm>.11.
9. Olejnikova S. V. Motivacionnye priznaki, legshie v osnovu urbanonimov g. Morshanska. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 5, pt. 3, pp. 118–120. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/32.html>.
10. Ovechkin V. V. *Sobranie sochinenij*. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1989, vol. 2, 559 p.
11. Nikitin S. A. *Lingvisticheskie aspekty pereimenovanij geograficheskikh ob"ektov v Rossii*. Diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2003, 220 p. URL: http://planeta-disser.com/part/dis_23057.html.
12. Slyshkin G. *Gosudarstvennye deyateli: sled v yazykovom soznanii*. *Obozrevatel'-Observer*, 2004, no. 8, pp. 116–125. URL: http://www.rau.su/observer/N8_2004/8_14.HTM.
13. Ovechkin V. V. *Sobranie sochinenij*. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1989, vol. 1, 464 p.
14. Nikitin S. A. *Stanovlenie sovetskoj toponimiki v 1918-1930 godah*. *Otechestvennye zapiski*, 2003, no. 2, pp. 502–514. URL: <http://www.topos-seo.ru/stati-o-toponimah-i-toponimike/stanovlenie-sovetskoj-toponimiki.html>.

УДК 81'373.45

Т. Г. Волошина, канд. филол. наук, НИУ БелГУ (Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85)
(e-mail: tatianavoloshina@ Rambler.ru)

Ю. С. Блажевич, канд. филол. наук, НИУ БелГУ (Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85)
(e-mail: sapo.sapin@yandex.ru)

Н. А. Шейфель, канд. филол. наук, НИУ БелГУ (Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85)
(e-mail: sheifel@bsu.edu.ru)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ХАУСА НА ТЕРРИТОРИИ АФРИКИ

На современном этапе развития лингвистики особое внимание уделяется проблемам изучения языковых контактов и языкового состояния тех или иных языков, подвергнутых доминирующему влиянию языкового большинства. В ходе процесса лингвистической адаптации возникают новые языковые вариации, так называемые гибридные образования, которые представляют собой уникальные структуры. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения новых гибридных языковых вариантов в эпоху глобализации. Такие лингвистические новообразования обладают рядом специфических свойств, сочетающих двойственные черты доминирующего языка на фонетическом, морфологическом, синтаксическом уровнях и уникальный лексический пласт коренных языков. Целью исследования является изучение лингвистических особенностей языка хауса (одного из наиболее продуктивных средств межэтнической коммуникации в Западной Африке) как гибридного образования в эпоху глобализации.

В ходе работы применялись общие и специальные методы исследования. Общие методики исследования включали применение эмпирических методов (сравнение), теоретических методов (анализ, синтез); среди специальных методов исследования применялись метод компонентного анализа, критический анализ, метод контент-анализа.

В эпоху глобализации XXI века для языковой картины любой страны мира типичной чертой является доминирование английского языка на лингвистическое состояние того или иного языка в сфере политики, экономики, образования, средств массовой информации. В нашем исследовании анализу подвергается историко-культурологические, лингвистические, социальные особенности такого средства межэтнической коммуникации, как язык хауса, подверженного явлению глобализации.

Особое внимание в работе уделяется теоретическим проблемам лингвокультурологического описания языка хауса, как одного из наиболее крупных языков на территории Западной Африки. Язык хауса входит в чадскую языковую группу и представляет собой язык абсолютного большинства среди населения Западной Африки в качестве родного языка и второго языка.

В результате исследования, авторы работы подчеркивают: являясь средством коммуникации для коренного населения таких стран, как Нигерия, Гана, Нигер, язык хауса входит в ранг наиболее распространенных языков Западной Африки, что объясняет необходимость изучения его лингвистических особенностей на фонетическом, морфологическом, синтаксическом уровнях.

В ходе исследования авторы работы систематизируют теоретическую базу о существующих типологиях и основных лингвистических характеристиках языка хауса, обобщают функции языка хауса, позволяющие говорить о принадлежности чадских языков к афроазиатской языковой семье, рассматривают морфологические, синтаксические, фонологические особенности языка хауса.

Ключевые слова: языковая группа; языковой контакт; язык хауса; средство межэтнической коммуникации; фонетические; морфологические; синтаксические особенности.

Ссылка для цитирования: Волошина Т. Г., Блажевич Ю. С., Шейфель Н. А. Лингвистические особенности языка хауса на территории Африки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 56–63.

Введение

На современном этапе развития лингвистики вопросам контактного взаимодействия уделяется особое внимание по причине активной лингвистической кооперации в эпоху глобализации. В силу оказания доминирующего влияния английского языка на лингвокультуру стран Африки возникает острая проблема со-

хранения языков коренных народов. Язык хауса, наряду с игбо и йоруба, входит в группу языков коренных народов и представляет собой межэтническое средство коммуникации на территории Западной Африки.

Язык хауса входит в чадскую группу языков, которая, в свою очередь, является составной частью афроазиатской языковой семьи и насчитывает около 140 язы-

ков. Определить точное количество языков не представляется возможным, поскольку в современном африканском обществе регулярно возникают новые языковые образования. Например, дискуссионным вопросом остается статус языка *тум*, который одна часть африканских лингвистов определяет как простой диалект, а другая рассматривает язык *тум* в качестве языкового варианта.

Одним из наиболее многочисленных языков чадской группы, распространенных в Западной Африке, является язык хауса, который представляет собой язык межэтнического общения, продуктивность применения языка хауса в качестве средства общения на территории Западной Африки достигает 68% от всех коренных языков чадской группы [1, с. 45-48].

Другие языки, входящие в состав чадской группы, представляют наименее продуктивную группу, число коммуникантов таких языковых меньшинств достигает менее тысячи человек, что составляет 6% коммуникантов. Большинство языков, входящих в ранг языковых меньшинств, в настоящее время находятся под угрозой исчезновения [2, с. 25-28].

Методы исследования

В ходе работы авторы применяют общие и специальные методы исследования. Общие методы научного исследования подразделяют на методы эмпирического исследования, из которых в работе применялся метод сравнения; методы теоретического исследования, среди которых были применены такие методы как анализ и синтез. Среди специальных методов исследования в рамках работы применялись методы компонентного анализа, критический анализ, метод контент-анализа.

Результаты и обсуждение

Языки в чадской группе делятся на три основные ветви, основываясь на локальном принципе, плюс четвертая – независимая отрасль. Западная чадская ветвь, включающая в себя язык хауса, содержит около 60 языков, разделенных

на семь подгрупп [3, с. 11-18]. Все эти языки используются в качестве средства коммуникации в Северной Нигерии. Ветвь Биу-Мандара (или центральное ветвь) содержит более 45 языков, относящихся к одиннадцати подгруппам, которые простираются от бассейнов рек Гонгола и Бенуэ в Нигерии до гор Мандара в Камеруне. Ветвь Восточный Чадской группы содержит около 25 языков, принадлежащих к шести подгруппам. Языки этой подгруппы распространены в центральной части Чада, в юго-восточном направлении от границы Камеруна до границы с Суданом [4, с. 128].

Анализ лингвистических особенностей языков чадской группы проводился на протяжении многого времени, однако эта отрасль исследования получила особое признание и была актуализирована за последние десятилетия благодаря работам таких африканских лингвистов, как Р. Абрахам (R. Abraham), П. Ньюмэн (P. Newman), В. Экхард (W. Ekkehard), П. Джагер (P. Jagger) и другие.

В своих исследованиях П. Ньюмэн вывел ряд функций, позволяющих говорить о принадлежности чадских языков к афроазиатской языковой семье, а именно:

- 1) формант *t* как показатель женского рода, уменьшительно ласкательный суффикс, показатель единственного числа у существительных;
- 2) наличие флексий *n/t/n'* для обозначения мужского рода / женского рода / множественного числа в качестве маркеров;
- 3) наличие префикса *m* для обозначения локализации имени существительного;
- 4) образование существительных множественного числа, заканчивающихся на *-a/ia* при помощи добавления суффикса *-n*;
- 5) употребление императивов с глаголами *come, go*;
- 6) принадлежность отдельных слов к среднему роду;
- 7) прослеживание однокоренных элементов в словах базового словарного состава [5, с. 78-84].

Некоторые ученые предполагают, что чадская языковая группа является самым отдаленным представителем афроазиатской семьи, в то время как другая часть прослеживают особо тесную связь с берберскими языками.

Все языки, входящие в чадскую группу, представляют собой тональные образования. Некоторые лингвисты выделяют два тона (Margi), другие два тона плюс тональное снижение (Kanakuru), три мелодии (Tera) и три тона плюс снижение (Ga'anda). Системы гласных в чадских языках варьируются от двух до семи гласных, при этом некоторые языковеды выделяют еще и такую отличительную особенность, как длина гласных [6, с. 129–132]. Характерной особенностью чадской группы также является разное количество гласных в зависимости от их положения в слове. Например, в древнем языке хауса изначально было две гласные, затем существовало три гласных и далее пять гласных без контраста длины звучания. Большинство языков чадской группы обладают набором взрывных согласных (обычно гортанных или имплозивных) в дополнение к глухим и звонким. Язык *гомей* (Goemai) и несколько других языков в той же подгруппе имеют необычную особенность контрастных смычно-гортанных и имплозивных согласных в одном и том же положении артикуляции [7, с. 108].

В области морфосинтаксиса чадские языки, как правило, имеют «плюракционные глагольные показатели» (ранее называемые "интенсификаторами"), которые указывают на принадлежность существительного к множественному числу, либо к глаголу, когда действие, выполняется несколько раз [8, с. 109].

Грамматический род в чадских языках является довольно простым явлением. Многие чадские языки не имеют лингвистических маркеров, показывающих на принадлежность существительного к женскому, мужскому, среднему роду. Что касается порядка слов, то чадские языки являются зависимыми от положе-

ния предлога в предложении, например имя подлежащее, выраженное существительным или местоимением, помещается вслед за дополнением. Атрибутивные прилагательные обычно следуют за изменяемым существительным, а числительные неизменно следуют за существительным [9].

Рассмотрим лингвистические особенности языка хауса. Язык хауса является средством коммуникации в качестве родного языка для 30 миллионов человек, представляющих коренное население, также для народа фульбе, которые установили политический контроль над соседними странами в начале девятнадцатого века. Это язык абсолютного большинства населения большей части Северной Нигерии и республики Нигер. Носители языка хауса встречаются также и в Того, Гане и в небольших колониях поселенцев и торговцев в крупных городах Западной Африки. Кроме того, существует язык хауса русскоязычной общины в районе Нила в Судане.

Хауса также широко распространен в качестве второго или третьего языка в Нигерии и Нигере, функционируя в качестве лингва франка для коммерческих, информационных и правительственных целей. Хауса является одним из трех национальных языков коренных народов и признается в конституции в качестве языка межэтнического общения. В то время как среднее и высшее образование в Северной Нигерии, как правило, ведется на английском языке, хауса фактически является языком обучения в начальных школах. Хауса в настоящее время предлагается в качестве изучения основного предмета при получении высшего образования в ряде нигерийских университетов. Ежегодно выпускаются множество газет и журналов на языке хауса, процветающая литература и широкое использование языка на радио и телевидении также отмечают чрезвычайную востребованность этого языка. Телевизионное вещание на языке хауса осуществляется не только на территории Нигерии и Ни-

гера, но и на уровне международной трансляции передач из Великобритании, США, Германии, России и Китая [10, 11].

Являясь членом чадской группы, язык хауса фактически занимает монополизирующую позицию, так как гвандара (Gwandara) является исторически сравнительно недавно креолизированным образованием языка хауса. В группе Западной чадской подгруппы наблюдаются наиболее тесные лингвистические связи по сравнению с другими подгруппами.

Фонемы стандартного диалекта хауса представлены 32 согласными и 12 гласными (пять основных гласных с соответствующими длинными и короткими вариантами, плюс два дифтонга) и три тона (два основных тона плюс составной тон). Ключевыми критериями фонологического строя языка хауса принято считать палатализацию, вокализацию, ротацизм, ассимиляцию, геминацию, сокращение гласных и централизацию [7, с. 92-98].

Что касается орфографии, то в языке хауса использует две системы письма, одна, называемая *bOoki*>*o*, основывается на латинском алфавите, вторая, называемая *ajami*, базируется на арабской системе письма. Латинская система была введена британцами в Нигерии в начале XX в. Западная орфография широко применяется в школах, в крупных газетах и в большинстве других современных книг и журналов. Письменность хауса арабской системы датируется началом XIX в. Хотя ключевым направлением языковой политики многих стран Западной Африки является попытка замены арабской системы на европейскую, *'ajami* по-прежнему широко известна и используется. Аджамискрипт изучается в мусульманских школах и предпочитается не только религиозными писателями, но и многими популярными современными поэтами. После долгого периода целенаправленного пренебрежения, Аджамискрипт снова стал использо-

ваться в качестве средства письменной коммуникации в некоторых газетах и журналах [1, с. 43-47].

Орфография современного языка хауса продолжает традиции латинского алфавита, поддерживая тенденцию максимальной ориентации на нормы стандартного английского языка.

В период глобализации языки межэтнической коммуникации Западной Африки подвергаются изменениям, в результате чего появляются новые, гибридные лингвистические образования для которых характерна неоднородность лексического состава, морфологических и синтаксических моделей.

Современный язык хауса демонстрирует огромное количество морфофонемных изменений, иногда через активные фонологические правила, отражая более ранние исторические изменения. В зависимости от фонологической среды «измененный сегмент» может появляться либо в основном фоне слова, либо в производном фоне.

Для фонетической системы современного языка хауса типичным явлением служит противопоставление согласных по трем уровням – глухие согласные, звонкие согласные, эмфатические согласные. Эмфатические согласные языка хауса принято разделять на звонкие импловзивные или преглоттализированные согласные и глухие эйективные согласные. Другой фонетической типологией языка хауса является противопоставление гласных по долготе и фонологическим тонам. Следует отметить, что фонетический строй языка хауса в меньшей степени подвержен влиянию глобализации и максимально сохраняет артикуляционную систему коренного языка. Фонетическая система языка хауса и фонетика стандартного английского языка обладают различной артикуляционной базой, поэтому такой слой языка как фонетиче-

ский, сохраняет фонетические особенности языка хауса.

Для грамматической системы современного языка хауса характерна сложная система производных глагольных основ, наличие категории грамматического рода, а также разнообразная система идеофонов, то есть звукоподражательных слов в лексическом составе языка.

Морфологическая система современного языка хауса отражает класс глагола и его синтаксическую среду. Морфологическое различие в каждой категории определяется по последней гласной глагола и интонацией общего тона.

Основными параметрами в номинальной морфологии языка хауса являются пол и число. В языке хауса зафиксировано два пола: мужской и женский. Морфологические и грамматические признаки различаются только в существительных единственного числа. Существительные мужского рода, как правило, заканчиваются согласными и всеми пятью гласными, например, *teebuf* (стол), *kiifii* (рыба), *zbobee* (кольцо), *bilkita* (лук), *tituluu* (горшо). За редким исключением, существительные женского рода заканчиваются на *aa*, *-(i)yaa* от *-(u)waa*, например, *kUuraa* (гиена), *munduwaa* (браслет), *kibiyaa* (стрела), *kilazaa* (курица) [8, с. 121-137].

Прилагательное в языке хауса изменяется по родам и числам, женский род образуется от мужского путем добавления *—aa*, а во множественном числе с использованием одного из обычных номинальных образований, например, *fari i* (мужской род), *faraa* (женский род), *faraaree* (множественное число) [8, с. 122-134].

Словообразовательная система языка хауса имеет ряд продуктивных и полупродуктивных номинальных деривационных конструкций, при этом некоторые используют префиксы, другие — суффик-

сы, также возможно использование как суффиксов, так и префиксов.

Специфической особенностью лингвистического состояния современного языка хауса, на наш взгляд, является наличие большого количества этнонимов в его составе. Этнонимы представляют собой слова, которые указывают на человека, проживающего в определенном городе, области, или какой-либо этнической группе. В языке хауса этнонимы образуются с помощью приставки *bà-*. Такие существительные обычно принадлежат к мужскому роду единственного числа, показателем которого является суффикс *-e*, например, *Bàgumale* — man from Gumel (человек из Гумел), *Bàdàuri* — ‘man from Daura’ (человек из Даура). Существительные женского рода обычно заканчиваются на *-iya*.

Примеры этнонимов в языке хауса:

Bàfulatàni *Bàfulatàna* ‘Fulani person’

bàgabàshi *bàgabàsa* ‘easterner’

Bàgob/iri~ *Bàgob/ira~* ‘person from Gobir area’

Bàhaushe / *Bàhaushiya* ‘Hausa person’

Bàjamushe / *Bàjamushiya* ‘German’

Bàlara~be / *Bàlara~biya* ‘Arab’

Bàsakkwace / *Bàsakkwaciya* ‘person from Sokoto’

Bàyar~abe / *Bàyar~abiya* ‘Yoruba’ [8, с. 107-109].

Словообразовательные маркеры в языке хауса также используются для указания определенной профессии людей, принадлежности к той или иной социальной группе, такие словообразовательные маркеры указывают на определенные характеристики.

Примеры:

bàbambaðe / ‘professional praise singer’

bàduku / ‘leather worker’

bàfada / ‘courtier’

bàhago ‘left-handed person’ (cf. *hagu* ‘left’)

bà°auye / ‘villager (naive person)’

bàmalike / 'follower of Maliki school of Islamic law'

bàzawàrà 'widow, divorcee' [8, с. 47–49].

Тем не менее, в современном языке хауса наблюдается тенденция вытеснения лексической презентации языка коренных народов в пользу применения эквивалентов стандартного английского языка, например:

лексический ряд «Профессии»:

Musician – музыкант,

Politician – политик,

Manager – менеджер,

Doctor – врач [8, с. 49-56],

лексический ряд «Одежда» и «Обувь»:

Jeans – джинсы,

T-shirt – футболка,

Khaki – любая одежда в стиле «Милитари»,

Ready-made clothes – готовая одежда,

Shoes – туфли,

Sneakers – кроссовки [8, с. 48-57],

лексический ряд «Еда»:

Salad – салат,

Meat – мясо,

Beans – фасоль,

Soup – суп,

Water – вода,

Watermelon – арбуз [8, с. 57-66],

лексический ряд «Транспорт»:

Garage – гараж,

Machine – любой вид транспорта,

Bus – автобус,

Motorcycle – мотоцикл,

Truck – грузовик [8, с. 48-52].

Еще одной характерной чертой лингвистического состояния языка хауса в период глобализации является продуктивное применение аббревиатур в письменной коммуникации, что свидетельствует о доминирующем влиянии английского языка на язык хауса.

Примеры:

SCIA – an abbreviation for the Supreme Council for Islamic Affairs - Верховный Совет по делам ислама,

SCID – State Criminal Investigation Department - Государственный Департамент Уголовных Расследований,

PMAN – Performing Musicians Employers Association of Nigeria - Ассоциация исполнителей-музыкантов Нигерии,

PDP – People's Democratic Party - Демократическая партия народов,

HND – Higher National Diploma – диплом о высшем образовании [8, с. 78-88].

Современное лингвистическое состояние языка хауса представляет собой гибридное образование, для которого характерны свойства языка межэтнической коммуникации, хауса, и некоторые черты стандартного английского языка. Лингвокультура языка хауса в большей степени подвержена влиянию английского языка на его лексическом уровне, что находит выражение в репрезентации лексических рядов «Профессия», «Одежда», «Обувь», «Продукты питания», «Транспорт» в ежедневной жизни нигерийцев и применении аббревиатур в современном языке хауса.

Выводы

Язык хауса является наиболее продуктивным средством коммуникации в качестве языка межэтнического общения на территории Западной Африки. Хауса принадлежит к чадской языковой группе. Язык хауса подразделяется на три основные ветви (западная, центральная, восточная) и одну независимую ветвь. Обладая официальным статусом, на ряду с языками игбо и йоруба, язык хауса является средством межнациональной коммуникации на государственном уровне в таких странах Африки, как Нигерия, Нигер, Судан, Камерун, Бенин, Гана. Хауса – язык образования, политики, средств массовой информации и универсальное средство общения африканцев. Язык хау-

са представляет собой также наиболее распространенный язык в качестве второго и третьего. Лингвистическое состояние современного языка хауса претерпело ряд изменений по сравнению с его ранним вариантом. Языковая составляющая современного хауса характеризуется такими специфическими свойствами, как латинская орфография, изменения на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Список литературы

1. Falola T. Historical Dictionary of Nigeria. Genova: The Scarecrow Press Inc, 2009. 473 p.
2. Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford: OUP, 1992. 57 p.
3. Simons G. F., Fennig C. D. Ethnologue: Languages of the World. Texas: SIL International, 2017. 33 p.
4. Багана Ж. Судьба европейского языка в Африке: Социолингвистические и лингвокультурологические особенности французского языка в Конго. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 192 с.
5. Newman P. West African travels and adventures, two autobiographical narratives from Northern Nigeria. New York: N.Y, 2014. 156 p.
6. Клоков В. Т. Французский язык в Африке. Лингвокультурологическое исследование. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 284 с.
7. Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 316 p.
8. Katchru V. The handbook of World Englishes. Malden: Blackwell Publishing Ltd, 2006. 833 p.
9. Волошина Т. Г. Некоторые аспекты терминологического ряда «Лингвофония», «Англофония» в работах отечественных и зарубежных исследователей // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур. Белгород: Пилитерра, 2017. С. 128–133.
10. Волошина Т. Г., Блажевич Ю. С., Коч К. И. Коммуникативная среда и лингвокультурологические состояния // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика, 2018. №4 (29). С. 120–125.
11. Волошина Т. Г. Вариативность английского языка в эпоху глобализации // Современная наука: Актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза: Наука и Просвещение, 2018, С. 156–158.

Поступила в редакцию 20.02.19

UDC 81'373.45

T. G. Voloshina, Candidate of Philological Sciences, Belgorod State University (85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russia) (e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru)

Y. S. Blazhevich, Candidate of Philological Sciences, Belgorod State University (85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russia) (e-mail: sapo.sapin@yandex.ru)

N. A. Sheifel, Candidate of Philological Sciences, Belgorod State University (85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russia) (e-mail: sheifel@bsu.edu.ru)

LINGUISTIC PECULIARITIES OF HAUSA LANGUAGE ON THE TERRITORY OF AFRICA

At the present stage of linguistics development, special attention is paid to the problems of studying language contacts and the linguistic state of certain languages due to the dominant influence of the linguistic majority. During the process of linguistic adaptation, new linguistic variations, the so-called hybrid formations, which are unique structures, are regularly organized. The relevance of the study is determined by the need to study new hybrid language options in the era of globalization. Such linguistic variations have a number of specific properties that combine the

dual features of the dominant language at the phonetic, morphological, syntactic levels and a unique lexical layer of indigenous languages. The aim of the research is to study the linguistic features of the Hausa language (one of the most productive means of interethnic communication in West Africa) as a hybrid education in the era of globalization.

In the course of the work, general and special research methods are used. General research methods include the use of empirical methods (comparison), theoretical methods (analysis, synthesis); among the special research methods the authors use methods of component analysis, critical analysis, content analysis.

In the era of globalization of the XXI century the language situation of any country in the world is influenced by the dominance of the English language in politics, Economics, education, media. In our study, the authors analyze the historical, cultural, linguistic, social features of such means of interethnic communication as the Hausa language.

Particular attention is paid to the theoretical problems of linguistic and cultural description of the Hausa language as one of the largest languages in West Africa. The Hausa language is part of the Chadian language group and is the language of the absolute majority of the population of West Africa as a mother tongue and a second language.

As a result of the study, the authors emphasize that as a means of communication for the indigenous population of such countries as Nigeria, Ghana, Niger, Hausa language is included in the rank of the most common languages of West Africa, which explains the need to study its features at the phonetic, morphological, syntactic levels.

In the course of the study, the authors systematize the theoretical basis of the existing typologies and basic linguistic characteristics of the Hausa language, generalize the functions of Hausa, belonging to the Chadian languages of the Afro-Asian language family, consider the morphological, syntactic, phonological features of the Hausa language.

Key words: language group; language contact; Hausa language; means of interethnic communication; phonetic; morphological; syntactic features.

For citation: Voloshina T. G., Blazhevich Y. S., Sheifel N. A. Linguistic peculiarities of Hausa language on the territory of Africa. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 56–63 (in Russ.).

References

1. Falola T. Historical Dictionary of Nigeria. Genova, The Scarecrow Press Inc Publ., 2009. 473 p.
2. Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford, OUP, 1992. 57 p.
3. Simons G. F., Fennig C. D. Ethnologue: Languages of the World. Texas, SIL International, 2017. 33 p.
4. Bagana Zh. Sud'ba evropejskogo yazyka v Afrike: Sociolingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie osobennosti francuzskogo yazyka v Kongo. Saratov, 2003. 192 p.
5. Newman P. West African travels and adventures, two autobiographical narratives from Northern Nigeria. New York, N.Y., 2014. 156 p.
6. Klovov V. T. Francuzskij yazyk v Afrike. Lingvokul'turologicheskoe issledovanie. Saratov, 2000. 284 p.
7. Crystal D. English as a global language. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 316 p.
8. Katchru B. The handbook of World Englishes. Malden, Blackwell Publishing Ltd, 2006. 833 p.
9. Voloshina T. G. Nekotorye aspek-ty terminologicheskogo ryada «Lingvofoniya», «Anglofoniya» v rabotah otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej. Yazyk kak faktor integracii obrazovatel'nyh sistem i kul'tur. Belgorod, Piliterra Publ., 2017, pp. 128–133.
10. Voloshina T. G., Blazhevich Yu. S., Koch K. I. Kommunikativnaya sreda i lingvokul'turologicheskie sostoyaniya. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika, 2018, no. 4 (29), pp. 120–125.
11. Voloshina T. G. Variativnost' anglijskogo yazyka v ehpoju globalizacii. Sovremennaya nauka: Aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2018, pp. 156–158.

УДК 81'373.42+37+367

О. П. Довгер, канд. пед. наук, доцент, Курский государственный медицинский университет (Россия, 305041, Курск, ул. К. Маркса, 3) (e-mail: odovger@yandex.ru)

К. М. Лопата, канд. пед. наук, доцент, Курский государственный медицинский университет (Россия, 305041, Курск, ул. К. Маркса, 3) (e-mail: 0707karina@mail.ru)

Е. А. Никитина, канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: eanikitina72@mail.ru)

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА «БОЛЕЗНЬ» В АНГЛИЙСКОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению специфики лексических единиц, репрезентирующих концепт "болезнь" в английском медицинском дискурсе. Всестороннее изучение слова как основной единицы языковой системы является важной задачей современной лингвистики. Большую роль в решении этой задачи играет семантическая теория поля, которая продолжает оставаться одним из важных направлений современной лингвистики. Актуальность исследования заключается в необходимости конкретизировать данные об употреблении компонентов лексико-семантического поля «болезнь» в английском медицинском дискурсе, так как рассмотрению данного концепта не уделялось достаточного внимания. Материалом для исследования послужили словарные статьи из толковых и фразеологических словарей, тексты медицинского и художественного дискурсов, работы зарубежных исследователей по данной проблеме. Авторы выделяют три наиболее распространенные единицы в лексико-семантическом ряду концепта болезнь: «disease», «illness», «sickness». Компаративный анализ данных лексем в рамках лексико-семантического поля «болезнь» в современном английском медицинском дискурсе показал, что им присущ общий семантический признак – «проблемы со здоровьем, физиологическое или психическое неблагополучие». Однако в ходе исследования было установлено, что лексико-семантическое поле данного концепта распадается на три области: понятие физиологического и психологического неблагополучия, социальный конструкт заболевания, ощущения физического или ментального неблагополучия самого пациента.

Корректное употребление лексических единиц в контексте устного и письменного медицинского дискурса в английском языке крайне важно для правильного понимания аутентичных медицинских текстов, а также при необходимости перевода медицинской информации на английский язык для врачей-практиков или научных работников в области медицины.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; концепт; медицинский дискурс; лексема; когнитивный слой; синонимия; компаративный анализ.

Ссылка для цитирования: Довгер О. П., Лопата К. М., Никитина Е. А. Специфика лексико-семантического поля концепта «болезнь» в английском медицинском дискурсе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 64–72.

Введение

В настоящее время в лингвистике существует огромное количество работ, посвященных проблемам семантического поля. Большинство лингвистов трактуют лексико-семантическое поле как «тесно связанный по смыслу раздел словаря» [1], как внутренне связанные отрезки словаря, элементы которого ограничивают друг друга и покрывают какую-либо понятийную сферу.

«Поле – совокупность языковых единиц, объединенных общностью со-

держания и отражающих понятийное, предметное сходство обозначаемых явлений». К характеристикам поля можно отнести связь слов и их отдельных значений, системность этих связей, относительную автономность, наличие ядра и периферии [2]. Важным фактором является то, что основные понятия, функционирование поля и его структура отражают культуру и, соответственно, воспроизводятся в строении поля. Поле задается определенным смысловым содержанием – доминантой поля. В нем выделяется ядро

(лексема-понятие или группа лексем-понятий), центр (классы основных понятий с их синонимическими, антонимическими и другими отношениями) и периферия (система смежных полей — слов-понятий вторичной семантической функции). Ядро поля — это единица, которая выражает его общее значение, т.е. архисему. Приядерная зона образуется за счет единиц с меньшим количеством дифференциальных семантических признаков. Исходя из работ И.А. Стернина, «ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты, периферия имеет зонную организацию; ядерные конститuentы наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функции поля наиболее однозначно, более частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для поля» [3]. Семантическое поле в лингвистике становится одной из важнейших категорий, в которой системно и синтетически рассматриваются однородные по своему содержанию единицы [4]. Принято считать, что всякое «языковое поле» представляет собой определенную систему понятий, идей, не связанную ни с объективной действительностью, ни с языковой материей.

Во всех исследуемых типах медицинского дискурса хорошо выделяется и структурируется лексико-семантическое поле концепта «болезнь». Оно обладает всеми необходимыми «полевыми» признаками: общностью состава; целостностью; произвольностью; размытостью границ; пересечением с другими полями; системным характером связей между элементами поля; выделемостью его в составе языка (и речи); зональной организацией и др. [5]. Понимание концепта основано на двух основных подходах — когнитивном и лингвокультурном. Данные подходы различаются отношением к индивиду, не взаимоисключая друг дру-

га: «лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт — это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [6]. Волгоградская лингвоконцептологическая школа постулирует концепт как ментальное вербализуемое в социуме образование, состав которого формируют понятийная, образная и ценностная составляющие [7].

В данной статье мы попытаемся проанализировать специфику лексико-семантического поля концепта «болезнь» в контексте медицинского устного и письменного дискурса.

Материалы исследования

Материалом для исследования послужили словарные статьи из толковых и фразеологических словарей, тексты медицинского и художественного дискурсов, работы зарубежных исследователей по данной проблеме.

Результаты исследования

В английском языке синонимический ряд концепта «болезнь» достаточно широк. К наиболее часто встречающимся мы относим следующие лексемы: “disease”, “illness”, “sickness”, “ailment”, “malady”, “pathology”. Являясь синонимами, они в определенных ситуациях могут иметь разные когнитивные слои, контекстуальные и коннотативные значения.

Синонимия в профессиональном дискурсе является широко распространенным явлением. Синонимы обозначают похожие процессы или явления, но, как правило, обладают разными коннотациями. Подобное расширение синонимических рядов обусловлено современным развитием науки, изменением экстралингвистических условий. Необходимо отметить, что наибольшее количество синонимов получают понятия и явления,

которые являются наиболее важными в определенных профессиональных областях [8]. Л. А. Матвеева в своих работах подчеркивает не вполне однозначное отношение исследователей к проблеме синонимии терминов научного знания, но отмечает наличие многообразия видов и типов синонимов в терминологии развивающихся и уже устоявшихся наук [9]. Тем не менее, следует отметить, что синонимы обязательно «расходятся в значениях, либо различаются по сферам своего употребления», так как слова с абсолютно одинаковым значением не могут существовать в языке длительное время, и со временем один из синонимов «выпадает из языка» [10]. Изучение синонимического ряда позволяет уточнить лексико-семантические поля слов концепта и установить степень связи синонима с доминантой. Представленный в настоящей статье сопоставительный анализ лексических единиц, вербализующих концепт «болезнь» в английском медицинском дискурсе позволяет установить черты их сходства и различия.

Анализ лексико-семантического поля концепта «болезнь» в английском медицинском дискурсе в контексте английских словарных дефиниций обнаруживает небольшое количество его характеристик, в частности неблагополучное состояние организма, общее выражение болезни, заболевания определенных органов, симптомы и признаки определенных заболеваний, самоопределение пациента о собственном самочувствии и т.д.

Наиболее распространенными единицами в лексико-семантическом ряду концепта «болезнь» являются следующие три: «disease», «illness», «sickness». При их анализе необходимо выделить основные когнитивные слои, образующие базовый слой соответствующих лексем, выявить точки пересечения и расхождения их концептуальных областей. Большин-

ство зарубежных исследователей отмечают, что различие в употреблении данных элементов может быть обусловлено наличием у говорящего профессиональных медицинских знаний. Например, А. Клейман утверждал, что специалисты-медики рассматривают лексему «disease» как изменения или дисфункции биологических и/или психологических процессов человеческого организма, а лексемы «illness» и «sickness» скорее относятся к понятиям, определяемым самими пациентами в контексте собственного заболевания [11]. В своих дальнейших работах А. Клейман предположил, что врачи, прежде всего, заинтересованы в распознавании и лечении заболевания (лексема «disease») [12]. В данном случае концепт, объективируемый лексемой «disease», имеет в своем ядре понятие физиологического и психологического неблагополучия.

Семантический анализ словарных дефиниций лексемы «disease» позволяет выявить когнитивные слои данной лексемы. Большинство толковых словарей определяют базовое денотативное значение лексемы: «disease is (an) illness of people, animals, plants, etc., caused by infection or a failure of health rather than by an accident» -заболевание людей, животных, растений и т.д., вызванное, скорее всего, какой-либо инфекцией или нарушением, а не несчастным случаем.

«They reported a sudden outbreak of the disease in the south of the country» (Cambridge dictionary)

«The first symptom of the disease is a very high temperature» (Cambridge dictionary)

Практически такую же дефиницию предлагает Merriam-Webster dictionary:

«Disease is a condition of the living animal or plant body or of one of its parts that impairs normal functioning and is typically manifested by distinguishing signs and

symptoms»- болезнь это состояние живого организма (животного или растительного) или его части, которое нарушает нормальное функционирование организма и, как правило, проявляется определенными признаками или симптомами.

“Liver disease, likely stemming from a long-ago blood transfusion, appeared suddenly, leaving Sharon with only six weeks to live after the diagnosis” [13].

"A big collaboration is trying to understand diseases of the psyche" [14].

Кроме того, именно лексема «disease», детерминируя физиологические и психические расстройства, употребляется для обозначения большого количества заболеваний в медицинском дискурсе, в название которых включены эпонимы.

Bang's disease – бруцеллез

Barlow's disease – цинга

Crohn's disease – болезнь Крона

Darling's disease – гистоплазмоз

Duke's disease – скарлатинозная краснуха

Gee's disease – целиакия

Fallot's disease – тетрада Фалло

Hodgkin's disease – лимфогрануломатоз

Morel's disease – корковый ламинарный склероз

Parkinson's disease – болезнь Паркинсона

Parrot's disease – синдром Парро

St. Giles' disease – лепра

Следовательно, базовое когнитивное ядро лексемы «disease» в английском медицинском дискурсе определяется как проблемы со здоровьем, заключающиеся в наличии физиологических дисфункций, которые могут привести к настоящему или потенциальному редуцированию физических возможностей и сокращению продолжительности жизни. Многие ученые подчеркивают, что этиология заболевания, симптомы и признаки, история болезни, лечение и прогнозы в рамках

лексемы «disease» являются совершенно одинаковыми в любых этнических или лингвокультурных группах [15].

“There's no mention in the Home office list of any such industrial disease. When these men are laid up they don't get a penny piece of compensation” (*Cronin A. The Citadel*)

“Diseases are the tax on pleasures.” (*John Ray*)

“Coughs and sneezes spread diseases” (*British wartime slogan 1942*)

“Diseases transmissible from animal to man through diseased milk.” (*Outlines of Dairy Bacteriology, 8th edition by H. L. Russell*)

“It makes the young man poison all
The tissues of her system,
And various diseases make
This maid their deathly victim.” (*Strong Drink by Frank Barbour Coffin*) [16]

Второй когнитивный слой лексемы «disease» относится к ее метафорическому значению применительно к сферам политической, общественной или социальной деятельности. Концепт «болезнь» означает отклонение от нормального развития государства, отраслей промышленности, общества, институтов государственной власти. Collins English Guides Metaphor дает следующую дефиницию лексемы: "Disease" характеризует действия людей, если предполагается, что они вредны, ошибочны и, вероятно, будут иметь плохие последствия для других людей, часто употребляется в официальном языке.

"Poverty is a disease that grinds people down; it hinders physical, mental and social growth" (*New York Times, January, 24, 2014*)

"Sadly, religiously motivated terrorism is a disease that will be with us for a while." (*Schirach report, March, 26, 2019*)

Лексема «illness» пересекается с лексемой «disease» в базовом когнитивном

слое. Согласно Cambridge Dictionary «illness» – это болезнь тела или ума. Первый когнитивный слой объективизирует «illness» как «a disease of the body or mind» (заболевания тела или ума). «He died at the age of 83 after a long illness» - Он умер в возрасте 83 лет после продолжительной болезни. Некоторые словари отмечают также еще один существенный когнитивный признак, а именно, что в отличие от лексемы «disease» лексема «illness» применяется, как правило, только в отношении человека, так как не указывают иного в словарной статье.

«Illness is the fact or experience of being ill» (Collins Dictionary)

«Illness is a disease of the body or mind» (Cambridge Dictionary)

«Illness is an unhealthy condition of body or mind» (Merriam-Webster Dictionary)

Второй приядерный когнитивный слой «состояние болезни (the state of being ill)» или «опыт болезни (experience of being ill)» занимает особое место для понимания концепта «болезнь» в английском медицинском дискурсе. В данном случае механизмом образования значения служило, вероятно, его сужение и конкретизация, т.е. лексема «illness», скорее, трактуется как болезненное состояние, качество, ощущения физического или ментального неблагополучия.

«But the unspoken subtext raises a shadowy question: If Dunham was a man, if her health issue wasn't a women's health issue, would anyone ask if her illness was all in her head?» (*Calin Van Paris, Vogue, "Lena Dunham Gets Real About Her Latest Surgery—And the Gender Bias Around Women's Health Issues," 17 Oct. 2018*) [17].

Исходя из анализа работ зарубежных исследователей, лексема «illness» в практике английского медицинского дискурса рассматривается, главным образом, в контексте субъективной реакции пациента на свое заболевание. Данная лексема включает не только личный опыт болезни пациента, но и то значение, которое он придает подобному опыту, свои эмоциональные переживания в отношении свое-

го состояния и физиологических симптомов, например, боли. Подобные реакции обусловлены социальным и культурным фоном, личными чертами характера, что в свою очередь, оказывает влияние на поведение пациента в ходе лечения [18]. Согласно А. Франку, лексема «illness» детерминирует то, как пациент представляет историю своей болезни, опираясь на свой жизненный опыт, текущий опыт болезни, опыт обращения за медицинской помощью, а так же информацию, почерпнутую из медицинских источников [19]. Лексема «illness» опирается на ощущения физического или ментального неблагополучия, дискомфорта, страхов. В медицинской практике цель врача по отношению к лексеме «illness» – уход, забота, облегчение страданий пациента. Следовательно, лексема «illness» имеет второй приядерный когнитивный слой по сравнению с лексемой «disease», так как фундаментально лежит в области опыта болезни, не ограничиваясь только физическими или ментальными симптомами. В английском медицинском дискурсе человек с каким-либо заболеванием (лексема «disease») может не чувствовать себя больным (лексема «illness»), другие же пациенты, которые ощущают себя больными или даже очень больными (feel ill), не имеют ни физиологических, ни функциональных нарушений (лексема «disease»).

“He said that he was weak and feeble with long illness”. (*Chatterbox, 1906 by Various*) [16]

“The left side of his body had no strength or feeling at all. These signs of a long and most serious illness gave Andrew a shock.” (*Cronin A. The Citadel*) [16]

Исходя из работ А. Клеймана, лексема «illness» является культурно-профилированной в контексте перцептивного понимания пациентом своего заболевания. Другими словами, лексико-семантическое поле лексемы «illness» охватывает все аспекты восприятия и реакции пациента на заболевание в контексте его социально-культурного багажа.

“A good man once had a serious illness, during which his life was several times despaired of.” (*Chatterbox, 1905 by Variouis*) [16]

Лексико-семантическое поле лексемы «sickness» охватывает несколько когнитивных слоев. В Кембриджском толковом словаре лексема «sickness» имеет базовый когнитивный слой «a condition of being ill», который полностью коррелирует с предыдущими лексемами. Приядерную зону концепта «болезнь», объективируемого лексемой «sickness», составляет когнитивный слой, репрезентирующий конкретный признак заболевания - «nausea, vomiting» (тошнота, рвота). “Sickness is the feeling or fact of being affected with nausea or vomiting” (Oxford Dictionary)

“I am better, but have had two or three returns of sickness” - Мне лучше, но у меня было два или три повторных приступа тошноты.

“Good sign or not, one thing is clear: Morning sickness can be a truly sucky experience”. (*Korin Miller, SELF, "Is It True That Morning Sickness Means Something Good During Pregnancy?" 10 Jan. 2019*) [17]

Однако западные лингвисты, опираясь на работы Андрию Тводдла, придают лексеме «sickness» еще и социальную идентичность. Sickness is «the poor health or the health problem(s) of an individual defined by others with reference to the social activity of that individual ...defined by participation in the social system... measuring levels of performance with reference to expected social activities when these levels fail to meet social standards» – Sickness – “это плохое здоровье или проблема(-ы) со здоровьем отдельного человека, определяемого другими людьми по отношению к социальной активности этого человека...которую детерминируют по его участию в социальной системе...измеряя уровень этого участия по сравнению с ожидаемой социальной активностью, когда этот уровень не соответствует социальным стандартам” (*пер. авторов*) [20]. Следовательно, узуальный характер лексемы «sickness» включает дополнительные социальные аспекты жи-

зни пациента, подразумевая, что люди с проблемами здоровья приобретают несколько иную социальную роль. Государство предоставляет пациенту статус, обеспечивая ему освобождение от стандартной экономической активности (the sick role), и, признавая, что больной человек не может быть продуктивным членом общества.

“This national fund pays for welfare benefits such as unemployment and sickness pay.” – Этот национальный фонд оплачивает социальные пособия по безработице и больничные выплаты (*пер. авторов*) (Cambridge dictionary).

“Sickness rates have gone up in the company” – Уровень заболеваемости вырос в этой компании (*пер. авторов*) (Cambridge dictionary).

“Jeffrey Donovan, 45, has never taken a sick day from work” – Джеффри Донован, 45 лет, не пропустил на работе ни одного дня по болезни (*пер. авторов*) (Cambridge dictionary).

Талькотт Парсон, американский социолог, утверждал, что «being sick means the sufferer enters a role of ‘sanctioned deviance’ of which sickness signifies an experience when the sick person deviates from the ‘well’ population. The sick person then carries a new role that conveys a socially recognized set of expectations and obligations, which comes with a socially recognized disease or illness.» – “быть больным означает, что пациент получает роль “санкционированной девиации”, болезнь определяет опыт, при котором больной человек отклоняется от “здорового” населения. Больной человек выполняет новую роль, передающую социально признанный набор ожиданий и обязательств, который приходит с социально признанной болезнью или заболеванием” (*пер. авторов*). Лексико-семантическое поле лексемы «sickness» определяет, имеет ли пациент право на лечение, освобождение от социальных обязанностей, таких как работа (sick leave – отпуск по болезни), а также несет ли он юридическую ответственность за свои действия. В таких вопросах лексема

«sickness» устанавливается и регулируется формальными структурами, такими

как социальные институты (включая законодательные органы власти).

Лексемы «disease», «illness» и «sickness» в английском медицинском дискурсе

	Disease	Illness	Sickness
Узуальная область применения	Специалисты-медики	Пациент	Общество, социальные институты, юристы
Основные показатели	Физиологические, ментальные, генетические, влияние неблагоприятной окружающей среды или профессиональных рисков	Субъективные ощущения, страдания, боль, негативный опыт заболевания	Социальные нормы и требования
Детерминация через	Наблюдение, обследование (включая инструментальные и высокотехнологичные методы исследования)	Интроспективные и интуитивные (феноменологические) ощущения, дискурсивное взаимодействие	Участие, взаимодействие, (научные) исследования
Результат	Диагностика, лечение	Внимание, поддержка, уход	Экономическая поддержка, отпуск по болезни

Выводы

Таким образом, несмотря на то, что все три рассмотренные лексемы “disease”, “illness” и “sickness” имеют очевидную семантическую близость по отношению к концепту «болезнь» в контексте когнитивного признака «состояния нездоровья, физиологического или ментального неблагополучия», их особенность в английском медицинском дискурсе очевидна и определяется номинативной дробностью в языковой картине мира. Суммируя все вышеизложенное, лексико-семантическое поле концепта «болезнь» в английском медицинском дискурсе можно рассмотреть следующим образом: лексема «sickness» представляет собой социальный конструкт заболевания, который проходит через медицинскую систему (лексема «disease») и показывает страдания пациента (лексема «illness»), ассоциируемый с общественными нормами и культурными ценностями. Корректное употребление лексических единиц в контексте устного и письменного медицинского дискурса в английском языке

крайне важен для правильного понимания аутентичных медицинских текстов, а также при необходимости перевода медицинской информации на английский язык для врачей-практиков или научных работников в области медицины.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 209.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 380.
3. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 170 с.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: монография. М.: Изд-во РУДН, 2008.
5. Родионова Т. В. Об ассоциативном эксперименте при исследовании лексико-семантического поля // Языковое сознание: содержание и функционирование. М., 2000. С. 208–209.
6. Карасик В. И. Концепты повседневности: подходы к изучению // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики, стили-

стики / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2006. С. 7–14.

7. Карасик В. И., Стернин И. А. Предисловие // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 3. С. 4–5.

8. Улиско К. А. Этимология и значение лексем «тах» – «налог» в английском и русском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 270–280.

9. Матвеева Л. А. Синонимия в английской терминологии криогенной техники // Вестник Омского университета. 2012. № 3. С. 152–155.

10. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 456 с.

11. Kleinman A. Patients and healers in the context of culture: An exploration of the borderland between anthropology, medicine, and psychiatry. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1980.

12. Kleinman A., & Seeman D. Personal experience of illness. In: G. Albrecht, R. Fitzpatrick, & S. Scrimshaw (Eds.). Handbook of social studies in health and medi-

cine. London: SAGE Publications Ltd., 2000. Pp. 230–243.

13. Sharon E. Tarrant, 8 July 2018. URL: <http://www.courant.com>

14. The Economist, 28 June 2018. URL: <http://www.economist.com>

15. Fabrega H. Concepts of disease: Logical features and social implications. Perspectives in Biology and Medicine, 22, 1972, pp. 583–616.

16. Peter McDonald Oxford Dictionary of Medical Quotations. Oxford University Press, 2004.

17. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>

18. Helman C. G. Disease versus illness in general practice // The Journal of the Royal College of General Practitioners. 1981. 31 (230). Pp. 548–552.

19. Frank A.W. The wounded storyteller-Body, illness and ethics. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

20. Twaddle A. C. Disease, illness and sickness revisited. In: A. Twaddle & L. Nordenfelt (eds.) Disease, Illness and Sickness: Three Central Concepts in the Theory of Health. Linköping: Studies on Health and Society, 1994. 18. Pp. 1–18.

Поступила в редакцию 04.03.19

UDC 81'373.42+37+367

O. P. Dovger, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kursk State Medical University (3, K. Marx str., Kursk, 305004, Russia) (e-mail: odovger@yandex.ru)

K. M. Lopata, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kursk State Medical University (3, K. Marx str., Kursk, 305004, Russia) (e-mail: 0707karina@mail.ru)

E. A. Nikitina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: eanikitina72@mail.ru)

SPECIFIC FEATURES OF SEMANTIC FIELD OF THE CONCEPT “DISEASE” IN ENGLISH MEDICAL DISCOURSE

The article is devoted to the problems of specific features of lexical units representing the concept “disease” in English medical discourse. Comprehensive investigating a word as a basic unit of the language system is of considerable importance in modern linguistics. A great importance is given to the semantic field theory, which is considered to be one of the most essential trends in modern linguistics. The relevance of the investigation consists in the need for specification the available data of using the components of the semantic field “disease” in English medical discourse, since the given concept is still under discussion nowadays. The material of the investigation is dictionary articles from English-English and phraseological dictionaries, texts from medical and literature discourses, researches of foreign scholars according to the problem given. The authors identify three the most widespread lexemes in the semantic field of the concept investigated: “disease”, “illness”, and “sickness”. The comparative analysis of the lexemes of the semantic field of the concept “disease” in modern English reveals the common semantic feature of the lexemes – “health problems, physiological and mental disorders”. However, the investigation determines that semantic field of

the concept "disease" falls into three subunits: process of social construction of sickness that occurs through medical systems (disease) and forms of suffering (illness) associated to society's norms and cultural values.

The correct use of lexical units in the context of oral and writing medical discourse in English is crucially important for correct understanding authentic medical literature and for professional activity of medical practitioners and medical scholars.

Key words: semantic field; concept; medical discourse; lexeme; cognitive layer; synonymy; comparative analysis.

For citation: Dovger O. P., Lopata K. M., Nikitina E. A. Specific features of semantic field of the concept "disease" in english medical discourse. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 64–72 (in Russ.).

References

1. Karaulov Yu. N. *Obshchaya i russkaya ideografiya*. Moscow, 1976, pp. 209.
2. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'*. Moscow, 1990, pp. 380.
3. Sternin I. A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi*. Voronezh, 1985, 170 p.
4. Vorob'ev V. V. *Lingvokulturologiya*. Moscow, RUDN Publ., 2008.
5. Rodionova T. V. *Ob asociativ-nom ehksperimente pri issledovanii leksiko-semanticheskogo polya. Yazykovoe soznanie: sodержanie i funkcionirovanie*. Moscow, 2000, pp. 208–209.
6. Karasik V. I. *Koncepty povsednevnosti: podhody k izucheniyu. Aksiologicheskaya lingvistika: problemy lingvo-konceptologii, semantiki, stilistiki*; ed. by N. A. Krasavskogo. Volgograd, Kolledzh Publ., 2006, pp. 7–14.
7. Karasik V. I., Sternin I. A. *Pre-dislovie. Antologiya konceptov*; ed. by Karasika V. I., Sternina I. A. Volgograd, Paradigma Publ., 2006, vol. 3, pp. 4–5.
8. Ulisko K. A. *Ehtimologiya i znachenie leksem «tax» – «nalog» v anglijskom i russskom yazykah. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2016, no. 3, pp. 270–280.
9. Matveeva L. A. *Sinonimiya v anglijskoj terminologii kriogennoj tekhniki. Vestnik Omskogo universiteta*, 2012, no. 3, pp. 152–155.
10. Gal'perin I. R. *Ocherki po sti-listike anglijskogo yazyka*. Moscow, literatury na inostrannyh yazykah Publ., 1958, 456 p.
11. Kleinman A. *Patients and healers in the context of culture: An exploration of the borderland between anthropology, medicine, and psychiatry*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1980.
12. Kleinman A., & Seeman D. *Personal experience of illness*. In: G. Albrecht, R. Fitzpatrick, & S. Scrimshaw (Eds.). *Handbook of social studies in health and medicine*. London, SAGE Publications Ltd., 2000. pp. 230–243.
13. Sharon E. Tarrant, 8 July 2018. URL: <http://www.courant.com>.
14. *The Economist*, 28 June 2018. URL: <http://www.economist.com>.
15. Fabrega H. *Concepts of disease: Logical features and social implications. Perspectives in Biology and Medicine*, 22, 1972, pp. 583–616.
16. Peter McDonald *Oxford Dictionary of Medical Quotations*. Oxford University Press, 2004.
17. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>.
18. Helman C. G. *Disease versus illness in general practice. The Journal of the Royal College of General Practitioners*, 1981. 31 (230), pp. 548–552.
19. Frank A.W. *The wounded storyteller-Body, illness and ethics*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
20. Twaddle A. C. *Disease, illness and sickness revisited*. In: A. Twaddle & L. Nordenfelt (eds.) *Disease, Illness and Sickness: Three Central Concepts in the Theory of Health*. Linköping: Studies on Health and Society, 18, 1994, pp. 1–18.

УДК 81'276.6: 327

О. С. Николаева, канд. пед. наук, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94)
(e-mail: olya.nikolaeva.1985@mail.ru)

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В связи с интеграцией России в европейское и мировое образовательное пространство, при возрастающей роли иностранного языка в современном мире изучение иностранных языков следует рассматривать в качестве необходимого условия подготовки высококлассных специалистов, способных успешно конкурировать на рынке труда, занять достойное место не только в своей социально-профессиональной среде, но и в международном сообществе. В настоящее время уровень владения иностранным языком как средством международной коммуникации определяет отражение и передачу значимой для сферы профессиональной деятельности информации. В системе подготовки профессиональных кадров, в частности, будущих специалистов в сфере международных отношений, основополагающую роль играет формирование их ключевых профессиональных компетенций, но, как показывает практика, работе с профессиональной терминологией на занятиях по иностранному языку не уделяется должного внимания.

В данной статье рассмотрено происхождение, употребление, а также значение наиболее употребляемых терминов международных отношений. Кроме того, были выявлены трудности в употреблении и переводе данных терминов у студентов направления подготовки «Международные отношения». Проведен анализ результатов опроса студентов вышеуказанного направления подготовки. Перед ними стояла задача перевести и определить значение профессиональных терминов. Далее был сделан вывод о том, что необходимо уделять больше внимания значению и особенностям употребления профессиональной лексики. На основе проведенного анализа был предложен комплекс упражнений, направленный на повышение эффективности использования терминологии международных отношений на английском языке. Решение поставленных в статье задач осуществлялось на основе применения следующих методов исследования: сравнительно-сопоставительный анализ лингвистической, методической и педагогической литературы по данной теме, анкетирование, количественного анализа.

Ключевые слова: термин; терминосистема; международные отношения; перевод.

Ссылка для цитирования: Николаева О. С. Трудности, возникающие при переводе терминологии международных отношений, и способы их преодоления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 73–81.

Введение

Развитие современного общества не стоит на месте, появляются новые научные дисциплины, происходят открытия в различных областях знания. Все это находит отражение в современном языке: возникают новые термины, формируются терминосистемы, заимствуются лексические единицы для обозначения новых понятий. Международные отношения, как и другие науки, характеризуются наличием терминов, которые широко употребляются в данной области знаний. Понятийный аппарат данной научной дисциплины сложился к XXI веку. Тем не менее стоит отметить, что термины, вошедшие в терминосистему международных отношений, существовали уже давно, большин-

ство из них были заимствованы из латинского языка, в котором появились в XIV–XV вв. При изучении иностранных языков, в том числе английского, студенты направления подготовки «Международные отношения» читают и переводят тексты по специальности, обсуждают политические и экономические вопросы на иностранном языке. Практически в любом виде деятельности на занятиях иностранным языком они сталкиваются с терминами, характерными для изучаемой научной дисциплины.

Осмысление теории и практики профессионального иноязычного образования (Н.Д. Гальскова, И.А. Зимняя, Р.П. Мильруд, Е.И. Пассов, Е.А. Соловова, А.В. Щепилова и др.), анализ рабочих программ по направлению подго-

товки «Международные отношения» позволили выявить следующие противоречия, определяющие актуальность данной статьи:

– между необходимостью владения методикой перевода профессиональных терминов как важным компонентом профессиональной компетентности будущего специалиста в сфере «Международных отношений» и разработкой теоретических и технологических основ данной методики;

– между зависимостью профессиональной компетентности будущего специалиста в сфере «Международных отношений» от умения переводить научные тексты, в целом, и термины в них, в частности, и отсутствием учебных методических пособий, учитывающих специфику профессиональной деятельности будущих специалистов сферы «Международных отношений»;

– между потребностью в переработке огромных массивов профессиональной информации на английском языке и недостаточным уровнем владения профессиональной терминологией.

Цель данной статьи – проанализировать терминологию, используемую в сфере международных отношений, изучить значение и происхождение отдельных терминов, а также выявить трудности в употреблении и переводе данных терминов у студентов вышеуказанного направления подготовки и найти пути их преодоления.

Результаты и обсуждения

Каждая наука характеризуется наличием терминологической системы. «Терминосистема – знаковая модель определенной теории специальной области знаний или деятельности; элементами терминосистемы служат лексические единицы (слова и словосочетания) определенного языка для специальных целей какого-либо естественного языка, а структура в целом адекватна структуре системы по-

нятий данной теории» [2, с. 129]. Терминосистема каждой области знаний состоит из терминов. В настоящее время нет единого определения понятия «термин». В Современном толковом словаре русского языка понятие «термин» определяется как «1. Слово или словосочетание, обозначающее строго определенное понятие какой-либо области знаний или деятельности; 2. Слово или выражение, принятое для обозначения чего-либо в какой-либо профессиональной сфере» [4, с. 505]. В Толковом словаре русского языка также подчеркивается, что «это слово или словосочетание, название определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства» [5, с. 795]. Авторы монографии «Терминообразование в языке науки» Ж. Багана и Е.Н. Таранова дают более подробное определение данному понятию: «это единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка..., обладающая в результате стихийно сложившейся или особой сознательной коллективной договоренности специальным терминологическим значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки и техники, признаки соответствующего понятия» [1, с. 27]. Таким образом, авторы подчеркивают такие особенности термина, как принадлежность конкретному языку, наличие конкретного значения, понятного определенному коллективу, а также его соотнесенность с определенной наукой или/и определенным этапом ее развития. В Словаре лингвистических терминов также подчеркивается тот факт, что термины зачастую бывают заимствованными из другого языка: «слово или словосочетание..., создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных

предметов» [3, с. 9]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что многие термины заимствуются. Как правило, источниками заимствования тех или иных терминов выступают греческий и латинский языки.

Рассмотрим происхождение, исконное и современное значение ряда терминов, употребляемых в сфере международных отношений. Термин *кворум*, имеющий в настоящее время значение «установленное законом, уставом организации или регламентом число участников собрания (заседания), достаточное для признания данного собрания правомочным принимать решения по вопросам его повестки дня» [7], имеет латинское происхождение. Изначально это слово употреблялось в словосочетании *quorum praesentia sufficit*, которое переводится на русский язык как «коих присутствие достаточно». В результате субстантивации латинское местоимение превратилось в существительное, включив в себя значение всего словосочетания. Таким же образом было образовано существительное *veto*, имеющее значение «право, означающее полномочие лица или группы лиц в одностороннем порядке заблокировать принятие того или иного решения» [8]. Исконное значение глагола *veto* в латинском языке «я запрещаю».

Слово *альянс* обозначает «союз, объединение (например, государств, организаций) на основе формальных либо неформальных договорных обязательств» [9]. Термин *alliance* появился во французском языке еще в XIV веке и относился к институту брака. В дословном переводе он означал «обязательство жениться», которое заключалось между правящими домами и благородными семьями [10]. Однокоренным словом является слово *ally* – «некто или нечто, находящееся в союзе» [11], которое существовало в XIV в. во французском языке в значении «родственник», а позже в середине XV в. приобрело значение «кто-то, объ-

единившийся с кем-то на основе соглашения или договора» [12]. В современном французском языке есть глагол *allier*, имеющий переносное значение «соединять, сочетать».

Широко употребляемый термин *революция*, который в русском языке ассоциируется с 1917 годом, был тоже заимствован из французского языка, но имеет латинское происхождение. В латинском языке он имел значение «вращающийся». Таким образом, вполне логична эволюция значения от «изменяющий направление» до «революция». В современном языке термин употребляется в значении «радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии общества, природы или познания, сопряжённое с открытым разрывом с предыдущим состоянием» [13].

Одним из интересных терминов в сфере международных отношений является термин *квази*, который присутствует в первой части сложных слов. Он также был образован от латинского наречия *quasi*, обозначающего «как будто, такой как, что-то похожее на». В настоящее время в политической терминологии *квази*страна, *квазивойна* и т.д.: «Война, происходившая между Соединенными штатами Америки и Французской республикой на море, и не была объявленной, носила название в истории квазивойна, необъявленная война с Францией, полу-война, пиратская война» [14].

Заимствованный из французского языка латинский глагол *ратифицировать*, широко употребляемый в значении «придавать юридическую силу» имел исконное значение «считать, полагать, рассчитывать» [15].

Кроме терминов в сферу международных отношений пришли фразы и словосочетания из латинского языка. Можно привести следующие примеры из латинского словаря. Выражение *a dato* «со дня подписи», *ad referendum* «предваритель-

но, впредь до (дальнейшего) рассмотрения», *a priori* «из предыдущего», «на основании ранее известного», *id est (i.e.)* «т.е., иными словами», *persòna non gràta* «нежелательное лицо», *persòna gràta* «весьма желательное лицо», *post-fàctum* «последующий акт; акт, совершенный в последующем; постфактум», *stàtus quò* «устоявшееся положение вещей, положение вещей до изменения, статус-кво» [16].

Следует отметить, что владение современной терминологией, умение переводить ее на родной и иностранный язык, а также четкое понимание значения употребляемых терминов является необходимым для конкурентоспособного выпускника направления подготовки «Международные отношения». Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 41.03.05 «Международные отношения» (уровень бакалавриата) предъявляет следующие требования к подготовке выпускников:

– способность выполнять письменные и устные переводы материалов профессиональной направленности с иностранного языка на русский и с русского – на иностранный язык (ПК-2);

– способность понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества (ОПК-8);

– способность составлять дипломатические документы, проекты соглашений, контрактов... (ПК-4) [6].

С целью выявить уровень владения специализированной терминологией у 96 студентов направления подготовки «Международные отношения» ФГБОУ «Юго-Западный государственный университет» был проведен опрос. На подготовительном этапе студентам было предложено ответить на ряд вопросов, целью которых было выяснить, насколько часто они сталкиваются с переводом терминов, ка-

кие трудности они при этом испытывают и уделяют ли внимание происхождению термина при его переводе.

С целью решения поставленных задач в работе был использован комплекс взаимообусловленных и дополняющих друг друга методов научно-педагогического исследования: анализ научной литературы по методологии профессионального образования, теории обучения и воспитания, а также теории и практики перевода, анализ учебных программ, а также государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, анкетирование, обработка и обобщение собственного преподавательского опыта автора, экспертная оценка, наблюдение.

После математической обработки данных опроса нами были получены следующие результаты: 75% опрошенных понимают «термин», как «понятие специальной области знания». При этом 90% респондентов отметили, что перевод терминов зачастую вызывает у них трудности: для 40% опрошенных самым сложным оказывается нахождение эквивалента, а для 60% – определение значения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективность перевода напрямую зависит от понимания значения терминов, встречающихся в тексте. Больше половины (60%) респондентов отмечают, что сталкиваются с терминами, имеющими похожее звучание в разных языках (в том числе, русском, английском, французском). 77% опрошенных считают, что знакомство с терминологией на предпереводческом этапе работы над текстом повышает в дальнейшем эффективность перевода.

Далее на втором этапе той же группе студентов было предложено перевести вышеприведенные термины на русский язык, а также объяснить их значение. Результаты проведенного опроса представлены в таблице.

	Переведено	Не переведено	Переведено с ошибками	Объяснено значение	Не объяснено значение
quorum	90%	10%	-	20%	80%
veto	100%	-	-	85%	15%
alliance	100%	-	-	40%	60%
revolution	100%	-	-	80%	20%
quasi	55%	30%	15%	25%	75%
ratify	45%	35%	20%	30%	70%
a dato	35%	25%	40%	25%	75%
ad referendum	45%	20%	35%	20%	80%
a priori	100%	-	-	50%	50%
id est	20%	20%	60%	10%	90%
persona non grata	95%	5%	-	40%	60%
persona grata	85%	-	15%	35%	65%
post factum	90%	-	10%	30%	70%
status quo	80%	20%	-	45%	55%

Анализируя данные, указанные в таблице, можно сделать несколько выводов. Во-первых, как правило, студенты успешно справляются с переводом терминов, звучание которых сходно с русским языком. Наибольшую сложность вызывают международные термины на латинском языке, нежели английские термины латинского происхождения, которые зачастую встречаются в текстах и документах, касающихся международных отношений.

Во-вторых, респонденты значительно хуже объясняют значение терминов, чем переводят их. Таким образом, стоит уделять больше внимание терминологии при обучении английскому языку.

С целью повышения эффективности перевода профессиональных терминов студентами направления подготовки «Международные отношения» был разработан комплекс упражнений.

Exercise 1

Match the terms with their definitions

1. ad referendum	a. a group of countries, political parties, or people who have agreed to work together because of shared interests or aims
2. veto	b. an acceptable person, especially a diplomatic representative acceptable to the government to which he or she is accredited
3. persona grata	c. a change in the way a country is governed, usually to a different political system and often using violence or war
4. alliance	d. specialized politics a person who is not wanted or welcome in a particular country, because they are unacceptable to its government
5. persona non grata	e. used to show that something is almost, but not completely, the thing described
6. revolution	f. the existing state of affairs, particularly with regard to social or political issues
7. status quo	g. an official power or right to refuse to accept or allow something:
8. quorum	h. to make an agreement official
9. quasi	i. the smallest number of people needed to be present at a meeting before it can officially begin and before official decisions can be taken
10. id est	j. subject to agreement by others and finalization of details
11. ratify	k. used especially in writing before a piece of information that makes the meaning of something clearer or shows its true meaning

Match the opposites

1. De facto	a. A posteriori
2. A priori	b. Real, true, authentic
3. Persona non grata	c. De jure
4. Quasi	d. Persona grata
5. Revolution	e. Allowance, permission, approval
6. Ratify	f. Separation, disunion, detachment
7. Veto	g. Deny, disapprove, invalidate
8. Alliance	h. Peace, stagnation, harmony

Exercise 3. Complete the sentences with the following terms: status quo, Persona Non Grata, alliance, ratify, revolution, veto, quorum, ad referendum, a priori, quasi, persona grata, post factum.

According the U.S. Constitution, either house must have a of at least a majority of congressmen present to proceed.

The president has no ... power, but has the right to return a law to Congress with comments within a period of ten days.

The two minority parties have formed an ..., which should allow them to hold the balance of power.

In 1917 the Russian ... swept away the old order.

By the term archaic is to be understood the pure Japanese language of earliest times, and by the term classical the ...-Chinese language which came into use for literary purposes when Japan appropriated the civilization of her great neighbors.

The president of Nicaragua adhered to this treaty, but the National Congress refused to ... it.

The United Nations New Agenda for the Development of Africa in the 1990s was adopted by consensus ... and recommended for approval by the Assembly later this year.

The parameterization is generally carried out ... using ab initio calculations on representative molecular clusters, although alternatives are possible.

Later he was essentially declared ... within Japan's diplomatic corps (and the post-occupation government) as a result of not following his superiors' orders.

He thus became a ... with the party in power; he was already a colonel of dragoons, and in 1792 he was given a command in the army of the North.

The only time in which the Court determined that the Ministry had to recognize a marriage between a Cohen and a divorcee was when it was based on the religious law that determines that those are forbidden marriages from the start but allowable

As compared with the ... the Dutch were slightly the gainers.

Выводы

Проведенное теоретическое исследование, анализ литературы по данной теме, а также проведенные опросы позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, перевод специализированных текстов является одним из важнейших аспектов подготовки будущих специали-

стов в сфере международных отношений. Во-вторых, основная задача при переводе специализированного текста заключается в правильном подборе эквивалентов к терминам в языке перевода, что зачастую вызывает трудности у обучающихся. В третьих, студенты не всегда могут подобрать эквивалент в языке перевода из-за невозможности объяснить значения термина. Как показывает анализ существующих рабочих программ, переводу терминологии в текстах по специальности не уделяется должного внимания на занятиях по иностранному языку. Для повышения эффективности перевода тестов по международным отношениям нами был разработан ряд упражнений, направленный на толкование значения предложенных терминов, подбор эквивалентов, а также заполнения пропусков. Разработанную систему упражнений рекомендуется выполнять на предпереводческом этапе работы над текстом, таким образом, на этапе перевода студентам будет легче подбирать эквиваленты в языке перевода и избежать ряда ошибок и неточностей. Данная методика даёт возможность повысить качество перевода специализированных терминов и, как следствие, специализированных текстов, студентами направления подготовки «Международные отношения». Предложенные виды упражнений могут быть использованы на занятиях по английскому языку, по английскому языку в профессиональной сфере как при подготовке бакалавров, так и магистров. Кроме того, данная методика может быть использована в качестве основы при подготовке УМК по английскому языку для студентов других специальностей.

Список литературы

1. Багана Ж., Таранова Е. Н. Терминообразование в языке науки: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 144 с.
2. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
3. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
4. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160000 слов / Т. Ф. Ефремова. М.: Издательство АСТ: Астрель, 2006. Т. 3. 973 с.
5. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 41.03.05 «Международные отношения» (уровень бакалавриата). URL: <http://fgosvo.ru/news/1/1862>.
7. Интернет энциклопедия Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%B>.
8. Интернет энциклопедия Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%82%D0%BE>.
9. Интернет-энциклопедия Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81>.
10. Интернет-энциклопедия Etymology online. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=alliance> (перевод).
11. Интернет-энциклопедия Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D>

0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8.

12. Интернет-энциклопедия Etymology online. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=ally> (перевод).

13. Интернет-энциклопедия Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F>.

14. Интернет-энциклопедия Etymology online. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=revolution> (перевод).

15. Онлайн-словарь терминов ВTimes.ru. URL: <http://btimes.ru/dictionary/kvazi>.

16. Интернет-энциклопедия Etymology online. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=ratify> (перевод).

17. Латинский онлайн-словарь. URL: <https://latin.slovaronline.com/>

Поступила в редакцию 19.02.19

UDC: 81'276.6: 327

O.S. Nikolaeva, Candidate of Pedagogical Science, Senior Lecturer, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: olya.nikolaeva.1985@mail.ru)

DIFFICULTIES ENCOUNTERED IN TRANSLATION OF THE TERMINOLOGY DEALING WITH INTERNATIONAL RELATIONS AND WAYS OF OVERCOMING THEM

In connection with the integration of Russia into the European and world educational space and the increasing role of a foreign language as a means of international communication in the modern world, language proficiency determines the receipt, reflection and transmission of the important information for the sphere of professional activity. Nowadays study of foreign languages should be considered as a necessary condition for the training of highly qualified specialists capable of successfully competing in the labor market and taking a worthy place not only in their social and professional environment, but also in the international community. In the system of personnel training, in particular, future professionals in the field of international relations, a fundamental role is played by the formation of their key professional competencies. But practice shows that study of professional terminology is not given enough attention in foreign language classes.

This article discusses the origin, use, and meaning of the most commonly used terms of international relations. In addition, difficulties in the use and translation of these terms among students majoring in "International relations" were identified. The analysis of the survey results of the above mentioned areas of training was made. Their task was to translate and define the meaning of professional terms. Further, it was concluded that it is necessary to pay more attention to the meaning and usage of professional vocabulary. On the basis of the analysis, a set of exercises aimed at making more efficient use of terminology of international relations in English was proposed. The solution of the tasks set in the article was carried out on the basis of the following research methods: comparative analysis of linguistic, methodological and pedagogical literature on the subject, questioning, quantitative analysis.

Key terms: term; term system; international relations; translation.

For citation: Nikolaeva O. S. Difficulties encountered in translation of the terminology dealing with international relations and ways of overcoming them. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 73–81 (in Russ.).

References

1. Bagana Zh., Taranova E. N. Terminoobrazovanie v yazyke nauki. Moscow, INFRA-M Publ., 2016. 144 p.
2. Lejchik V. M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 256 p.
3. Slovar' lingvisticheskikh terminov, ed by O. S. Ahmanova. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 576 p.
4. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: ok. 160000 slov, ed by T. F. Efremova. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2006, vol. 3, 973 p.
5. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. Moscow, OOO «ITI Tekhnologii» Publ., 2003. 944 p.
6. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 41.03.05 «Mezhdunarodnye otnosheniya» (uroven' bakalavriata). URL: <http://fgosvo.ru/news/1/1862>.
7. Internet ehnciklopediya Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%B>.
8. Internet ehnciklopediya Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%82%D0%BE>.
9. Internet ehnciklopediya Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81>.
10. Internet ehnciklopediya Etymology online. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=alliance> (perevod).
11. Internet ehnciklopediya Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8>.
12. Internet ehnciklopediya Etymology online. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=ally> (perevod).
13. Internet ehnciklopediya Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F>.
14. Internet ehnciklopediya Etymology online. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=revolution> (perevod).
15. Onlajn slovar' terminov BTimes.ru. URL: <http://btimes.ru/dictionary/kvazi>
16. Internet ehnciklopediya Etymology online. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=ratify> (perevod).
17. Latinskij onlajn slovar'. URL: <https://latin.slovaronline.com/>

УДК 811.111

А. В. Павлова, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: 11_0182@mail.ru)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КАТЕГОРИИ «ВЕЖЛИВОСТЬ» В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматривается выраженная в языке категория вежливости и ее особенности в русской и американской лингвокультурах. Вежливость подразумевает использование дискурсивных стратегий, направленных на поддержание гармоничных условий общения и на необходимость сохранения «лица». В связи с этим вводятся понятия: негативная и позитивная вежливость. Благодаря тому, что наше сознание культурно обусловлено, мы решили выяснить, насколько адекватно носители русского языка, изучающие английский язык, выбирают соответствующие стратегии вежливости при пользовании изучаемым языком. С этой целью был проведен лингвистический эксперимент, в котором участвовали русские и американские студенты. За единицу анализа был взят речевой акт просьбы, представляющий собой стратегию. Вспомогательные речевые акты служат для поддержания гармоничных отношений и частота их использования варьируется в разных языковых культурах. Участникам эксперимента предлагалось выразить свою просьбу на предложенную ситуацию. Ситуации представляли собой случаи, которые могут произойти в повседневной жизни.

Результаты исследования показали, что искусственные билингвы, как и представители англоязычной культуры, используют стратегии позитивной и негативной вежливости, но делают они это с другой частотой и по-своему. При осуществлении речевого акта просьбы на английском языке искусственные билингвы строят свои высказывания, находясь под влиянием родного языка, культуры, национального сознания. Искусственные билингвы при общении на иностранном языке опираются на когнитивную модель речевого акта просьбы родной лингвокультуры.

Ключевые слова: негативная вежливость; позитивная вежливость; «лицо»; речевой акт просьбы.

Ссылка для цитирования: Павлова А. В. О некоторых особенностях категории «вежливость» в разных лингвокультурах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 82–87.

Введение

«Сознание человека всегда этнически обусловлено» об этом говорил еще А.А. Леонтьев [1]. В связи с этим интересным представляется проследить, как национальное сознание влияет на речевую деятельность искусственных билингвов, изучающих иностранный язык.

По мнению Т.В. Лариной, «для изучения коммуникативного сознания народа, преодоления коммуникативной интерференции большое значение имеет изучение коммуникативных категорий, а также знание концептов, связанных с его коммуникативной деятельностью» [2]. Категория вежливости является важным регулятором в коммуникативном процессе. Дж. Лич сформулировал Принцип Вежливости, согласно которому следова-

ние определенным правилам (максимум) помогает регулировать отношения между коммуникантами [3]. Дж. Томас считает, что вежливость можно рассматривать как «стратегию или ряд стратегий, применяемых говорящим для достижения ряда целей, таких, например, как создание и поддержание гармоничных отношений» [4, р. 157-158]. Под вежливостью подразумевается использование ряда дискурсивных стратегий, направленных на поддержание гармоничных условий общения и достижение коммуникативных целей, на необходимость сохранения «лица». По мнению В.И. Карасика, «социальное лицо – это не просто самоуважение индивида, а та позитивная часть личности, которую индивид ценит в себе, считает общественно полезной и старается продемонстри-

стрировать окружающим посредством своих поступков» [5]. П. Браун и С. Левинсон [6] выделили следующие понятия «социального лица». «Негативное лицо» (negative face) выражает стремление к независимости, неприкосновенности собственности, свободе выражения мысли, свободе действий. Негативная вежливость направлена на создание дистанции между собеседниками. «Позитивное лицо» (positive face) отвечает за стремление человека получить одобрение, похвалу окружающих. Позитивная вежливость направлена на уважение лица адресата, на проявление того, что желания адресанта совпадают с желаниями адресата. «Позитивная вежливость связана с демонстрацией единства и солидарности» [5]. В процессе общения участники стараются учитывать интересы «социального лица» собеседника, при этом принимая во внимание как «негативную» так и «позитивную» стороны. Сущность понятия «лица» не одинакова в разных культурах, но знания о лице и необходимость учитывать его особенности неоспоримы. П. Браун и С. Левинсон выделили определенные стратегии позитивной и негативной вежливости.

Результаты и обсуждения

Предметом исследовательского интереса в данной статье послужило то, насколько адекватно носители русского языка, изучающие английский язык, выбирают соответствующие стратегии вежливости при пользовании изучаемым языком. Исходя из предположения о том, что выбор стратегий вежливости в английском языке носителями русской лингвокультуры несколько отличается от выбора стратегий вежливости носителями английского языка, мы сочли целесообразным провести контрастное исследование дискурса, взяв за единицу анализа РА просьбы. Как единица анализа РА

просьбы представляет собой единство ядра просьбы и вспомогательных элементов, которые реализуются посредством конкретных стратегий. РА просьбы, будучи директивом, подразумевает затраты времени, требует усилий от адресата, в какой-то степени ограничивает его свободу. Для того чтобы не ставить под угрозу «негативное лицо» адресата и в то же время уделить внимание его «позитивному» лицу, необходимы дополнительные языковые средства, сопровождающие ядро просьбы. Эти языковые средства и составляют вспомогательные речевые акты. Вспомогательные речевые акты служат для поддержания раппорта или гармоничных отношений и частота их использования варьируется в разных языковых культурах [7].

В эксперименте, о котором мы упоминали ранее [8], приняли участие 40 испытуемых в возрасте от 20 до 22 лет. Они составляли две группы. В первую группу (далее Р) входили 20 русскоязычных студентов английского отделения факультета иностранных языков Курского государственного университета (уровень владения английским языком Upper-Intermediate/Advanced). Уровень владения языком у русскоязычных студентов определялся по результатам промежуточной и текущей аттестации. Вторая группа (далее А) состояла из 20 американских студентов, обучающихся в Mount Union University г. Аллайанс, штат Огайо, США.

Каждый информант получал бланк, на котором приводилось описание на английском языке десяти ситуаций просьбы, которые могли бы иметь место в повседневной жизни. Студентам предлагалось после прочтения каждой ситуации в письменной форме на английском языке сформулировать просьбу, о которой шла речь в ситуации.

Для осуществления прагмалингвистического анализа РА просьбы мы вос-

пользовались уже существующей методикой определения стратегий речевого акта, созданной Т. Хадсоном, Э. Детмер и Дж. Брауном [9]. На основании этого анализа языковые средства, использованные испытуемыми для реализации РА просьбы, были распределены в соответствии с описанной выше структурой РА.

Проследим соотношение стратегий вежливости в испытуемых группах.

В ядерном акте просьбы американские и русские участники эксперимента придерживались в основном подготовительной стратегии. Подготовительная стратегия касается запроса об осуществлении возможности выполнить просьбу. Участники эксперимента использовали конвенциональные косвенные средства выражения просьбы, содержащие модальные конструкции, характерные для английского языка. При косвенном выражении просьбы говорящий проявляет уважение к независимости адресата, поэтому у последнего есть возможность не совершать действие, к которому его побуждают. Данная стратегия относится к негативной вежливости. Следует заметить, что у русскоязычных испытуемых ни в одной ситуации не встречались следующие конструкции: *Would you happen ...*, *Would you be willing ...*, *Would you be able ...*, *Do you think you could ...*, *Is there any way you would ...* У русскоязычных испытуемых часто можно встретить такие конструкции: *Could you be so polite/Would you be so kind*. В группе Ак таких конструкций нет. Скорее всего, это продиктовано прагмалингвистическим переносом выражений, с которых начинается РА Просьбы в русском языке: *Будьте добры/Будьте любезны*.

Вопросительные конструкции, например, *Do you have...*, *Will you give...*, *Will you look...* несут черты негативной вежливости. Им отдают предпочтение американские респонденты.

Прямая просьба реализуется при помощи императивных конструкций и имеет место в основном в речевых актах русскоязычных респондентов вследствие социопрагматического переноса из русского языка.

Стратегии выражения желания, например, *I'd like/I want/I'd love for you to* чаще встречаются у русскоязычных студентов.

Стратегия предложения используется только русскоязычными студентами. Она реализуется в основном формой *let's*, например, *Let's share/Let's do*, подразумевающей выполнение совместных действий адресанта и адресата, и относится к сфере позитивной вежливости. Просьба, облачённая в такую форму, делает отношения между участниками коммуникации более доверительными.

Интересно, что стратегия утверждения факта в группе Р больше напоминает благодарность (*I would be very thankful if you could stay/You'll make me a great service if you could stay/I would really appreciate/ There is no other way out /I would be extremely thankful to you/I would be grateful if you help*).

В целом, особенность дискурсивного поведения билингов при реализации основного акта просьбы характеризуется или недостаточным использованием определённых стратегий на иностранном языке (например, стратегия запроса информации), или использованием стратегий, которых нет или почти нет в дискурсе носителей языка (стратегия предложения, прямая просьба, стратегия выражения желания).

Стратегии вспомогательного акта просьбы особенно ярко показывают различия, существующие у представителей двух культур в отношении к просьбе.

Стратегия предварительного обозначения просьбы *I need your help/I'm interested in this/May I ask you/There is some*

problem/Could you spare me a minute/Are you busy today/Would you do me a favour в группе Р используется в два раза чаще, чем в контрольной группе. Эта стратегия говорит о проявлении внимания к слушающему, о плавном его вовлечении в ситуацию просьбы. Следовательно, эту стратегию можно рассматривать как относящуюся к позитивной вежливости.

Русские испытуемые используют стратегию основания для просьбы в два раза чаще, чем контрольная группа, например, *My pen is out of ink/You are good at bookkeeping*. Они считают необходимым предоставить адресату объяснения, тем самым установив с ним контакт для перехода к осуществлению основного РА.

Группа Р, пытаясь оправдать свои действия, лидирует при реализации стратегии устранения возможных возражений. Эта стратегия относится к негативной вежливости. Адресант подчеркивает возможные неудобства, связанные с его просьбой: если бы не определённые обстоятельства, то он не обращался бы к адресату, например, *I know you're real busy/I understand that nowadays you're as busy as a bee/I know you are very busy/I know you are incredibly busy*.

Стратегия уменьшения затрачиваемых усилий *It shouldn't take long/It won't take long/It won't take me much time* относится к позитивной вежливости, так как выражает оптимизм в просьбе, в том смысле, что просьба легко выполнима. Стратегия используется только русскими испытуемыми.

Гораздо чаще, чем американские студенты, русские студенты используют стратегию извинения. Несмотря на то, что эта стратегия используется в основном как обращение, многие языковые средства этой стратегии отличаются искренними заявлениями о неудобствах, связанных с выполнением просьбы,

например, *I'm sorry for interrupting/Sorry to disturb you/I'm extremely sorry/I'm so embarrassed bothering you/I beg your pardon*. Подобных фраз в контрольной группе не встретилось.

Стратегия приглушения значения активно используется в группе Р и намного опережает по своим показателям контрольную группу. Эта стратегия основана на оптимизме просьбы и предполагает тот факт, что просьба легко выполнима, например, *for a minute/for a moment*. Относится она к позитивной вежливости.

Выводы

В результате проведенного исследования, мы пришли к выводу, что стратегия предварительного обозначения просьбы, стратегия уменьшения затрачиваемых усилий, стратегия приглушения значения, стратегия устранения возможных возражений, стратегия извинения – все эти стратегии используются русскими респондентами чаще, чем американскими, так как они отражают нормы поддержания гармоничных отношений русской языковой культуры. Эти стратегии способствуют установлению доверительных отношений между адресатом и адресантом и соответственно доброжелательного отношения к просьбе последнего.

Как показывают результаты исследования, искусственные билингвы, как и представители англоязычной культуры, используют стратегии позитивной и негативной вежливости, но делают они это с другой частотой и по-своему. Следовательно, можно утверждать наличие национальной специфики стратегий поддержания вежливости.

Билингвы при общении на иностранном языке строят свои высказывания, находясь под влиянием родного языка, культуры, национального сознания. Мы можем согласиться с В.В. Красных в

том, что происходит «перенос национально-культурных стереотипов поведения, характерных для родной лингвокультуры, на процесс общения с представителями иных лингвокультур» [10, с. 318]. Рассматривая ситуацию просьбы как хорошо знакомое в родной культуре событие, билингвы в описываемом эксперименте использовали когнитивную модель родной лингвокультуры как базу, облекая её в форму грамматики и лексики иностранного языка. В сознании билингва уже есть модель этого речевого события, добавляются только иные языковые средства. В дискурсе русскоязычных испытуемых присутствует много стратегий, которые в большинстве случаев являются грамматически правильными, но реализуют интерактивную модель русской ситуации общения.

Список литературы

1. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 16-21.
2. Ларина Т. В. Категория «вежливость» в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во Рос. унта дружбы народов, 2003. 315 с.
3. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, New York: Longman, 1983. 257 p.
4. Thomas J. Meaning in interaction; An Introduction to Pragmatics. London, New York: Longman, 1995. 224 p.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
6. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage // Goody E.N. (ed.) / Questions and Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Pp. 56-289.
7. Павлова А. В. Когнитивные и прагматические аспекты речевого акта просьбы при искусственном билингвизме: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 19 с.
8. Павлова А.В. К вопросу о прагматических ошибках в речевом акте просьбы на иностранном языке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 4. С. 95–99.
9. Hudson T., Detmer E., Brown J.D. Developing prototypic measures of cross-cultural pragmatics. Honolulu: University of Hawaii Press, 1995. 198 p.
10. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

Поступила в редакцию 11.02.19

UDC 811.111

A. V. Pavlova, Senior Lecturer, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: 11_0182@mail.ru)

ABOUT SOME ASPECTS OF THE CATEGORY "POLITENESS" IN DIFFERENT LINGUOCULTURES

The paper reveals the category of the linguistic politeness and its aspects in Russian and American linguocultures. Politeness implies the use of discourse strategies aiming to support harmonic conditions of communication and to save "face". From this perspective the terms "negative politeness" and "positive politeness" are introduced. According to the fact that our consciousness is culturally determined we decided to find out how native speakers of Russian choose the strategies of politeness while learning English. For this purpose we have carried out a linguistic experiment to examine a speech act of request. The participants of the experiment were Russian-speaking students and American students. The speech act of request is implemented by means of request head act strategies and request

supportive move strategies. Request supportive move strategies are aimed to maintain harmonic relations and the frequency of their use is varied in different linguocultures. The informants were asked to express a request in the given circumstances. The situations represented the events which can occur in everyday life.

The research data show that the Russian learners of English who find themselves in the situation of artificial bilingualism as well as the American-speaking informants use the strategies of negative and positive politeness but with a different frequency and in their own way. While using the speech act of request in English Russian students are influenced by their mother language, culture, national consciousness. The Russian learners of English rely on a cognitive model of a speech act of request of Russian linguoculture.

Key words: *negative politeness; positive politeness; "face"; a speech act of request.*

For citation: Pavlova A. V. About some aspects of the category "politeness" in different linguocultures. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 82–87 (in Russ.).

References

1. Leont'ev A. A. Yazykovoe soznanie i obraz mira. Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'. Moscow, Institut yazykoznanija RAN Publ., 1993, pp. 16-21.
2. Larina T. V. Kategoriya «vezhli-vost'» v anglijskoj i russkoj kommunikativnyh kul'turah. Moscow, 2003. 315 p.
3. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, New York, Longman Publ., 1983. 257 p.
4. Thomas J. Meaning in interaction; An Introduction to Pragmatics. London, New York, Longman Publ., 1995. 224 p.
5. Karasik V. I. Yazyk social'nogo statusa. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 333 p.
6. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Goody E.N. (ed.) Questions and Polite-ness. Cambridge: Cambridge University Press, 1978, pp. 56-289.
7. Pavlova A. V. Kognitivnye i pragmaticheskie aspekty rechevogo akta pros'by pri iskusstvennom bilingvizme. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Tver', 2018, 19 p.
8. Pavlova A. V. K voprosu o pragmaticheskikh oshibkah v rechevom akte pros'by na inostrannom yazyke. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika, 2016, no. 4, pp. 95–99.
9. Hudson T., Detmer E., Brown J.D. Developing prototypic measures of cross-cultural pragmatics. Honolulu, University of Hawaii Press Publ., 1995. 198 p.
10. Krasnyh V. V. «Svoj» sredi «chuzhij»: mif ili real'nost'? Moscow, IITDGK «Gnozis» Publ., 2003. 375 p.

УДК 801.6

Е. Н. Землянская, канд. филол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: beseda.lena@yandex.ru)

Н. М. Королева, канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: korolev37-31-72@mail.ru)

О. П. Довгер, канд. пед. наук, доцент, Курский государственный медицинский университет (Россия, 305041, Курск, ул. К. Маркса, 3) (e-mail: odovger@yandex.ru)

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ОТКЛИКОВ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВОЙ ФОРМОЙ «СОЛИДАРНОЕ МЕДИТАТИВНОЕ РАССУЖДЕНИЕ»

В статье рассматривается инвариантная конструктивная основа читательского отклика – композиционно-речевая форма (КРФ) «рассуждение». Рассуждение рассматривается как особый способ изложения содержания, в основе которого лежит каузативная последовательность мыслей автора отклика по поводу тех или иных проблем.

Внутреннее, системное качество КРФ «рассуждение» можно обозначить как каузативность в широком толковании этого понятия. Качественным содержанием формальной структуры выступает «инвентивность» как логическое следование мысли: в семантическом аспекте это – прямая каузативность, под которой понимаются объективные, прежде всего, причинно-следственные отношения между элементами мысли; в прагматическом аспекте – косвенная каузативность, проявляющаяся в таких речевых действиях, как объяснение, доказательство, обоснование.

Центральные элементы рассуждения – утверждение и опровержение – определяют два типа косвенных каузативных отношений в читательских откликах – солидарный и полемический, которые в свою очередь обуславливают функциональную вариативность базовой КРФ «рассуждение» в виде КРФ «солидарное рассуждение» и КРФ «полемическое рассуждение». Доминирующим речевым действием, реализуемым КРФ «солидарное рассуждение», является комментарий, выполняющий в солидарных читательских откликах задачу подтверждения, уточнения, прояснения положения дел по обсуждаемой проблеме, представленной в тексте-источнике. Доминирующим речевым действием, реализуемым КРФ «полемическое рассуждение», является аргументация, имеющая двойную цель в полемических читательских откликах – что-то доказать и одновременно убедительно развенчать идеи и доводы, представленные в тексте-источнике. Каждый из функциональных вариантов базовой КРФ «рассуждение» обнаруживает внутреннюю прагматическую дифференциацию, обусловленную субъективной мотивацией автора письма-отклика. Материалом исследования послужили читательские отклики, публикуемые в популярных англоязычных женских журналах «Cosmopolitan», «Marie Claire», «Red», «Seventeen», «Vanity Fair» и «Zest». Объем выборки составил 248 откликов за период с 1996 по 2011 гг.

Ключевые слова: речевой жанр; женский журнал; рассуждение; коммуникация.

Ссылка для цитирования: Землянская Е. Н., Королева Н. М., Довгер О. П. Структурная организация читательских откликов, представленная композиционно-речевой формой «солидарное медитативное рассуждение» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 88–96.

Введение

Читательский отклик представляет собой сложное взаимодействие ряда подсистем, и, прежде всего, системы содержания и системы изложения содержания (в основу последней положена коммуникативная функция).

Носителями коммуникативной функции в речевом жанре «читательский отклик» являются текстовые структуры,

которые особым образом воздействуют на адресата, управляют его восприятием, организуют результативное восприятие. В статье в качестве таких структур представлена композиционно-речевая форма (КРФ) «рассуждение».

Система изложения содержания, реализуемая в указанной текстовой структуре, является предметом рассмотрения в данной статье.

Автор письма-отклика, оценивая текст-источник, высказывает и защищает свою точку зрения, приводит аргументы в свою пользу, т.е. мыслит, высказывает определенные суждения.

В форме суждения, которое представляет собой всякую относительно законченную мысль, отражающую вещи и явления с их определенными свойствами и характеристиками, логически выражается всякая истина. Когда истина не очевидна, то человек стремится к достижению истины, при этом он совершает определенные действия и операции. Человек мыслит не отдельными суждениями, а связывает их между собой, сопоставляет эти суждения, различает их, оценивает, т.е. он рассуждает. Рассуждение является одной из форм общественного сознания, исследование закономерностей процесса рассуждения входит в сферу интересов философов, логиков, психологов, лингвистов.

Трактовка рассуждения как способа изложения (коммуникации) содержания и нормы вербализации логической каузативной последовательности мыслей человека в ходе рассмотрения тех или иных проблем в определенной сфере деятельности предполагает изучение КРФ «рассуждение» прежде всего в логическом, системно-функциональном аспекте.

Результаты и обсуждение

Объектом изучения в статье выступает один из наиболее активно «нагруженных» рассуждающих речевых жанров в системе средств массовой информации – читательский отклик. Материалом исследования послужили читательские отклики в англоязычных женских журналах «Cosmopolitan», «Marie Claire», «Red», «Seventeen», «Vanity Fair» и «Zest». Объем выборки составил 248 отклика за период с 1996 по 2011 гг. [12–17].

В каждом солидном публицистическом издании имеется постоянная рубрика, на страницах которой публикуются

письма-отклики. Работа с письмами читателей – важнейший участок деятельности любого журналистского коллектива. Это самая желанная и нужная для редакции почта, которая обозначается в отделах писем одним словом – «отклик». Количество получаемых откликов рассматривается журналом как показатель его общественного признания [1, с. 231]. Предельная направленность массовой прессы на интересы аудитории позволяет не только изучать настроения и реакции населения на то или иное событие, но и формировать мнение населения по поводу какого-либо явления [2, с. 7].

В читательских откликах обсуждаются злободневные темы последних журнальных публикаций, ведется заинтересованный, порой неллицеприятный диалог авторов откликов с участниками коммуникации. В отличие от бытового письма, в читательском отклике схема однонаправленной коммуникации «коммуникатор (К) – реципиент (Р)» модифицируется в следующую формулу общения:

$K \rightarrow P1$

$\searrow P2$

$\searrow P3,$

где К – автор читательского отклика; P1 – редакция журнала; P2 – автор текста-источника; P3 – читательская аудитория журнала.

Таким образом, читательский отклик дает читателю возможность открыто высказать свое мнение и дать оценку публикуемым материалам в журнале, а для редакции – возможность понять, насколько обсуждаемые темы интересны читателю и удалось ли вызвать той или иной темой желаемый резонанс в обществе, на который публикации были расчитаны

В соответствии с изложенным, речевой жанр «читательский отклик» определяется в статье как целесообразный способ переработки, хранения и передачи информации в публицистической сфере коммуникации, оформленный как ответ-

ная оценочно-критическая реакция на публикуемые в журнальных СМИ материалы [3, с. 18].

Читательский отклик представляет собой сложное взаимодействие ряда подсистем, и, прежде всего, системы содержания и системы изложения содержания (в основу последней положена коммуникативная функция) [4, 5].

Носителями коммуникативной функции в речевом жанре «читательский отклик» являются текстовые структуры, которые особым образом воздействуют на адресата, управляют его восприятием, организуют результативное восприятие [6]. В статье в качестве таких структур представлены композиционно-речевая форма (КРФ) «рассуждение»

Трактовка рассуждения как способа изложения (коммуникации) содержания и нормы вербализации логической каузативной последовательности мыслей человека в ходе рассмотрения тех или иных проблем в определенной сфере деятельности предполагает изучение КРФ «рассуждение» прежде всего в логическом, системно-функциональном аспекте. Его суть сводится к следующему. В качественном отношении КРФ «рассуждение» представляет собой «каузативность» как совокупное реляционное образование, в котором в качестве формальной структуры выступает «инвентивность» как логическая выводимость, а в качестве содержательных структур – прямая каузативность как семантический функтив и косвенная каузативность как прагматический функтив [7, 8].

Прямые каузативные отношения – это объективные взаимосвязи между предметами и явлениями, существующие вне субъекта и его деятельности в форме объективной данности. Данные отношения соотносятся с семантическими отношениями, которые носят субстанциональный характер в том смысле, что являются свойством конкретного предметного содержания. В его состав входят

следующие предметные свойства – причина, условие, цель, следствие, уступка.

Косвенные каузативные отношения устанавливаются между предметами и явлениями в процессе мыслительной деятельности человека, они субъективны. Данный вид отношений соотносится с прагматическими отношениями, к которым относятся объяснение, обоснование, доказательство. Данный вид отношений ситуативно обусловлен, поскольку зависит от коммуникативно-речевого намерения создателя текста. В зависимости от сложности, дискуссионности и разработанности рассматриваемых проблем создатель текста, с обязательной ориентацией на адресата, либо объясняет те или иные положения, либо доказывает истинность или ложность определенной точки зрения, либо обосновывает свою позицию [8, с. 50].

Основными языковыми средствами построения каузативной связи являются сложноподчиненные предложения с придаточными условиями, причины, следствия, цели, уступки с соответствующими средствами межфразовой связи – союзами, местоименными и союзными наречиями; дополнительные средства, с помощью которых выстраивается каузативная связь, например, инфинитивные конструкции для выражения цели.

Центральными элементами рассуждения являются утверждение и опровержение, образующие диалектическое единство и объединенные сетью аргументации. Утверждение и опровержение в читательском отклике представляют собой два полюса рассуждения и предполагают исходные положения противоположного характера: 1) предоставление оснований в поддержку выраженного мнения и 2) критическая оценка аргументации противника [9, с. 211]. Таким образом, точка зрения автора письма-отклика разворачивается либо путем подтверждения (констатации возможности) мнения адресата (P1), либо опровержения его позиции, что

предопределяет два типа косвенных (прагматических) каузативных отношений в читательских откликах – **солидарный и полемический**. Указанные отношения обуславливают вариативность базовой КРФ «рассуждение», которая представлена в читательских откликах в следующих подвидах – КРФ «солидарное рассуждение» (солидарные отклики) и КРФ «полемическое рассуждение» (полемические отклики).

Каждый из функциональных вариантов базовой КРФ «рассуждение» обнаружил внутреннюю, прагматическую дифференциацию. В результате были выявлены:

– пять вариантов «солидарного рассуждения»: *благодарственное* (признательность за ценный урок), *исповедальное* (откровенное признание в чем-нибудь), *медитативное* (размышление по поводу публикации как средство внутреннего совершенствования автора отклика), *нарративное* (выражение сопричастности автора отклика к обсуждаемой проблеме в форме «рассказа»), *хвалебное* (выражение глубокого восхищения, восторженной похвалы);

– и шесть вариантов «полемического рассуждения»: *запрещающее* (желание запретить публикацию материала, который наносит моральный ущерб, либо является необоснованным), *наставляющее* (сообщение информации, способной предотвратить нежелательные действия), *обвиняющее* (упрек с целью вызвать чувство вины), *опровергающее* (доказательство ложности информации в тексте-источнике), *рекомендательное* (совет или пожелание), *саркастическое* (выражение едкой оценки качеств, внешности, язвительная насмешка, злая ирония).

Таким образом, для анализа читательских откликов необходима информация о процессе рассуждения в целом: важно знать, какая цель достигается посредством определенного вида рассуждения (солидарного, полемического), а так-

же, какие типы задач решает тот или иной вид рассуждения, обусловленный субъективной мотивацией автора отклика, т.е. какова прагматическая стратегия осуществления каждого из обозначенных выше видов рассуждения.

Среди общего числа исследуемых писем-откликов доминирующими по количеству выступают солидарные отклики. Предмет исследования в данной статье составляют принципы коммуникативно-речевой и языковой организации медитативных солидарных откликов. Прагматическая целеустановка медитативного рассуждения (от лат. *meditari* – размышлять) – поведать адресатам (P1, P2, P3) о своих размышлениях по поводу публикации.

Медитативное рассуждение/размышление – это ровное, спокойное, одновременно сосредоточенное и волевое отношение к объекту оценки. Цель медитативного размышления – определение всего, что мы знаем об объекте; всего, что мы, вероятно, о нем еще не знаем; предположений о его предназначении. Медитативное размышление включает в себя внешний и внутренний аспекты [10]. В первом случае внимание концентрируется на внешнем объекте, т.е. логически констатируются качества объекта, его предназначение, цель. Во втором случае, медитация – это вхождение вовнутрь объекта, т.е. процесс глубинного самоотождествления с идеей объекта, и, как результат, ощущение в себе его нравственных качеств.

В этом смысле метод медитативного рассуждения в читательском отклике – это способ наиболее конструктивного и вместе с тем нравственного разрешения проблемы, содержащейся в тексте-источнике. Автор отклика даёт свой ответ, исходит из собственного душевного опыта. «Медитация – это всегда сигнал того, что человек «задумывается», иначе говоря, личность человеческая шире своих убеждений. Нравнодушие к совер-

шенно чужой и неведомой жизни оказывается своего рода *открытием «другого»*, это путь выхода из уединённого сознания к соприкосновению с «действительной жизнью» других. Конструктивная особенность медитативного размышления состоит в выходе говорящего (размышляющего) за пределы объекта: рефлексия, комментирование или мотивирование событий и т.п.» [11].

Диалогическое сопряжение с иными сознаниями, вопреки подавлению диалога монологическим рассуждением, и составляет медитативный центр композиции отклика. Таким образом, в «процессе медитативного размышления объект оценки становится средством внутреннего совершенствования, перетекает в психику реципиента и раскрывается там, освобождая свои внутренние силы» [10].

Явное ослабление диалога в поле монологического сознания одновременно повышает значимость каждой реплики, особенно в случае её повтора. Композиционно рассуждение автора отклика внутренне столь же противоречиво, как и сомнения. Не случайно синтаксис рассуждения изобилует противительными и соединительными союзами: первые постоянно рвут течение мысли противоречиями, вторые легко связывают эти обрывки в замкнутом круге уединённого сознания.

Проследим прагматическую функцию «медитативного солидарного рассуждения» на примере отклика “No business like war business” [12 2008: №1], ср:

I thought that I could not be any more depressed about the war in Iraq until I read David Rose’s article [“The people vs. the Profiteers’, November] on the unmitigated fraud and profiteering being perpetrated by private contractors in Iraq and the cover-up, if not willful disregard, of these crimes by the Justice Department (1). My father felt that people should always be given “the benefit of the doubt” – and I feel that’s what Congress and the American people gave the Bush administration at the start of this now

botched situation (2). It saddens me to see that trust trampled on in the most heinous ways imaginable (3). My only hope is that the appropriate people will eventually be held accountable, but I will not hold my breath (4).

Eileen Corcoran

Vergennes, Vermont

Логическая цепочка рассуждения в данном отклике представлена следующим образом:

– предложение (1) содержит основной тезис, в котором представлена положительная оценка содержанию текста-источника;

– предложение (2) содержит комментарий, развивающий основной тезис;

– предложение (3) выполняет роль комментария-уточнения основного тезиса;

– предложение (4) содержит комментарий-вывод.

Таким образом, в тексте отклика-исповеди выделяются три логических звена (1; 2-3; 4).

Предложение (1) выполняет роль оценивающего звена. Речевое действие «введение в тему», определяемое целеустановками данного звена, воплощается с помощью КРФ «рассуждение/сообщение». В тексте отклика данная КРФ реализуется как констатив, который материализуется в виде сложноподчиненного предложения с придаточным времени.

Основная функция второго логического звена (2, 3) – эксплицирующая, реализуется с помощью речевого действия «разъяснение», материализуемого посредством КРФ «медитативное солидарное рассуждение», коммуникативно-прагматической доминантами которой являются констативы, вербализуемые в таких синтаксических конструкциях, как: сложносочиненное предложение с соединительным союзом *and* (2) и сложноподчиненное предложение с придаточным дополнителем (3).

Заключительное звено (4) носит обобщающий характер и имеет в своей

основе речевое действие «резюмирование», которое реализуется с помощью КРФ «резюмирующее рассуждение». В тексте данная КРФ материализуется как промиссив – сложносочиненное предложение с противительным союзом *but* (4).

Содержанием КРФ «медитативное солидарное рассуждение» являются размышления адресанта по поводу проблемы, представленной в основном тезисе. Такое рассуждение характеризуется достаточной степенью логической организованности и обобщенности. Основной внутритекстовой связью выступает развитие мысли по принципу выводимости, это – инвентивная связь. Для увеличения воздействующей силы приводимых размышлений, адресант активно использует экспрессивную лексику, ср.: *I could not be any more depressed* (1), *at the start of this now botched situation* (2), *It saddens me* (3), *trust trampled on in the most heinous ways imaginable* (3). Эмоциональность «медитативного солидарного рассуждения» подчеркивается использованием глаголов эмоционального действия, ср.: *My father felt* (2), *I feel* (2), *It saddens me* (3).

В концептуальном плане содержание анализируемого отклика посвящено представлению образа «Женщина – общественный деятель». Среди состава языковых средств, используемых для выражения данного образа, выделяются слова, репрезентирующие базовые ценности этого образа, а именно «ОБЩЕСТВО» и «ПРАВО». Репрезентантами концепта «ОБЩЕСТВО» являются слова, называющие членов общества, имеющие как положительную, ср.: *people should always be given “the benefit of the doubt”* and *I feel that’s what Congress and the American people gave the Bush administration* (2), так и отрицательную коннотацию, ср.: *My only hope is that the appropriate people will eventually be held accountable* (4), а также слова, называющие проблемы, возникающие в обществе,

ср.: *war in Iraq* (1), *unmitigated fraud and profiteering* (1), *these crimes* (1), имеющие резко отрицательную коннотацию. Репрезентантами концепта «ПРАВО» служит слово *justice*, приобретающее в данном отклике отрицательную коннотацию, ср.: *the cover-up, if not willful disregard, of these crimes by the Justice Department* (1) и слово *trust*, имеющее положительную коннотацию, ср.: *It saddens me to see that trust trampled on in the most heinous ways imaginable* (3). В анализируемом отклике суждения адресанта эксплицируют безнравственный характер деятельности объекта оценки, что обуславливает реализацию этической оценки, ср.: *I thought that I could not be any more depressed about the war in Iraq until I read David Rose’s article <...> on the unmitigated fraud and profiteering being perpetrated by private contractors in Iraq and the cover-up, if not willful disregard, of these crimes by the Justice Department* (1). *It saddens me to see that trust trampled on in the most heinous ways imaginable* (3).

Завершая описание солидарного медитативного рассуждения, следует подчеркнуть, что цель деятельности автора отклика определяется, прежде всего, субъективным мотивом, в котором фиксирована потребность автора как индивида, а именно – определенное *воздействие* на читателя, достижение определенного прагматического эффекта. В женских откликах доминирует эмоциональный тип суждений в виде определенной реакции женщины на объекты оценки, которые затрагивают ее личный мир, цели, установки и которые она воспринимает только как важные для себя, концентрируясь на выгодных для себя аргументах. Достижение цели и мотива строится, однако, на основе действий и операций, соответствующих объективным условиям исследуемого речевого жанра «читательский отклик».

Выводы

В предлагаемой статье была описана комплексная коммуникативная функция речевого жанра «читательский отклик», которая объективируется в тексте читательских откликов как целесообразный способ переработки, хранения и передачи текстовой информации в журнально-публицистической системе коммуникации, оформленный как ответная оценочно-критическая реакция на публикуемые в СМИ материалы. Инвариантной конструктивной основой читательского отклика является композиционно-речевая форма «рассуждение». Суть результатов исследования КРФ «рассуждение» в читательских откликах сводится к следующему. В качественном отношении КРФ «рассуждение» представляет собой «каузативность» как совокупное реляционное образование, в котором в качестве формальной структуры выступает «инвентивность» как логическая выводимость, а в качестве содержательных структур – прямая каузативность как семантический функтив и косвенная каузативность как прагматический функтив.

Движение проблемного содержания в процессе рассуждения осуществляется поэтапно, ему присуще шагообразное развертывание. Структура базовой модели представлена, как правило, классическим типом композиции текста, включающей три звена: тезисное, эксплицирующее, резюмирующее. Каждое звено обладает относительной самостоятельностью и характеризуется специфичностью внутреннего содержания, формируемого на базе целеустановок, как-то: 1) постановка проблемы (тезисное звено); 2) экспликация – отношение к поставленному тезису (эксплицирующее звено); 3) обобщение, подведение итогов (резюмирующее звено). Центральные элементы рассуждения – утверждение и опровержение – определяют два типа косвенных каузативных отношений в читательских от-

кликах – солидарный и полемический, которые в свою очередь обуславливают функциональную вариативность базовой КРФ «рассуждение» в виде КРФ «солидарное рассуждение» и КРФ «полемическое рассуждение». Доминирующим речевым действием, реализуемым КРФ «солидарное рассуждение» является комментарий, выполняющий в солидарных откликах задачу подтверждения, уточнения, прояснения положения дел по обсуждаемой проблеме. Доминирующим речевым действием, реализуемым КРФ «полемическое рассуждение», является аргументация, имеющая двойную цель в полемических откликах – что-то доказать и одновременно развенчать идеи и доводы, представленные в тексте-источнике. Каждый из функциональных вариантов базовой КРФ «рассуждение» обнаруживает внутреннюю прагматическую дифференциацию, обусловленную субъективной мотивацией автора отклика. Каждый прагматический вариант КРФ «солидарное рассуждение» и КРФ «полемическое рассуждение» имеет свой логико-функциональный фундамент, т.е. свой набор типовых речевых действий и соответствующих им композиционно-речевых и синтактико-прагматических структур.

Список литературы

1. Богданов Н. Г., Вяземский Б. А. Справочник журналиста. Л.: Лениздат, 1971. 686 с.
2. Лагутина О. В. Массовая, «желтая», бульварная пресса: к вопросу разграничения понятий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 4. С. 7.
3. Землянская Е. Н. Лингвотекстовые особенности речевого жанра «читательский отклик»: монография. Курск, 2014. 147 с.
4. Власенко Н. И. К вопросу о типологии текстов // Известия Юго-Западного

государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 4. С. 29.

5. Власова Т. А., Королева Н. М., Костерина И. В. Модель педагогической поддержки развития у студентов способности к личностно-профессиональной самоактуализации: из опыта работы текстов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. № 1. (26). С. 141–155.

6. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста: учеб. пособие по немецкому языку. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КДУ, 2006. 240 с.

7. Ризаева Л. Ф. Лингвотекстовая организация «диалогического рассуждения» в немецкой драме: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10/02/04; МГИИЯ им. М. Тореца. М., 1990. 22 с.

8. Якубова Н. А. Лингвотекстовая характеристика композиционно-речевой формы «дедуктивное рассуждение» в немецкой научной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10/02/04; МГИИЯ им. М. Тореца. М., 1988. 24 с.

9. Ощепкова Н. А. Языковая личность и структура аргументативного дискурса // Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики: материалы Всерос. науч. конф. (18–20 марта 2004 года). Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. С. 211–215.

10. Метод медитативного созерцания. URL: <http://www.edinoeuchenie.ru>.

11. Тюпа В. И. Эстетический анализ художественного текста // Дискурс, 2/96. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse2_17.htm.

12. Vanity Fair 1996. № 6, 8, 10; 2002. № 11; 2008. № 1.

13. Marie Claire 2002. № 1-12; 2003. № 1-12; 2006. № 12; 2007. № 4; 2011. № 11.

14. Red 2006. № 8; 2007. № 4, 12.

15. Seventeen 2001. № 2.

16. Cosmopolitan 2004. № 5; 2008. № 1.

17. Zest 2002. № 8; 2006. № 12; 2007. № 4, 12.

Поступила в редакцию 05.02.19

UDC 801.6

E. N. Zemlyanskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: beseda.lena@yandex.ru)

N. M. Koroleva, Candidate of Pedagogical Sciences Associate Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: korolev37-31-72@mail.ru)

O. P. Dovger, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kursk State Medical University (3, K. Marx str., Kursk, 305004, Russia) (e-mail: odovger@yandex.ru)

THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF READER'S RESPONSES REPRESENTED BY THE COMPOSITIONAL-SPEECH FORM "SOLIDARY MEDITATIVE REASONING"

The article deals with the compositional-speech form (CSF) "reasoning" as the invariant structural basis of readers' response. Reasoning is viewed as a particular way of content presenting, which is based on the causative sequence of thoughts of the author's response about these or those problems.

The internal system quality of CSF "reasoning" can be defined as causativity in a broad interpretation of this concept. The qualitative content of a formal structure is the "inventivity" as a logical sequence of thoughts. In the semantic aspect it is a direct causativity, which refers to the objective, first of all, causal relations between the elements of thoughts. In the pragmatic aspect it is an indirect causativity, manifested in such speech acts like explanation, proving, substantiation.

The central elements of reasoning are confirmation and contradiction. They determine two types³ of indirect causative relations in readers' responses solidary and polemical, which in turn contribute to functional variability of

the underlying CSF "reasoning" KRF "solidary reasoning" and "polemical reasoning". The dominant speech act implemented by CSF "solidary reasoning" is the commentary, which performs in solidarity responses the task of confirming, clarifying and clearing up the situation by discussing the problem presented in the text source. The dominant speech act implemented by CSF "polemical reasoning" is argumentation that has a dual purpose in polemical responses – to prove something and at the same time convincingly debunk the ideas and arguments presented in the text source. Each of the functional variants underlying CSF "reasoning" discovers internal pragmatic differentiation, due to the subjective motivation of the author of the response. Study material was taken from such famous women's magazines as «Cosmopolitan», «Marie Claire», «Red», «Seventeen», «Vanity Fair» and «Zest». The article has total responses of 248 from 1996 till 2011.

Key words: speech genre; women's magazine; reasoning; communication.

For citation: Zemlyanskaya E. N., Koroleva N. M., Dovger O. P. The structural organization of reader's responses represented by the compositional-speech form "Solidary meditative reasoning". *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 88–96 (in Russ.).

References

1. Bogdanov N. G., Vyazemskij B. A. *Spravochnik zhurnalista*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1971. 686 p.

2. Lagutina O. V. *Massovaya, «zheltaya», bul'varnaya pressa: k voprosu razgranicheniya ponyatij*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2013, no. 4, pp. 7.

3. Zemlyanskaya E. N. *Lingvotekstovye osobennosti rechevogo zhanra «chitatel'skij otklik»*, Kursk, 2014, 147 p.

4. Vlasenko N. I. *K voprosu o tipologii tekstov*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2013, no. 4, pp. 29.

5. Vlasova T. A., Koroleva N. M., Kosterina I. V. *Model' pedagogicheskoy podderzhki razvitiya u studentov sposobnosti k lichnostno-professional'noj samoaktualizacii: iz opyta raboty tekstov*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2018, no. 1 (26), pp. 141–155.

6. Brandes M. P., Provotorov V. I. *Predperevodcheskij analiz teksta*. Moscow, KDU Publ., 2006. 240 p.

7. Rizaeva L. F. *Lingvotekstovaya organizaciya «dialogicheskogo rassuzhdeniya» v nemeckoj drame*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Moscow, 1990. 22 p.

8. Yakubova N. A. *Lingvotekstovaya karakteristika kompozicionno-rechevoj formy «deduktivnoe rassuzhdenie» v nemeckoj nauchnoj proze*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Moscow, 1988, 24 p.

9. Oshchepkova N. A. *Yazykovaya lichnost' i struktura argumentativnogo diskursa*. *Yazykovaya lichnost' kak predmet teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. Materialy Vseros. nauch. konf. (18–20 marta 2004 goda)*. Tula, 2004, pp. 211–215.

10. *Metod meditativnogo sozercaniya*. URL: <http://www.edinoeuchenie.ru>.

11. Tyupa V. I. *Esteticheskij analiz hudozhestvennogo teksta*. *Diskurs*, 2/96. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse2_17.htm.

12. *Vanity Fair* 1996, no. 6, 8, 10; 2002, no. 11; 2008, no. 1.

13. *Marie Claire* 2002, no. 1-12; 2003, no. 1-12; 2006, no. 12; 2007, no. 4; 2011, no. 11.

14. *Red* 2006, no. 8; 2007, no. 4, 12.

15. *Seventeen* 2001, no. 2.

16. *Cosmopolitan* 2004, no. 5; 2008, no. 1.

17. *Zest* 2002, no. 8; 2006, no. 12; 2007, no. 4, 12.

УДК 378.02:37.016

О. Г. Ларина, д-р. юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: tgpKSTU@yandex.ru)

М. В. Томаков, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: tomakovmv@mail.ru)

В. И. Томаков, д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: tomakov52@mail.ru)

В. В. Андриенко, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: ego.viktoriya.istka@gmail.com)

А. В. Брежнев, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (Россия, 117997, Москва, Стремянный пер., 36) (e-mail: anbr1@rambler.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ПЕРВАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ» НА ПРИНЦИПАХ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Статья посвящена разработке содержания дисциплины «Первая медицинская помощь» для студентов, обучающихся по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности.

Актуальность данной дисциплины определена законодательством Российской Федерации, регламентирующим отношения, касающиеся доврачебной помощи сотрудниками силовых структур и специальных служб, высоким уровнем смертности населения страны от травм и отравлений. В статье раскрываются требования соответствующих статей законов, доказана социальная значимость дисциплины в контексте национальной безопасности.

Содержание дисциплины базируется на профессиональной компетенции ПК-17 в соответствии с требованиями ФГОС ВО по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности. Согласно этой компетенции выпускник должен владеть способностью выполнять профессиональные задачи в особых условиях, чрезвычайных обстоятельствах, чрезвычайных ситуациях, в условиях режима чрезвычайного положения и в военное время, оказывать первую помощь, обеспечивать личную безопасность и безопасность граждан в процессе решения служебных задач.

Мониторинг содержания и имеющейся практики реализации программ обучения студентов оказанию первой помощи пострадавшим показывает, что содержание дисциплин в различных учебных заведениях отличается по времени, отведенному на изучение основ оказания первой помощи, содержанию и объему излагаемого материала. Программы содержат большое количество теоретического материала, трудно для понимания и усвоения лицами, не имеющими медицинского образования.

Теоретико-методологической основой проектирования содержания дисциплины служит система принципов компетентностного подхода.

В статье рассматривается структура учебной дисциплины, содержание лекционного курса, тематика лабораторных работ и практических занятий в контексте будущей профессиональной деятельности юриста.

Ключевые слова: законодательные основы первой помощи; социальные аспекты первой помощи, первая помощь, содержание дисциплины, компетенция, компетентностный подход.

Ссылка для цитирования: Формирование содержания учебной дисциплины «первая медицинская помощь» на принципах компетентностного подхода / О. Г. Ларина, М. В. Томаков, В. И. Томаков, В. В. Андриенко, А. В. Брежнев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 97–108.

Постановка проблемы

Актуальность дисциплины «Первая медицинская помощь» обусловлена тем, что выпускники должны уметь оказывать первую помощь, организовать и руководить такой помощью в ситуационном периоде, когда нет медицинских работни-

ков, и в условиях чрезвычайных ситуаций, то есть должны уметь организовать защиту личного состава и населения. Подготовка по данной дисциплине направлена на формирование у обучаемых умений осуществлять требуемые виды профессиональной деятельности, развитие профессионального интереса, про-

фессиональных способностей и качеств личности.

Дисциплина «Первая медицинская помощь» подготовлена в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета), утвержденного приказом Минобрнауки России от 19 декабря 2016 г. N1614.

Правовое основание для разработки курса. При анализе Российского законодательства, имеющего отношение к доврачебной помощи, нет четкого регулирования этого вопроса [1]: отсутствует достаточно четкая система документов по оказанию первой помощи немедицинскими работниками; отсутствует также единый термин для определения помощи, оказываемой немедицинскими работниками. Для ее обозначения употребляют термины «первая помощь», «первая медицинская помощь», «доврачебная помощь», «догоспитальная помощь» и т. д. В одном и том же документе могут употребляться различные термины.

Но, несмотря на недочеты в законодательстве, можно выделить отдельные нормы, позволяющие регламентировать отношения, касающиеся доврачебной помощи.

Федеральный закон РФ N323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – закон N323-ФЗ) определяет первую помощь как особый вид помощи, оказываемой лицами, не имеющими медицинского образования, при травмах и неотложных состояниях до прибытия медицинского персонала. Согласно ч.4 ст.31 закона N323-ФЗ каждый гражданин вправе добровольно оказывать первую помощь при наличии соответствующей подготовки и (или) навыков.

Первая помощь – комплекс срочных простейших мероприятий по спасению жизни человека. Ее цель заключается в устранении явлений, угрожающих жизни,

а также в предупреждении дальнейших повреждений и возможных осложнений.

В то же время закон N323-ФЗ устанавливает обязанность по оказанию первой помощи для лиц, которые в силу профессиональных обязанностей первыми оказываются на месте происшествия с пострадавшими – сотрудники органов внутренних дел РФ, сотрудники, военнослужащие и работники государственной противопожарной службы, спасатели аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб (ст. 31).

Обязанность по оказанию первой помощи пострадавшим также определяют:

– Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» N 196-ФЗ от 10.12.1995 г. (ст.23) – для сотрудников ГИБДД МВД России;

– Федеральный закон «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011 г. (ст. 12, ст. 14, ст.19, ст.27) – для сотрудников полиции;

– Федеральный закон от 03.07.2016 г. N226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ст.15, п.8) – для служащих войск Росгвардии;

– Федеральный закон «О пожарной безопасности» N69-ФЗ от 21.12.1994г. (ст.4, ст.22) – для сотрудников всех видов пожарной охраны;

– Федеральный закон «О добровольной пожарной охране» N100-ФЗ от 06.05.2011г. (ст.3, ст.9, ст.14, ст.15) – для работников добровольной пожарной охраны и добровольных пожарных.

Аналогичные статьи имеются в законах, регламентирующих деятельность и устанавливающих права и обязанности сотрудников и служащих других силовых ведомств Российской Федерации.

Учитывая это обстоятельство, ФГОС ВО по специальности 40.05.01 в перечне профессиональных компетенций установил компетентность ПК-17. Согласно этой компетенции выпускник должен владеть способностью выполнять профессиональные задачи в особых условиях, чрезвычайных обстоятельствах, чрезвычайных ситуациях, в условиях режима

чрезвычайного положения и в военное время, оказывать первую помощь, обеспечивать личную безопасность и безопасность граждан в процессе решения служебных задач.

Социальные аспекты значимости курса в контексте национальной безопасности. Продолжительность жизни и здоровье населения – одни из важнейших показателей социально-экономического развития государства. Уровень развития общества во многом характеризуется средней продолжительностью жизни. По оценкам ООН, предоставленным в 2017 г., Россия занимает 125-е место в последовательности стран, ранжированным по убыванию средней продолжительности жизни (этот список представлен 201 страной, по которым велись расчеты) [2].

На продолжительность и качество жизни влияют факторы, которые воздействуют на здоровье людей и уровень смертности. К ним относятся природно-климатические, социально-экономические, особенности преобладающих стереотипов индивидуального и группового поведения, внешние причины. В последнюю группу входят несчастные случаи на производстве, ДТП, пожарах и чрезвычайных ситуациях. Например, при пожарах в 2010 г. было травмировано 13117 чел, в 2015 г. – 11097 чел. [3]. В 2018 г. на пожарах 9563 чел. получили травмы. В 2018 г. в ДТП были ранены свыше 214 тыс. чел.

Смертность от несчастных случаев, травм и отравлений представляет собой национальную угрозу для России – на 100 тыс. населения погибает до 400 мужчин и до 100 женщин (для сравнения: в США – до 80 мужчин и до 25 женщин; Англия – до 40 мужчин и до 20 женщин; Германия, соответственно, 60 и 25). До 70% случаев смертельных исходов вследствие различного рода травм и некоторых острых состояний можно было бы избежать, если бы пострадавшим была своевременно и правильно оказана первая помощь [4].

Так, в 2016 г. было официально зарегистрировано установленных травм и от-

равлений в результате воздействия от внешних причин у 13045,1 тыс. пациентов (13 045 100 чел.) [5].

Показатель травматизма у мужчин больше, чем у женщин почти в 1,5 раза. Травмы среди мужского населения отличаются большей тяжестью. У мужчин в три раза чаще регистрировались разможнения, травматические ампутации и травмы внутренних органов, почти в два раза чаще – внутричерепные травмы с переломами костей черепа, перелом позвоночника.

Более часто среди взрослого населения регистрируются ушибы, поверхностные травмы без повреждения кожных покровов, которые составляют 30,6% от общего числа всех зарегистрированных травм – это первое место в структуре зарегистрированного травматизма.

В структуре травматизма переломы костей составляют 21,5% от общего числа всех зарегистрированных травм.

Открытые раны и травмы кровеносных сосудов составляют 18,4% от общего количества травм.

На долю вывихов, растяжений, травм мышц и сухожилий приходится 12,4%.

Внутричерепные травмы (без переломов костей черепа) составляют 3,8%, а вместе с переломами черепа – 5,1% среди зарегистрированных травм

Ожогам в структуре травматизма принадлежит 2,4%.

Прочие ранговые места в структуре травматизма занимают травмы глаза и глазницы (1,7%), разможнения (раздавливания) травматические ампутации (0,7%), травмы внутренних органов грудной и брюшной полости (0,2%), травмы нервов и спинного мозга (0,1%).

В общей структуре травматизма подавляющее большинство травм и других повреждений происходит в быту – 69,9% в общей структуре повреждений.

На долю уличных травм приходится 19,6%.

На долю травм, обусловленных производственной деятельностью, приходится 4,1%.

Повреждения, которые не были классифицированы по видам травматизма, занимают 3,8%.

На транспортные и спортивные травмы приходится 1,9 и 1,1% соответственно.

Травмы, отравления оказывают отрицательное влияние на показатели здоровья, характеризуются временной и стойкой утратой трудоспособности. Часть травмированных людей становятся инвалидами. По данным федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов» в 2018 г. в РФ зарегистрировано 12 111 тыс. чел. инвалидов 1-3 групп.

Оказание первой медицинской помощи в возможно более ранние сроки имеет решающее значение для спасения жизни пострадавшего и дальнейшего лечения.

Материал и методы исследования

Разработанность проблемы. Знания и навыки по оказанию первой медицинской помощи необходимы всем, так как несчастный случай может произойти в любое время и в любой обстановке. Обучение основам оказания первой помощи пострадавшим и методика обучения находят свое воплощение в различных сферах образования. Авторы работы [6] предлагают современные медико-технические аспекты и методологию обучения способам её оказания пострадавшим в чрезвычайных ситуациях. Методику и опыт обучения сотрудников специальных служб приема оказания первой помощи, участвующих в ликвидации последствий дорожно-транспортных происшествий, рассматривает С. В. Базанов [7]. Правовые основы оказания первой помощи сотрудниками органов внутренних дел представлены в работе Д.В. Марченко [8]. Проблемам обучения правилам оказания первой помощи на производстве посвящена работа С.В. Истомина и Е.А. Алоновой. В ней проанализированы существующие в настоящее время программы обучения по оказанию первой

помощи, предложены первоочередные мероприятия по совершенствованию учебного процесса [9]. Законодательные основания и методика обучения оказанию первой помощи лицам, пострадавшим во время совершения террористических актов, рассмотрены О.Б. Шмелёвым [10]. Коллективом авторов излагаются методологические подходы в изучении дисциплины «Основы медицинских знаний и здорового образа жизни» в педагогических вузах [11]. В Сибирском юридическом институте МВД России (г. Красноярск) в учебные планы подготовки по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» введена дисциплина «Первая помощь» объемом 72 часа [12]. В Дальневосточной пожарно-спасательной академии в учебные планы введена дисциплина «Основы первой помощи» [13] с целью приобретения курсантами основ медицинских знаний и практических навыков оказания первой помощи пострадавшим на месте происшествия.

Из краткого обзора научно-практических работ следует, что отсутствует единая программа дисциплины, а дидактический минимум определяют разработчики, руководствуясь образовательной программой, разработанной в каждом конкретном вузе. Программы подготовки личного состава различных служб отличаются по времени, отведенному на изучение основ оказания первой помощи, и объему излагаемого материала, содержат большое количество теоретического материала, трудного для понимания и усвоения лицами, не имеющими медицинского образования. Содержание учебных курсов определяется в ряде случаев эмпирически, исходя из сложившихся традиций или научных интересов и приоритетов составителей учебных программ, научных школ и научных интересов преподавателя и его индивидуальным видением необходимых объектов изучения вне направленности на будущую профессиональную деятельность выпускника.

Содержание дисциплины. Компетентностный подход к разработке содержания обучения в контексте осваиваемой специальности [14] позволяет выстроить содержание изучаемой дисциплины с учетом требований и ожиданий работодателя, а не с точки зрения собственного взгляда преподавателя на специальность. Именно способность применять полученные знания, умения и навыки в профессиональной сфере и успешно действовать определили «профессиональную компетентность» как новую парадигму качественной подготовки выпускника, а компетенцию – в качестве результативно-целевого показателя освоения основной образовательной программы [15]. Следовательно, при разработке рабочих программ и содержания дисциплин необходимо следовать следующим принципам:

1. Освоение области профессиональной деятельности необходимо рассматривать как стратегическую основу целеполагания.

Правильно поставленная цель дисциплины с учетом профессиональной специфики является основным условием достижения качественных результатов обучения. Т.е. определение цели дисциплины необходимо производить в контексте освоения конкретной области профессиональной деятельности, представленных в ФГОС ВО. Кроме того, в рамках целеполагания дисциплины необходимо указать её ориентированность на конкретные объекты профессиональной деятельности.

2. Формулировка задач изучения дисциплины в соответствии с освоением определенного вида деятельности.

Данный принцип определяет связь содержания дисциплины с видами профессиональной деятельности, определенными ФГОС ВО. Поскольку современная система образования идет по пути предоставления профессиональной специализации для выпускников посредством профилей, то ориентированность выпускников на самореализацию, применение компетенций при выполнении конкретного

вида профессиональной деятельности становится важным фактором содержания дисциплины, а значит, может рассматриваться основанием для постановки задач в ее изучении.

Иными словами, задачи изучения дисциплины формулируются в соответствии с освоением определенного вида деятельности. Ключевыми словами в определении задач могут быть: знание, овладение, понимание, владение и др., поскольку учитывают профессиональную специфику вида деятельности. Необходимо отметить, что поскольку компетенции ФГОС уже соотнесены с видами профессиональной деятельности, то задачи, сформулированные в контексте видов профессиональной деятельности, и представляют собой индикаторы освоения данных компетенций. Задачи представляют собой содержательную основу для разработки лекционного и практического курса, которые, в свою очередь, становятся сориентированными на конкретные виды профессиональной деятельности.

3. Учет необходимости применения активных и интерактивных технологий обучения.

Компетенции – это также результат образовательных технологий, методов, организационных форм учебной среды, условий обучения и воспитания [16, 17]. Данный принцип также должен найти воплощение при разработке рабочей программы и содержания дисциплины [18]. Необходимо отметить, что содержание дисциплины определяет характер и формы используемых методов обучения, и оно должна предоставить возможность использовать современные технологии обучения.

Исходя из теоретических и методологических основ формирования требуемых компетенций [16] и отмеченных принципов, в качестве входных условий (заданий), выполнение которых учитывалось при разработке содержательной части учебной дисциплины «Первая медицинская помощь», явились:

- цели подготовки специалиста, определенные образовательной программой;
- требования к выпускнику, содержащиеся в ФГОС ВО относительно его компетенции, которую формирует данная дисциплина в контексте будущей деятельности;
- временные характеристики, содержащиеся в учебном плане;
- наличие логических связей с другими дисциплинами образовательной программы;
- условия, которыми располагает университет и соответствующая кафедра для ее реализации.

Место дисциплины в учебном плане специальности. Кафедрой теории и истории государства и права ЮЗГУ дисциплина «Первая медицинская помощь» введена в вариативную часть учебного плана специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, представляет обязательную дисциплину и изучается на 3 курсе в 5 семестре.

Целью освоения дисциплины является получение студентами теоретических знаний и практических навыков для оказания первой доврачебной помощи пострадавшим, обеспечения личной безопасности и безопасности граждан в процессе решения служебных задач.

Основными обобщенными задачами дисциплины являются:

- приобретение знаний основных положений законодательных и нормативно-правовых актов, определяющих (закрепляющих) право и обязанность оказания первой доврачебной помощи медицинскими работниками;
- приобретение знаний состояния потерпевшего, видов ранений и мероприятий по оказанию первой доврачебной помощи;
- овладение навыками правильного поведения и действия при оказании первой доврачебной помощи;
- формирование способностей для аргументированного обоснования своих решений и действий по оказанию первой доврачебной помощи.

Общая трудоемкость дисциплины составляет 144 часа, из них 54 часа отведены на аудиторные занятия в равной доле на лекции, практические и лабораторные занятия. Вид аттестации – экзамен.

При разработке лекционного содержания курса, постановке практических и лабораторных работ учитывалась специфика тех ситуаций, в которых могут оказаться сотрудники и служащие силовых ведомств.

Изучение рассматриваемой дисциплины базируется на освоении следующих дисциплин учебного плана специальности:

– *базовая часть* – «Психология», «Социология», «Административное право», «Гражданское право», «Правоохранительные органы», «Трудовое право», «Источники права», «Безопасность жизнедеятельности»;

– *вариативная часть* – «Введение в профессию», «Права человека», «Основы социального государства», «Организационно-правовые основы формирования патриотизма», «Правосознание и правовая культура».

Вместе с тем, дисциплина «Первая медицинская помощь» является основой для изучения дисциплин: «Туристическая техника и ориентирование на местности», «Медицинское право», «Социальные технологии и национальная безопасность», «Социальная психология», «Профессиональная деятельность в условиях чрезвычайных ситуаций».

Один из путей достижения целостности образовательного процесса в высшей школе – междисциплинарная интеграция, обеспечивающая подготовку современного специалиста, обладающего интегральным типом мышления. Для подготовки специалиста необходимо усиливать профессионализацию учебных дисциплин, комплексность знания. Закрепленная рабочим учебным планом последовательность изучения дисциплины обеспечивает на основе принципа межпредметных связей системность приобретения знаний и формирования обобщен-

ных умений, осуществляющих перенос знаний и умений из одной деятельности в другую, развивает познавательную деятельность и творческую активность учащихся [19, 20], осознание места учебного предмета в общей системе профессиональных наук [21].

Интеграция анализируемой дисциплины с другими дисциплинами учебного плана специальности соответствует одному из основных педагогических принципов – человек не воспитывается «по частям» и что «целостная гармоничная личность может быть сформирована только в целостном педагогическом процессе» [22]. Результатом такой интеграции является готовность специалиста использовать методологический аппарат каждой отдельной дисциплины в интегративной связи с другими для решения задач в познавательной и профессиональной деятельности, так как каждая познавательная задача по своей сути является междисциплинарной, комплексной, и поэтому она объективно требует системного анализа, построения целостной модели ее решения. Таким образом, наличие последовательности, логики и определенных этапов усвоения материала, набора профессиональных функций в изучаемых дисциплинах обеспечивает глубокое формирование части профессиональной компетенции ПК-17.

Результаты и их обсуждение

Содержание дисциплины, тем лабораторных работ и практических занятий. Основой формирования содержания учебной дисциплины является разработка ее логической схемы. Можно предложить следующую укрупненную структуру материала учебной дисциплины: научные знания (лекционный блок); способы деятельности (практический блок).

Лекционный курс. Дидактический минимум дисциплины представлен следующими темами.

Тема 1. Правовые основы оказания первой помощи пострадавшим.

Тема 2. Раны: определение и признаки раны. Статистика ранений и травмирования в РФ.

Тема 3. Первая помощь при ранениях. Первая помощь при кровотечениях.

Тема 4. Первая помощь при переломах и вывихах.

Тема 5. Первая помощь при ожогах.

Тема 6. Оказание первой доврачебной помощи пострадавшим на производстве и в чрезвычайных ситуациях.

На лекциях излагаются и разъясняются основные понятия темы, связанные с ней теоретические и практические проблемы, даются рекомендации для самостоятельной работы.

Изучение тем и отдельных разделов дисциплины завершают лабораторные и практические работы, которые обеспечивают: выработку у студента практических умений, связанных с обобщением и интерпретацией изученных материалов; оценку способностей обучающихся применять полученные знания на практике; контроль подготовленности студента; закрепление учебного материала; приобретение опыта устных публичных выступлений, ведения дискуссии, в том числе аргументированного обоснования предлагаемых решений и действий по оказанию первой доврачебной помощи.

Лабораторные работы представлены в объеме 18 часов.

1. Изучение назначения лекарственных препаратов для комплектации аптечек первой помощи (изучается назначение лекарственных препаратов для комплектации упаковок аптечек первой помощи).

2. Виды изделий медицинского назначения для комплектации аптечек первой помощи (изучаются виды изделий медицинского назначения для комплектации аптечек первой помощи – изделия для временной остановки наружного кровотечения, перевязки ран и проведения сердечно-легочной реанимации, а также инструменты и принадлежности и обстоятельства их применения).

3. Комплектация изделиями медицинского назначения (укладки) аптечки для оказания первой помощи пострадавшим сотрудниками ГИБДД МВД РФ, водителями транспортных средств, пожарными (изучается комплектация изделиями медицинского назначения аптечки и их применение для оказания первой помощи пострадавшим сотрудниками специальных служб).

4. Комплектация изделиями медицинского назначения (укладки) аптечки для оказания первой помощи работникам учреждений и производств (изучается комплектация изделиями медицинского назначения (укладки) аптечек для оказания первой помощи работникам учреждений, организаций, различных производств и гражданам на месте происшествия с целью спасения жизни пострадавшего (больного) и ликвидации угроз).

5. Изучение приемов оказания первой доврачебной помощи при кровотечениях (изучается порядок оказания первой (доврачебной) помощи пострадавшим – приемы оказания первой доврачебной помощи при различных видах кровотечений).

6. Изучение приемов оказания первой помощи при огнестрельных ранениях (изучаются виды огнестрельных ран и методы оказания первой помощи пострадавшим, получившим огнестрельные ранения).

7. Изучение приемов оказания первой помощи при ножевых ранениях (изучаются методы оказания первой помощи пострадавшим, получившим ножевые ранения).

8. Основы реанимационных мероприятий при оказании первой помощи (изучаются методики и приемы оказания первой помощи пострадавшему от действия опасного поражающего фактора с помощью многофункционального интерактивного учебно-тренажерного комплекса «Основы первой помощи»).

Практические занятия представлены в объеме 18 часов.

1. Изучение федеральных законов и иных нормативно-правовых актов, определяющих обязанность оказания первой доврачебной помощи немедицинскими работниками (изучается содержание федеральных законов и иных нормативно-правовых актов, законодательно определяющих (закрепляющих) право и обязанность оказания первой доврачебной помощи немедицинскими работниками в силу своих профессиональных обязанностей, а также ответственность за неоказание первой помощи пострадавшему).

2. Раны. Виды и признаки ран (изучаются виды раневых повреждений с целью их идентификации и осуществления правильной и эффективной помощи пострадавшим).

3. Первая помощь при шоке (изучаются причины, вызывающие шок, классификация, симптомы и характер протекания шока, действия при оказании помощи пострадавшему).

4. Первая помощь при обмороке и потере сознания (изучить причины, вызывающие обморок и потерю сознания, симптомы и характер протекания данного состояния, действия при оказании помощи пострадавшему).

5. Первая помощь при ожогах (изучаются причины, вызывающие ожоги, виды ожогов, симптомы и характер действия ожогов на человека, действия при оказании помощи пострадавшему).

6. Изучение приемов оказания первой помощи при поражении электрическим током (изучаются виды электрических травм и причины их возникновения, правила оказания первой доврачебной помощи пострадавшим от действия электрического тока).

7. Первая помощь при переломах и вывихах (изучаются виды переломов и вывихов, их симптомы, правила оказания

первой помощи при возникновении этого вида травм).

8. Изучение приемов оказания первой доврачебной помощи пострадавшим на производстве и в чрезвычайных ситуациях (изучается комплекс мер, необходимых для спасения жизни и сохранения здоровья пострадавшего: при общем переохлаждении организма и отморожениях; при попадании инородных тел в органы и ткани человека; при отравлениях; при тепловом и солнечном ударах; при болях и судорожных состояниях; при укусах животными и насекомыми).

Выводы

Изучение дисциплины «Первая медицинская помощь» направлено на формирование системы знаний, умений, взглядов и убеждений, соответствующих заданной ФГОС ВО профессиональной компетентности, и обеспечивающих ответственное отношение выпускника по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» к выполнению своих профессиональных обязанностей. Владение этими специальными знаниями и навыками может сыграть решающую роль в экстремальных ситуациях для спасения жизни пострадавшего человека.

Содержание тем дисциплины увязано с реальными жизненными ситуациями и ориентировано на формирование личности специалиста, выраженной в единстве его теоретических знаний, практической подготовленности, способности и мотивации осуществлять необходимые действия по оказанию первой помощи пострадавшим.

Компетентностный подход, заложенный в конструирование данной дисциплины, позволяет более точно определить номенклатуру и логику её конструирования и содержания, а также задает ориентиры на выбор методов и средств обучения.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук: «Исключительные права в европейской и восточноазиатской правовой традиции в XVII-XIX вв.» (МД-4949.2018.6).

Список литературы

1. Дежурный Л. И., Бояринцев В. В., Закурдаева А. Ю. Первая помощь в России – заблуждения и реальность // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2013. №2. С. 191-196.

2. Продолжительность жизни в России – 72,5 года. Это много или мало? Объясняет демограф Екатерина Щербакова. URL: [https:// meduza.io/feature/2017/09/15/prodolzhi-telnost-zhizni-v-rossii-72-5-goda-eto-mnogo-ili-malo](https://meduza.io/feature/2017/09/15/prodolzhi-telnost-zhizni-v-rossii-72-5-goda-eto-mnogo-ili-malo).

3. Томаков М. В., Томаков В. И. Пожарная безопасность. Средства индивидуальной защиты и спасения людей из зданий: монография. Курск, 2017. 272 с.

4. Сабгайда Т.П., Иванова А.Е., Землянова Е.В. Преждевременная смертность и факторы риска как индикаторы программ снижения смертности в России // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/831/30/>.

5. Здоровоохранение в России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 170 с.

6. Погодин Ю. И., Володин А. С., Юдин А. Б., Медведев В. Р. Первая помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях: современные медико-технические аспекты и методология обучения способам её оказания // Медицина катастроф. 2014. № 1 (85). С. 41-45.

7. Базанов С. В. Обучение сотрудников специальных служб, участвующих в ликвидации последствий дорожно-транспортных происшествий в Ивановской области, приемам оказания первой помощи // Международный журнал при-

кладных и фундаментальных исследований. 2012. № 7. С. 108.

8. Марченко Д. В. Правовые основы оказания первой помощи сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Восточносибирского института Министерства внутренних дел России. 2011. № 1 (56). С. 46-54.

9. Истомина С. В., Алонова Е. А. О проблемах обучения правилам оказания первой помощи // Охрана и экономика труда. 2012. № 1 (6). С. 45-48.

10. Шмелёв О. Б. Законодательство и методика обучения оказанию первой помощи лицам, пострадавшим во время совершения террористических актов // Закон и право. 2016. № 8. С. 34-36.

11. Чумаков Б. Н., Филиппова С. Н., Мелкадзе О.В. Изучение дисциплины «Основы медицинских знаний и здорового образа жизни» в педагогических вузах // Биология в школе. 2018. № 4. С. 57-59.

12. Лисихина Н. В. Первая помощь: рабочая учебная программа дисциплины по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, специализация № 1 «Уголовно-правовая», узкая специализация «Предварительное следствие в органах внутренних дел». Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. 22 с. URL: https://мвд.рф/upload/site1528/document_file/Methodika/NB/PerPom.pdf

13. Рабочая программа учебной дисциплины «Основы первой помощи». URL: <https://dv.igps.ru/download/OSNOVI%20PERVOI%20POMOSHI/RP%20OSNOVI%20PERVOI%20POMOSHI.doc>

14. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. Материалы к четвертому заседанию методологического семинара 16 ноября 2004 г. М., 2004. 84 с.

15. Томаков В. И., Томаков М. В. Компетентности – результативно-целевая основа обучения безопасности жизнедеятельности

в контексте деятельностного подхода // Успехи современного естествознания. 2007. №1. С. 16–19.

16. Томаков, В.И. Теория и методика формирования компетентности будущего инженера. Ч. 1. Курск. 2006. 236 с.

17. Томаков М. В., Курочкин В. А., Зубков М.Э. Образовательные технологии как объект системного исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2 (35). С. 162-168.

18. Ломтева Т. Н., Вендина О. В. Теоретико-методологические аспекты проектирования содержания учебной дисциплины на компетентностной основе в свете перехода на ГОС ВПО III-го поколения // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 1. С. 118-125.

19. Томаков В. И., Томаков М. В. Интегративный подход как основа повышения результативности образовательного процесса. Курск, 2018. 101 с.

20. Томакова Р. А., Томакова И. А., Брежнева А. Н. Интегративный образовательный процесс как фактор повышения качества образовательного процесса в университете // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 142-155.

21. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО МОДЭК, 2004. 752 с.

22. Слостенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Слостенина. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 576 с.

Поступила в редакцию 22.03.19

UDC 378.02:37.016

O. G. Larina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: tgpKSTU@yandex.ru)

M. V. Tomakov, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: tomakovmv@mail.ru)

V. I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: tomakov52@mail.ru)

V. V. Andrienko, Undergraduate, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: ego.viktoriya.istka@gmail.com)

A. V. Brezhnev, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, PLEKHANOV Russian University of Economics (36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russia,) (e-mail: anbr1@rambler.ru)

THE FORMATION OF THE CONTENT OF THE DISCIPLINE "FIRST AID" ON THE PRINCIPLES OF COMPETENCE-BASED APPROACH

The article is devoted to the development of the content of the discipline "First aid" for students majoring in 40.05.01 Legal support of national security. The relevance of this discipline is due to the legislation of the Russian Federation, which regulates relations relating to pre-hospital care by law enforcement agencies and special services, high mortality from injuries and poisoning. The article reveals the requirements of the relevant articles of the laws, proved the social importance of discipline in the context of national security.

The content of the discipline is based on the professional competence of the PC-17 in accordance with the requirements of the requirements of the Federal state Educational Standard of Higher Education the specialty 40.05.01 Legal support of national security. According to this competence, the graduate must have the ability to perform professional tasks in special conditions, emergency situations, in a state of emergency and in wartime, to provide first aid, to ensure the personal safety and security of citizens in the process of solving official tasks.

Monitoring of the content and existing practice of the implementation of training programs for students to provide first aid to victims shows that the content of disciplines in various educational institutions differs in time allotted for the study of the basics of first aid, the content and volume of the material presented. The programs contain a large amount of theoretical material that is difficult for understanding and assimilation by persons who do not have medical education.

The theoretical and methodological basis for designing the content of the discipline is the system of principles of the competence approach.

The article deals with the structure of the discipline, the content of the lecture course, the subject of laboratory work and practical training in the context of future professional activity of a lawyer.

Key words: legislative basis of first aid; social aspects of first aid; first aid; content of discipline; competence; competence approach.

For citation: Larina O. G., Tomakov M. V., Tomakov V. I., Andrienko V. V., Brezhnev A. V. The formation of the content of the discipline "first aid" on the principles of competence-based approach. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 97–108 (in Russ.).

References

1. Dezhurnyj L. I., Boyarincev V. V., Zakurdaeva A. Yu. Pervaya pomoshch' v Rossii – zabluzhdeniya i real'nost'. *Kremlevskaya medicina. Klinicheskij vestnik*, 2013, no. 2, pp. 191–196.

2. Prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii – 72,5 goda. Ehto mnogo ili malo? Ob'yasnyaet demograf Ekaterina Shcherbakova. URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/15/prodolzhi-telnost-zhizni-v-rossii-72-5-goda-eto-mnogo-ili-malo>.

3. Tomakov M. V., Tomakov V. I. Pozharnaya bezopasnost'. Sredstva individual'noj zashchity i spaseniya lyudej iz zdaniy. Kursk, 2017. 272 p.

4. Sabgajda T. P., Ivanova A. E., Zemlyanova E. V. Prezhdevremennaya smertnost' i faktory riska kak indikatory programm snizheniya smertnosti v Rossii. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal. Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/831/30/>.

5. Zdravoohranenie v Rossii. 2017. Stat. sb. Moscow, 2017. 170 p.
6. Pogodin Yu. I., Volodin A. S., Yudin A. B., Medvedev V. R. Pervaya pomoshch' postradavshim v chrezvychajnyh situacijah: sovremennye mediko-tehnicheskie aspekty i metodologiya obucheniya sposobam eyo okazaniya. *Medicina katastrof*, 2014, no. 1 (85), pp. 41-45.
7. Bazanov S. V. Obuchenie sotrudnikov special'nyh sluzhb, uchastvuyushchih v likvidacii posledstvij dorozhno-transportnyh proisshestvij v Ivanovskoj oblasti, priemam okazaniya pervoj pomoshchi. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, 2012, no. 7, pp. 108.
8. Marchenko D. V. Pravovye osnovy okazaniya pervoj pomoshchi sotrudnikami organov vnutrennih del. *Vestnik Vostochnosibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii*, 2011, no. 1 (56), pp. 46-54.
9. Istomin S. V., Alonova E. A. O problemah obucheniya pravilam okazaniya pervoj pomoshchi. *Ohrana i ehkonomika truda*, 2012, no. 1 (6), pp. 45-48.
10. Shmelyov O. B. Zakonodatel'stvo i metodika obucheniya okazaniyu pervoj pomoshchi licam, postradavshim vo vremya soversheniya terroristicheskikh aktov. *Zakon i parvo*, 2016, no. 8, pp. 34-36.
11. Chumakov B. N., Filippova S. N., Melkadze O.V. Izuchenie discipliny «Osnovy medicinskih znaniy i zdorovogo obraza zhizni» v pedagogicheskikh vuzah. *Biologiya v shkole*, 2018, no. 4, pp. 57-59.
12. Lisihina N. V. Pervaya pomoshch': rabochaya uchebnaya programma discipliny po special'nosti 40.05.01 Pravovoe obespechenie nacional'noj bezopasnosti, specializaciya № 1 «Ugolovno-pravovaya», uzskaya specializaciya «Predvaritel'noe sledstvie v organah vnutrennih del». Krasnoyarsk, 2017. 22 p. URL: https://mvd.rf/upload/site1528/document_file/Methodika/NB/PerPom.pdf
13. Rabochaya programma uchebnoj discipliny «Osnovy pervoj pomoshchi». URL: <https://dv.igps.ru/download/OSNOVI%20PERVOI%20POMOSHI/RP%20OSNOVI%20PERVOI%20POMOSHI.doc>
14. Verbickij A. A. Kompetentnostnyj podhod i teoriya kontekstnogo obucheniya. Materialy k chetvertomu zasedaniyu metodologicheskogo seminaru 16 noyabrya 2004 g. Moscow, 2004. 84 p.
15. Tomakov V. I., Tomakov M. V. Kompetentnosti rezul'tativno-celevaya osnova obucheniya bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti v kontekste deyatel'nostnogo podhoda. *Uspexi sovremennogo estestvoznaniya*, 2007, no.1, pp. 16-19.
16. Tomakov V. I. Teoriya i metodika formirovaniya kompetentnosti budushchego inzhenera, pt. 1. Kursk, 2006, 236 p.
17. Tomakov M. V., Kurochkin V. A., Zubkov M. Eh. Obrazovatel'nye tekhnologii kak ob'ekt sistemnogo issledovaniya. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 2 (35), pp. 162-168.
18. Lomteva T. N., Vendina O. V. Teoretiko-metodologicheskie aspekty proektirovaniya soderzhaniya uchebnoj discipliny na kompetentnostnoj osnove v svete perekhoda na GOS VPO III-go pokoleniya. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 1, pp. 118-125.
19. Tomakov V. I., Tomakov M. V. Integrativnyj podhod kak osnova povysheniya rezul'tativnosti obrazovatel'nogo processa. Kursk, 2018. 101 p.
20. Tomakova R. A., Tomakova I. A., Brezhneva A. N. Integrativnyj obrazovatel'nyj process kak faktor povysheniya kachestva obrazovatel'nogo processa v universitete. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 142-155.
21. Derkach A.A. Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionala. Moscow, Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta Publ.; Voronezh, NPO MODEHK Publ., 2004. 752 p.
22. Slastenin V. A., Isaev I. F., Shivanov E. N. Pedagogika; ed by Slastenin V. A. Moscow, Izdatel'skij centr «Akademija» Publ., 2002. 576 p.

УДК 81 + 801.73

Н. П. Шульгина, канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: nad.schulgina@mail.ru)

К. А. Рудая, преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: ksu1403@mail.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Иностранные граждане, приезжающие для обучения в российских вузах и изучающие русский язык на подготовительных факультетах, проходят процесс адаптации к иносоциуму, имеющему свои культурно-детерминированные реалии, к новому образовательному пространству.

С психолого-педагогических позиций «социальная адаптация – процесс интеграции человека в общество, в результате которого достигается формирование самосознания и ролевого поведения, способности к самоконтролю и самообслуживанию, адекватным связям с окружающими» [13]. Социальная адаптация иностранных граждан предполагает усвоение человеком культуры общества, стиля поведения, норм, отношений. Сюда входит также способность иностранца корректировать среду «под себя», найти в ней свою «нишу», сохраняя способность к нормальной жизнедеятельности.

Актуальность проблемы, обозначенной в названии данной статьи, определяется необходимостью организации в вузе системной и целенаправленной работы по преодолению трудностей социальной адаптации иностранных граждан на этапе начального обучения.

Задача исследования, результаты которого представлены в статье, – выявить и описать реальный круг проблем, с которыми сталкиваются иностранные обучающиеся, определить их влияние на адаптацию иностранцев к образовательному процессу, предложить систему работы по эффективной социализации (на примере конкретного вуза).

Программа исследования включает составление индивидуальной исследовательской стратегии, организацию эмпирического исследования, в ходе которого изучались уровень тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности иностранных обучающихся, проведение экспериментальной работы на базе Международного студенческого клуба «Лица».

В рамках статьи уточняется категориально - понятийный аппарат проблемы и основополагающие для данного исследования понятия «адаптация», «социальная адаптация», «социализация», описывается опыт работы по социальной адаптации иностранных обучающихся, сложившийся на подготовительном факультете Института международного образования Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

Ключевые слова: иностранные граждане; начальный этап обучения; адаптация; социальная адаптация; социализация.

Ссылка для цитирования: Шульгина Н. П., Рудая К. А. Социальная адаптация иностранных граждан на начальном этапе обучения в вузе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 109–116.

Введение

Проблема социальной адаптации иностранных граждан на начальном этапе обучения в вузах России сложна и многогранна: во-первых, инофоны оказываются в новой языковой и социальной среде, во-вторых, приезд в Россию и начало обучения на подготовительном факультете не всегда совпадает с периодом личностной готовности к самостоятельному проживанию в чужой стране, к профессиональному самоопределению; в-третьих, в российских вузах всегда стабильно высокие требования к ответственности и самостоятельности студентов, в том числе ино-

странных. Речь, следовательно, идет о том, что учеба на подготовительном факультете российских вузов включает для иностранцев не только подготовку к получению профессии, но и отношение к целому ряду вопросов социальной и личностной адаптации [1, 2].

Проведенный в рамках исследования комплексный анализ научной литературы позволяет говорить о том, что данная проблема активно изучается в отечественной науке с позиций *социологии* [3, 4]; *социальной психологии* [5], *педагогике* [6, 7]. В последнее время появились аналитические обзоры теоретических и эмпирических результатов проведенных ис-

следований [8, 9]. Особый интерес представляют публикации, подготовленные иностранными студентами под руководством российских преподавателей. В них иностранцы делятся личными впечатлениями о жизни в России и обучении в вузе [10, 11].

В связи с этим возникает противоречие между богатством и разнообразием эмпирических данных, отражающих процесс адаптации иностранных студентов к жизни в России и обучению в российском вузе, и невозможностью в полной мере экстраполировать эти данные на реальный процесс адаптации иностранных студентов к образовательному процессу конкретного вуза, а именно: Института международного образования Юго-Западного государственного университета.

Данное противоречие определило актуальность проблемы и цель исследования: выявить и описать реальный круг проблем, с которыми сталкиваются иностранные обучающиеся на начальном этапе обучения; определить их влияние на адаптацию иностранцев к образовательному процессу конкретного вуза; предложить систему работы по оказанию обучающимся помощи в преодолении личностного и социального дискомфорта.

Категориально – понятийный аппарат проблемы включает основополагающие для данного исследования понятия: «адаптация», «социальная адаптация», «социализация».

Словарь иностранных слов современного русского языка трактует понятие «адаптация» [от лат. *adaptatio* - прилаживание, приноровление] как приспособление организма в целом к изменяющимся условиям существования [12]. Психологический словарь И. М. Кондакова уточняет: адаптация человека имеет два аспекта: биологический и психологический. При этом биологический аспект адаптации – общий для человека и животных – включает приспособление организма (биологического существа) к устойчивым изменяющимся условиям внешней среды [13].

Процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды называется *социальной адаптацией* [14]. В дефиниции новой философской энциклопедии, *социальная адаптация* – вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников [15]. С психолого-педагогических позиций «социальная адаптация – процесс интеграции человека в общество, в результате которого достигается формирование самосознания и ролевого поведения, способности к самоконтролю и самообслуживанию, адекватных связей с окружающими» [16].

Социальную адаптацию относят к основным механизмам *социализации личности*. *Социализация* – процесс интеграции индивида в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение её социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками, позволяющими ему успешно функционировать в обществе [17]. Основными проявлениями социализации личности является взаимодействие человека с окружающими людьми и его активная деятельность.

Социальная адаптация осуществляется путем усвоения представлений о нормах и ценностях данного общества. Важнейшим средством достижения успешной социальной адаптации является образование и воспитание, профессиональная подготовка. Особые трудности социальной адаптации испытывают иностранные граждане, приехавшие на обучение в российские вузы [2].

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что для иностранных граждан начальный этап обучения в российском вузе – это время не только подготовки к получению профессии, но личностной и социальной адаптации в иносоциуме. В этот период складываются личностные отношения с членами землячества и одногруппниками, со студентами, проживающими в общежитии, сотрудниками деканата, преподавателями, комендантами общежития; вы-

рабатывается оптимальный режим труда, досуга и быта; устанавливается система работы по самообразованию и формированию профессионально значимых качеств. Данный процесс проходит легче, быстрее и эффективнее, если в вузе организована системная и целенаправленная работа по изучению психологических особенностей иностранных обучающихся, разработан и реализуется комплекс мероприятий по их психолого-педагогической поддержке.

Результаты и обсуждение

Проведенное эмпирическое исследование и использование его результатов в практической деятельности института международного образования Юго-Западного государственного университета показало, что формирование личности иностранных обучающихся на начальном этапе обучения, развитие их познавательных и созидательных способностей, успешная социализация будут более эффективными, если строить образовательную и воспитательную работу на основе изучения психологических особенностей обучающихся. Программа исследования включала составление индивидуальной исследовательской стратегии, организацию эмпирического исследования, ходе которого изучались уровень тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности иностранных обучающихся, проведение экспериментальной работы на базе Международного студенческого клуба «Лица». Исследование показало, что педагогический коллектив и иностранные обучающиеся ИМО ЮЗГУ в полной мере осознают психолого-педагогические проблемы начального этапа обучения и предлагают конкретные пути и способы их преодоления.

Четкость организации и проведения исследования, значимость его результатов, эффективность методических рекомендаций по организации воспитательной работы на начальном этапе обучения (на подготовительном факультете) обеспечивались реализацией *индивидуальной*

исследовательской стратегии (исследование проводилось в несколько этапов по мере приезда новых иностранцев и формирования учебных групп).

Исследование психологических особенностей иностранных обучающихся традиционно начиналось с наблюдения за особенностями вербального и невербального поведения в условиях реальной деятельности, особенностей выражения мнения, оценки, представления. Наблюдение было несистематическим и осуществлялось в процессе обучения по следующим направлениям: 1) мотивы приезда для обучения именно в Россию, в Курск; 2) уровень общеобразовательной подготовки, характер деятельности до поступления на подфак; 3) степень сформированности умений и навыков самостоятельной работы; 4) характер интересов, увлечений, уровень развития способностей; 5) особенности характера и др. Результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, были использованы в качестве «точки отчета» при создании условий, необходимых для социальной адаптации иностранных граждан. Полученные данные позволили говорить о том, что иностранные обучающиеся в целом проявляют доброжелательность по отношению друг к другу и преподавателям, мотивированы на активное изучение русского языка, с удовольствием участвуют во внеаудиторных мероприятиях. Однако они испытывают физиологические (быстро утомляются и часто болеют простудными и кишечными заболеваниями) и психологические трудности (очень скучают по дому, трудно привыкают к жизни в общежитии и расписанию).

Одной из важных проблем в процессе адаптации иностранных обучающихся является повышенная *тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность*, порой приводящие к психологическому дискомфорту, снижению работоспособности, к трудностям в общении и конфликтам. Названные психологические качества личности исследовались нами посредством использования методики

Г. Айзенка «Диагностика самооценки психических состояний» [18]. В опросе приняло участие 19 иностранцев. Анкетирование показало, что в группах подготовительного факультета ИМО ЮЗГУ в 2017-2018 учебном году:

– респондентов с низким и средним уровнем *тревожности* было поровну (по 47,5 %), что свидетельствует, с одной стороны, о высокой степени психологического комфорта, сопровождающего обучение на факультете, с другой, о допустимом уровне переживаний эмоционального дискомфорта, связанного с ожиданием неблагоприятия. Высокий уровень тревожности, говорящий о реальном неблагоприятии, выявлен у 1 человека (5%).

– 37 % опрошенных показали низкий уровень *фрустрации* (психологического состояния напряженности и тревожности), что позволяет говорить об устойчивости обучающихся к неудачам, отсутствии боязни трудностей или о редких проявлениях отрицательных переживаний, разочарований, раздражительности. У 58 % – средний уровень фрустрации, что было рассмотрено нами как возможное наличие у этой части обучающихся состояния напряженности и тревожности. Высокий уровень фрустрации, предполагающий низкую самооценку, боязнь трудностей и неудач, выявлен у 5%.

– у 58 % иностранцев наблюдался средний уровень *агрессивности*, что в целом говорило о их достаточно толерантном отношении к другим людям. По 21 % соответственно низкий и высокий уровень;

– высокий уровень *ригидности* (неготовности к изменениям программы действия в соответствии с новыми ситуационными требованиями) выявлен у 16% принявших участие в исследовании, низкий – у 5%. Таким образом, ригидность отсутствует только у одного обучающегося. Пятнадцать иностранцев легко «переключаются» с одной деятельности на

другую, легко меняют свое поведение и взгляды. Для трех человек с сильно выраженной ригидностью характерна неизменность поведения, убеждений, взглядов, даже если они расходятся, не соответствуют реальной обстановке, жизни.

Использование методики «Самооценка психологической адаптивности» [18] позволило сделать вывод о том, что у большинства обучающихся в 2017-2018 учебном году на подфаке ИМО ЮЗГУ высокий уровень адаптивности (высокая мотивация к учебе, высокая самооценка, в целом отсутствие проблем межличностного общения).

Как уже было сказано выше, программа исследования включала не только этап психолого-педагогического изучения уровня тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности иностранных обучающихся, но планирование и организацию их психолого-педагогической поддержки. Экспериментальная работа проводилась на базе Международного студенческого клуба «Лица» ИМО ЮЗГУ.

Основной целью работы студенческого клуба является оказание иностранным студентам психолого-педагогической помощи в процессе социальной адаптации на начальном этапе обучения в вузе. Названная цель определила необходимость решения комплекса актуализированных задач: 1) ознакомление иностранцев с Уставом ЮЗГУ, правилами проживания в общежитии, спецификой обучения на факультете и в вузе, со студенческим городком; 2) оказание иностранцам индивидуальной помощи и поддержки при вхождении в коллектив учебной группы, ознакомлении с групповой культурой; 3) развитие навыков взаимодействия с одногруппниками, студентами, проживающими в общежитии, сотрудниками общежития и деканата, преподавателями; 4) формирование личностной позиции по актуальным вопросам студенческой жизни, умений самостоятельно решать возникающие вопросы и

проблемы; 5) включение иностранных обучающихся во внеаудиторную деятельность вуза.

Алгоритм работы студенческого клуба предусматривал еженедельный (по понедельникам) сбор команды клуба для обсуждения сценария предстоящего мероприятия, назначения ответственных за проведение мероприятия (из числа исполнителей), определения конкретного задания для каждого из волонтеров, участвующих в мероприятии.

Так, план работы Международного студенческого клуба «Лица» на 2017-2018 учебный год включал систему взаимосвязанных и целенаправленных мероприятий: I полугодие – Opening Ceremony. Campus Tour (in English); City Tour (in English); Russian Cuisine (cooking in Dorm); Campus Tour (in English) for newcomers; City Tour (in English) for newcomers; Russian Phonetics (one-to-one meetings) и др.; II полугодие – фестиваль русской кухни, экскурсию в Прохоровку, спортивные игры на природе, экскурсию «Лес весной» и др.

Выводы

Подводя итог сказанному, еще раз подчеркнем, социальная адаптация – основной механизм социализации личности, в том числе личности иностранных граждан, начинающих обучение в российских вузах. Она осуществляется посредством изучения иностранцами особенностей языка, культуры и традиций страны, в которой они живут и учатся. Показателем успешной социализации инофона является его ощущение личностного комфорта, отсутствие конфликтов с окружающими, успешное обучение, активное участие в кафедральных и общефакультетских мероприятиях.

Вместе с тем процесс социализации становится успешнее при условии организации в вузе системной и целенаправленной работы по изучению психологических особенностей иностранных обу-

чающихся, реализации комплекса мероприятий по их психолого-педагогической поддержке.

Отсюда естественно, что презентуемое исследование было подчинено ответу на три вопроса: 1) что представляет собой процесс социализации иностранных граждан на начальном этапе обучения в российском вузе; 2) каков реальный круг проблем, с которыми сталкиваются иностранные обучающиеся, каково их влияние на адаптацию иностранцев к иносоциуму и образовательному процессу вуза; 3) на какой методической базе может быть реализована эффективная социализация (на примере конкретного вуза).

Исследование проводилось на базе института международного образования ЮЗГУ (Курск), в нем принимали участие иностранные граждане, обучавшиеся на подготовительном факультете ИМО ЮЗГУ в 2017-2018 учебном году. Центром экспериментальной работы стал Международный студенческий клуб «Лица».

Проектирование работы по социализации иностранных обучающихся осуществлялось с использованием результатов эмпирического исследования (бесед, наблюдений, анкетирования и др.). Нас интересовали мотивы приезда в Россию (в Курск); уровень общеобразовательной подготовки, характер деятельности до поступления на подготовительный факультет; степень сформированности умений и навыков самостоятельной работы; характер интересов, увлечений, уровень развития способностей; состояние здоровья; уровень тревожности, фрустрации, агрессивности и регидности. Результаты, полученные в ходе исследования, были использованы в качестве «точки отчета» при подготовке плана воспитательной работы на подготовительном факультете и в общежитии.

Полученные данные позволили сделать вывод о том, что и студенты, и преподаватели конкретного вуза достаточно

ясно осознают психолого-педагогические проблемы иностранных обучающихся и видят пути и способы их преодоления.

Последнее рассматривается нами как необходимое условие дальнейшего совершенствования процесса адаптации иностранных граждан в образовательной среде российского вуза.

Материалы исследования и его результаты представляют определенную теоретическую и практическую ценность и позволяют более осознанно и целенаправленно проектировать и выстраивать социально-воспитательную среду университета.

Список литературы

1. Shulgina N.P. Occupational self-guidance of high school students: psychological and pedagogical // Occupational self-guidance of high school students: psychological and pedagogical aspect. *Advances in Environmental Biology*. August 2014. 8 (13). P. 429-432.

2. Шульгина Н. П. Активизация когнитивной деятельности студентов как условие формирования конкурентоспособных специалистов (на примере курса РКИ). Курск, 2016. 114 с.

3. Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 8 (1). С. 284–288.

4. Лондаджим Т. Социокультурная адаптация иностранных студентов, обучающихся в российских вузах: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2012. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-inostrannykh-studentov-obuchayushchikhsya-v-rossiiskikh-vuzakh#ixzz3pNWoTu4P>.

5. Иванова М. И. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России: дис.

... д-ра психол. наук. СПб.: СПбГТУ, 2001.

6. Родонова С. Ю. Педагогические условия социальной адаптации иностранных студентов-стажеров к обучению на гуманитарном факультете российского вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2002. 156 с.

7. Беккер И. Л., Иванчин С. А. Проблемы адаптации иностранных студентов к образовательному процессу российского вуза (на примере Пензенского государственного университета) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Педагогика*. 2015. №4 (36). С. 247-257.

8. Вадутова Ф.А. Оценка и прогнозирование адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // *Вестник ТГПУ*. 2010. № 12. С. 123–126.

9. Дрожжина Д. С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии: Эмпирические исследования // *Universitas*. 2013. Т. 1, № 3. С. 33–47.

10. Бабаджанова Н. С. Межкультурное взаимодействие как фактор социализации иностранных студентов // *Межкультурная коммуникация в современном мире: материалы III межвуз. науч.-практ. конф. иностранных студентов*. Пенза: ПГУ, 2014. С. 106–110.

11. Дорожкин Ю. Н. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // *Социологические исследования*. 2007. № 3. С. 73–77.12.

12. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. Изд-во Аделант, 2014. 800 с.

13. Кондаков И.М. Психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 512 с.

14. Степанов С. С. Популярная психологическая энциклопедия. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. 672 с.

15. Огурцов А. П. Новая философская энциклопедия / научно.-ред. совет:

В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2000. Т. 1–4. 2659 с.

16. Психологический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/> 1719.

17. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь / сост.

и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.

18. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. М.: Бахрах-М, 2011. 672 с.

Поступила в редакцию 15.03.19

UDC 81 + 801.73

N. P. Shulgina, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: nad.schulgina@mail.ru)

K. A. Rudaia, Lecturer, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: ksu1403@mail.ru)

SOCIAL ADAPTATION OF FOREIGN CITIZENS AT THE PREPARATORY STAGE OF EDUCATION AT THE UNIVERSITY

Foreign citizens who come to study at Russian universities and study Russian at preparatory faculties undergo the process of adaptation to the foreign society which has its own cultural and deterministic realities, to the new educational space.

From psychological and pedagogical positions "social adaptation is the process of integration of a person into society, as a result of which the formation of self-consciousness and role behavior, ability to self-control and self-service, adequate connections with others are achieved" [28]. Social adaptation of foreign citizens involves the assimilation of human culture of society, style of behavior, norms and relations. This also includes the ability of a person to adjust the environment "for himself/herself", to find his/her "niche" in it, while maintaining the ability to normal life.

The urgency of the problem marked in the title of the article is determined by the need to organize a systematic and purposeful work to overcome the difficulties of social adaptation of foreign citizens during their studies at the initial stage.

The aim of the study the results of which are presented in the article is to identify and describe the real range of problems faced by foreign students, to determine their impact on the adaptation of students to the educational process of the University, to offer a system of to offer a system of effective socialization (the case of the University).

The research program includes the preparation of an individual research strategy, the organization of empirical research which studied the level of anxiety, frustration, aggressiveness and rigidity of foreign students, conducting experimental work on the basis of the International Student Club "Faces".

The article clarifies the categorical-conceptual apparatus of the problem, and the basic concepts for this research "adaptation", "social adaptation", "socialization", describes the experience of social adaptation of foreign students, formed at the preparatory faculty of the Institute of International Education of Southwest State University (Kursk).

Key words: foreign citizens; initial stage of study process; adaptation; social adaptation; socialization.

For citation: Shulgina N. P., Rudaia K. A. Social adaptation of foreign citizens at the preparatory stage of education at the university. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 109–116 (in Russ.).

References

1. Shulgina N. P. Occupational self-guidance of high school students: psychological and pedagogical. Occupational self-guidance of high school students: psychological and pedagogical aspect. *Advances in*

Environmental Biology. 8 (13) August 2014. P. 429–432.

2. Shul'gina N. P. Aktivizaciya kognitivnoj deyatel'nosti studentov kak uslovie formirovaniya konkurentosposobnyh specialistov (na primere kursa RKI). Kursk, 2016. 114 p.

3. Krivcova I. O. Sociokul'turnaya adaptaciya inostrannyh studentov k obrazovatel'noj srede rossijskogo vuza (na primere Voronezhskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii im. N. N. Burdenko). *Fundamental'nye issledovaniya*, 2011, no. 8 (1), pp. 284–288.
4. Londadzhim T. Sociokul'turnaya adaptaciya inostrannyh studentov, obuchayushchihся v rossijskih vuzah. Avtoref. dis. kand. sociol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2012. URL: <http://www.disser-cat.com/content/sotsiokulturnaya-adapta-tsiya-inostrannykh-studentov-obuchayu-shchikhsya-v-rossiiskikh-vuzakh#ixzz3p NWoTu4P>.
5. Ivanova M. I. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya inostrannyh studentov k vysshej shkole Rossii. Diss. d-ra psihol. nauk. St. Petersburg, 2001.
6. Rodonova S. Yu. Pedagogicheskie usloviya social'noj adaptacii inostrannyh studentov-stazherov k obucheniyu na gumanitarnom fakul'tete rossijskogo vuza. Avtoref. diss. kand. ped. nauk. Yaroslavl', 2002. 156 p.
7. Bekker I. L., Ivanchin S. A. Problemy adaptacii inostrannyh studentov k obrazovatel'nomu processu rossijsko-go vuza (na primere Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta). *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. Pedagogika*, 2015, no. 4 (36), pp. 247–257.
8. Vadutova F.A. Ocenka i prognozirovanie adaptacii inostrannyh studentov k usloviyam obucheniya v rossijskih vuzah. *Vestnik TGPU*, 2010, no. 12, pp. 123–126.
9. Drozhzhina D. S. Izuchenie adaptacii inostrannyh studentov: diskussiya o metodologii: Ehmpiricheskie issledovaniya. *Universitas*, 2013, vol. 1, no. 3, pp. 33–47.
10. Babadzhanova N. S. Mezhhkul'turnoe vzaimodejstvie kak faktor socializacii inostrannyh studentov. Mezhhkul'turnaya kommunikaciya v sovremennom mire. Materialy III mezhvuz. nauch.-prakt. konf. inostrannyh studentov. Penza, PGU Publ., 2014, pp. 106–110.
11. Dorozhkin Yu. N. Problemy social'noj adaptacii inostrannyh studentov. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2007, no. 3, pp. 73–77.
12. Egorova T. V. Slovar' inostrannyh slov sovremennogo russkogo yazyka. Adelant Publ., 2014. 800 p.
13. Kondakov I. M. Psihologicheskij slovar'. St. Petersburg, Prajm-Evroznak Publ., 2003. 512 p.
14. Stepanov S. S. Populyarnaya psihologicheskaya ehnciklopediya. Moscow, Ehksmo Publ., 2005. 672 p.
15. Ogurcov A. P. Novaya filosofskaya ehnciklopediya; ed. by V. S. Styopin, A. A. Gusejnov, G. Yu. Semigin, A. P. Ogurcov. Moscow, Mysl' Publ., 2000, vol. 1–4. 2659 p.
16. Psihologicheskij slovar'. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/1719>.
17. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. Bol'shoj psihologicheskij slovar'; ed. by B. Meshcheryakov, V. Zinchenko. St. Petersburg, prajm-EVROZNAK Publ., 2004. 672 p.
18. Rajgorodskij D.Ya. Prakticheskaya psihodiagnostika Metodiki i testy. Moscow, Bahrah-M Publ., 2011. 672 p.

УДК 372.8881.161.1

И. О. Амелина, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: amelina.i.o@yandex.ru)

ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ПРИЕМ НА РАБОТУ» НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Статья посвящена раскрытию особенностей развития профессионально-коммуникативной компетенции специалиста в сфере делового общения при изучении актуальной для данной сферы темы трудоустройства. Основными задачами обучения представлены развитие языковой и социокультурной компетенций иностранных учащихся, активизация их речемыслительной деятельности, формирование умений в самопрезентации средствами русского языка, расширение знаний о формулах русского делового этикета, упорочение навыков составления деловых документов.

Показана перспективность применения аудиовизуальных медиаресурсов, а именно оригинальных телесериалов, в качестве дидактических средств, придающих образовательному контенту большую наглядность для его лучшего усвоения, обеспечивающих тем самым повышение эффективности процесса обучения. Значимость образовательного потенциала указанных средств раскрывается в следующих свойствах: в совмещении визуального и слухового каналов передачи информации, что интенсифицирует ее воздействие на учащегося, стимулируя запоминание материала; в интеграции содержательных аспектов курса РКИ с предметными областями профильных дисциплин; в ярком представлении лингвострановедческой и лингвокультурной информации; в воздействии на чувства и эмоции учащихся через зрительно-слуховые образы, сюжетные линии; в раскрытии определенной проблемной ситуации, что стимулирует развертывание дискуссий и развитие познавательной мотивации учащихся.

В статье приводится пример организации в курсе вузовской дисциплины РКИ поэтапной работы по теме «Устройство на работу. Собеседование» с использованием фрагментов отечественных телесериалов в рамках трех последовательных этапов: преддемонстрационного, демонстрационного и постдемонстрационного. Среди анализируемых типов заданий и упражнений, предлагаемых студентам, особое внимание уделяется кейсовому заданию как способствующему активизации когнитивной деятельности на занятии и развитию целой системы профессиональных навыков, необходимых будущему специалисту для осуществления деловых контактов.

Ключевые слова: профессионально-коммуникативная компетенция; русский язык как иностранный; деловое общение; аудиовизуальные медиаресурсы; кейс-технология.

Ссылка для цитирования: Амелина И. О. Обучение деловой коммуникации при изучении темы «Прием на работу» на занятиях по РКИ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 117–127.

Введение

Подготовка высококвалифицированного специалиста в рамках высшего образования включает как освоение предметных знаний, так и развитие навыков делового общения, необходимых для организации взаимодействия с коллегами, партнерами, клиентами. Важным этапом профессионального пути каждого человека становится процесс получения определенной должности, в этой связи тема устройства на работу, собеседования при приеме на работу отличается особой актуальностью для будущих выпускников образовательных учреждений.

При обучении иностранных граждан в вузах РФ данная тема находит отражение в учебном курсе «Русский язык как иностранный». Целью занятия является

актуализация знаний о речевом поведении участников данного коммуникативного акта и формирование у них соответствующих умений и навыков. Данную цель конкретизируют следующие многоплановые образовательные задачи:

- развитие языковой компетенции: овладение лексикой, связанной с ситуацией собеседования, со спецификой будущей профессиональной деятельности;
- активизация речемыслительной деятельности, развитие креативности, навыков принятия решений в условиях конкретных коммуникативных ситуаций;
- формирование умений в самопрезентации средствами русского языка, запросе, сообщении актуальных данных о работе, профессиональном опыте;
- расширение знаний о формулах русского делового этикета;

- развитие навыков составления деловых документов, в частности резюме;
- развитие социокультурной компетенции, знакомство с традициями русской деловой культуры.

Для придания образовательному контенту большей наглядности и убедительности, для повышения эффективности процесса иноязычного обучения методикой РКИ все активнее применяются в качестве дидактических средств аудиовизуальные медиаресурсы. В свою очередь среди разнообразных медиаресурсов особой популярностью закономерно пользуются аутентичные аудиовидеоматериалы, в том числе оригинальные художественные фильмы и телесериалы. Влияние этих произведений искусства на массового адресата и каждого человека значительно, потому что визуальная и аудиовизуальная (экранная) медиакультура приобретает сегодня характер доминирующей медиасреды: благодаря широкомасштабному охвату фрагмента действительности экран выступает важным средством приобщения человека к миру современной культуры, способствует социализации, формированию жизненных позиций аудитории [1, с. 190].

Главенствующая коммуникативная методика в обучении РКИ, установка на приобщение иностранных студентов к культуре носителей изучаемого языка, нашедшие отражение в известном приказе №255 Минобра РФ от 01.04.2014 г. «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним» (в частности, формирование способности «понимать диалоги и коммуникативные намерения говорящих, радионовости, рекламные объявления, диалоги из художественных фильмов и телевизионных передач» как одно из требований ТРКИ-II/B2 [2]), определяют актуальность обращения к киноматериалам как средству обучения, «как ценному источнику лингвистической и экстралингвистической информации» [3, с. 43].

Художественные фильмы представляются дидактически ценными в силу следующих своих характеристик:

- *аутентичности* (приближение к реальной речевой среде, речевому узусу русского языка конкретного времени в типичных коммуникативных ситуациях с разнообразными участниками);
- *визуальности* (создание наглядного образа речи говорящего-носителя);
- *интегативности* (возможность объединения в лингвообразовательном процессе предметных областей различных дисциплин) [4, с. 11];
- *инфлуентальности* (воздействующий характер, благодаря которому посредством зрительно-слуховых образов, наличию сюжета, представлению героев с общечеловеческими заботами и проблемами учащиеся вовлекаются в действие фильма, начинают сопереживать воспринимаемой информации [5, с. 75]. «С помощью коммуникативных средств: слов, формул обращения, стереотипов речевого поведения, включающего фонационные и кинестетические средства невербальной коммуникации, – у зрителей создается эффект присутствия» [6, с. 135];
- *ситуативности* и *проблемности* (инициация дискуссий) [7, с. 720].

Благодаря указанным свойствам художественные кино- и телефильмы представляют прекрасный содержательно-тематический источник для развития профессионально-коммуникативной компетенции инофонов. Важными критериями, которым должны удовлетворять отбираемые в дидактических целях видеофрагменты, являются актуальность их содержания и типичность представленных ситуаций для будущей профессиональной деятельности обучающихся, конфликтность и многоплановость, стимулирующие дискуссии и развитие аналитического мышления.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим пример организации занятия по теме «Устройство на работу. Собеседование» с использованием фрагментов отечественных телесериалов («Не родись красивой», «Не было бы счастья» и «Папа для Софии») как средства обуче-

ния. Система работы в рамках выбранной темы с аудиовизуальными медиаресурсами на занятии по РКИ включает следующие последовательные этапы: *преддемонстрационный, демонстрационный и постдемонстрационный* [8, с. 85].

Преддемонстрационный этап призван снять языковые и социокультурные трудности при восприятии видеофрагмента, подготовить учащихся к выполнению заданий последующих этапов. Студенты расширяют свой вокабуляр тематической лексикой и выполняют упражнения на ее отработку. Важную часть тематической лексики составляют термины, профессиональные слова экономической сферы деятельности, а также устойчивые языковые модели, поскольку они являются отличительной особенностью профессиональной речи [9, с. 15], а также соответствуют нормам официально-делового стиля речи [10, с. 57].

денты расширяют свой вокабуляр тематической лексикой и выполняют упражнения на ее отработку. Важную часть тематической лексики составляют термины, профессиональные слова экономической сферы деятельности, а также устойчивые языковые модели, поскольку они являются отличительной особенностью профессиональной речи [9, с. 15], а также соответствуют нормам официально-делового стиля речи [10, с. 57].

Задание 1. Познакомьтесь с актуальной лексикой

Русский	English	French	Spanish
исполнять	<i>execute, perform</i>	<i>exécuter</i>	<i>cumplir</i>
обязанности	<i>duties</i>	<i>fonctions</i>	<i>deberes</i>
впечатлять	<i>impress</i>	<i>impressionner</i>	<i>impresionar</i>
подготовка	<i>preparation</i>	<i>entraînement</i>	<i>capacitación</i>
опыт	<i>experience</i>	<i>expérience</i>	<i>experiencia</i>
производственный	<i>industrial</i>	<i>industrie</i>	<i>fabricación</i>
доступный	<i>available</i>	<i>accessible</i>	<i>disponible</i>
отслеживать	<i>track</i>	<i>suivre, être au courant</i>	<i>seguir, acechar</i>
собирать	<i>collect</i>	<i>recueillir</i>	<i>recolectar</i>
претендовать	<i>aspire, claim</i>	<i>prétendre</i>	<i>optar, reclamar</i>
сарафанное радио	<i>word of mouth</i>	<i>bouche à oreille</i>	<i>palabra de boca</i>
принять на работу	<i>to hire</i>	<i>recruter</i>	<i>para reclutar</i>
волчий билет	<i>wolf ticket</i>	<i>billet de loup</i>	<i>billete de lobo</i>
одиозный	<i>odious</i>	<i>odieux</i>	<i>odioso</i>
девочка / мальчик на побегушках	<i>errand girl / boy</i>	<i>galopin</i>	<i>chico para los recados</i>
ИП (индивидуальный предприниматель)	<i>individual entrepreneur</i>	<i>entrepreneur individuel</i>	<i>empresario individual</i>
испытательный срок	<i>trial period, probation</i>	<i>probation</i>	<i>período de prueba</i>
карьерной рост	<i>career growth</i>	<i>la croissance de carrière</i>	<i>crecimiento de la carrera</i>
ладить с кем-то	<i>get along with</i>	<i>bien s'entendre</i>	<i>hacer buenas migas (con)</i>
любить и жаловать	<i>make someone feel welcome</i>	<i>aimer et estimer</i>	<i>amar y apreciar</i>
прогул	<i>absence</i>	<i>absentéisme</i>	<i>absentismo</i>
репутация	<i>reputation</i>	<i>réputation</i>	<i>reputación</i>
штраф	<i>fine</i>	<i>amende</i>	<i>multa</i>
кадры	<i>personnel</i>	<i>personnel</i>	<i>personal</i>
вне рабочее время	<i>after hours</i>	<i>après les heures</i>	<i>fuera de horas</i>

Задание 2. Соотнесите слово / словосочетание с нужным определением

Слово / словосочетание	Определение
испытательный срок	а. расширение области своего влияния в работе, получение более высоких должностей
карьерный рост	б. вид наказания; денежное взыскание, как правило, в пользу государства, назначаемое за совершение проступка
любить и жаловать	в. предъявлять требования, права на обладание чем-либо
претендовать	г. оказывать внимание, уважать
прогул	д. неформальные формы и способы передачи устной информации о товаре от потребителя к потребителю
сарафанное радио	е. неявка на работу без уважительных причин в течение всего рабочего дня
штраф	ж. срок работы нового сотрудника, который дает возможность работодателю проверить, подходит ли работник для работы

Задание 3. Соотнесите слова из 1-ой колонки со словами, имеющими противоположное значение, из 2-ой колонки.

отслеживать	желательный
ладить с кем-то	увольнение
претендовать	игнорировать
сарафанное радио	руководитель
любить и жаловать	враждовать
штраф	официальная
одиозный	информация
карьерный рост	работа по договору
девочка / мальчик	ужаснуть
на побегушках	ненавидеть
испытательный срок	награда

Демонстрационный этап нацелен на развитие языковой, речевой и социокультурной компетенций учащихся, расширение их страноведческих знаний, совершенствование навыков аудирования и говорения [11, с. 88]. Студенты знакомятся с содержанием видеофрагментов и выполняют задания на поиск необходимой информации: отвечают на предложенные вопросы, заполняют пропуски слов в приведенных высказываниях, исправляют ошибки в скрипте видеофрагмента, определяют, кто из персонажей произносит приведенные реплики.

Задание 4. Посмотрите Фрагмент 1. «"Не родись красивой" – прием на работу» и определите, кому принадлежит реплика:

Павел Олегович
Андрей Павлович
Екатерина Пушкарёва
Кира Юрьевна

- Здравствуйте, а где Вика?
- Очень приятно. Проходите, пожалуйста. Садитесь. Чай, кофе?
- Ваше резюме впечатляет.
- Я могу отслеживать банковские документы, систематизировать их, собирать информацию о продажах, о запасах, о всех новостях, что касается рынка, собранную информацию анализировать ...
- Да, я под его началом проработала год. В банк меня рекомендовал ректор университета сразу после окончания.
- Виктория училась в МГИМО, она прекрасно ладит с людьми, у нее есть все данные для этой профессии.
- Я тоже не умею. Нам необходимо время для принятия решения.
- А что вы знаете о нашем бизнесе?
- Я знаю, что у вас самые большие показатели в области производства готового платья, что вы участвуете в крупнейших международных выставках и что вы шьете по заказам крупнейших европейских брендов. Я знаю ваш актив, производственную базу.
- Она опаздывает или, как это говорится, задерживается.

Задание 5. Во время просмотра Фрагмента 2. «"Не было бы счастья" – отказ» заполните пропуски слов в репликах персонажей. Выразительно прочитайте текст видеофрагмента.

- Алёна Леонидовна, 1) _____ у Вас впечатляющее, ничего не могу сказать, но мы не можем Вас взять.
- Но я могу претендовать на более низкую 2) _____.
- Дело не в этом. Понимаете, если бы я руководствовался только данными резюме, личным впечатлением, меня не держали бы на этой работе, поэтому мы 3) _____, собираем данные сарафанного радио, так сказать.
- И что же говорит сарафанное радио обо мне?
- А Вы хотите, чтобы я это озвучил?
- Вы, наверно, знакомы с Солодовниковым Николаем Николаевичем?
- К сожалению, Алёна Леонидовна, мы не можем Вас 4) _____ на работу.
- А давайте напрямик, у меня волчий билет. Я седьмой раз прихожу в компанию и меня не принимают на работу.
- Лично мне вы глубоко симпатичны, Алёна Леонидовна. Просто понимаете, серьезные компании, они оберегают свою 5) _____ от излишне одиозных, я бы так сказал, работников.
- Я хороший работник.
- Верю, верю! Попробуйте сектор более 6) _____ фирм.
- Спасибо.

Задание 6. Посмотрите Фрагмент 3. «"Папа для Софии" – устройство на работу» и ответьте на вопросы.

- Где находится головной офис компании?
- Знает ли девушка английский язык?
- Каков карьерный рост на предыдущей работе у девушки?
- Даёт ли начальник девушке шанс? Какой?
- Каково завершение собеседования?

Задание 7. Посмотрите Фрагмент 4. «"Папа для Софии" – первый рабочий день» и исправьте ошибки в предложениях.

- О, наша молодая поросль, Варвара Куликова. Как дела?

Варвара Сергеевна – наш новый экономист.

Вот твоё рабочее расписание.

Посторонние разговоры и личные проблемы только во вне рабочее время.

За задержку на работу на 10 минут – штраф.

Достаточно, меня интересуют только те объяснения, которые подтверждены, так сказать, документом из травмпункта, в остальных случаях – прогул.

И подготовьте, пожалуйста, отчёт о проделанной работе к совещанию по проекту.

Постдемонстрационный ставит своей задачей закрепление актуального грамматического материала, совершенствование навыков аналитической обработки информации источников, говорения, устного и письменного оформления результатов мыслительной деятельности. Студентам предлагаются задания различного характера: трансформационное упражнение, ролевая игра, кейс, задание на составление делового документа (резюме). Дидактический акцент ставится на моделировании профессиональных ситуаций, в условиях которых учащиеся смогут принимать самостоятельные решения, отрабатывая коммуникативные и поведенческие навыки.

Значимым заданием на данном этапе становится кейс, благодаря которому организуется активная когнитивная деятельность на занятии [12, с. 206] и развивается целая система навыков, необходимых профессионалу для осуществления деловых контактов:

– *аналитические* (исследовать, классифицировать, выделять главное и второстепенное, мыслить логично),

– *практические* (теоретически находить в проблемных ситуациях решение для практической профессиональной деятельности),

– *творческие* (находить альтернативные решения, к которым нельзя прийти логическим путем),

– *коммуникативные* (уметь убеждать, вести дискуссию; использовать наглядный материал, схемы, таблицы, отстаивать свою точку зрения),

– *социальные* (оценивать поведение людей, уметь слушать, поддерживать

единомышленника в дискуссии или аргументировать противоположное мнение, осуществлять самоанализ и самоконтроль, уметь при наличии своего мнения учитывать позиции других членов дискуссии) [13, с. 73].

Успешность выполнения кейсового задания зависит от результативности работы учащихся на всех стадиях занятия, в рамках которых они усвоили актуальный языковой и речевой материал и познакомились с ситуациями видеофрагментов. Непосредственная работа с кейсом выстраивается следующим образом:

1) знакомство с ситуацией и определение ролей, задач, требующих решения (студенты смотрят видеофрагмент, читают описание кейса, задают проблемные вопросы, ответы на которые помогут в нахождении положительного разрешения сложной ситуации);

2) обсуждение ситуации, выдвижение вариантов решения проблем, их оценка (в процессе «мозговой атаки» студенты высказывают идеи в отношении каждого проблемного вопроса, анализируют их эффективность и целесообразность);

3) оформление и презентация результатов (студенты делятся на группы, каждая из которых в форме ролевой игры представляет свое решение кейса);

4) подведение итогов (после прослушивания выступления каждой группы студенты оценивают презентации с точки зрения приемлемости, оригинальности предлагаемого развития кейса; преподаватель дополняет оценку характеристикой композиционной структуры проду-

цируемого высказывания, соответствия использованных вербальных средств нормам современного русского языка) [14, с. 101].

Задание 8. В предложениях замените конструкции с «который /ая / ое / ые» причастным оборотом.

Пример: *Это мой сын Андрей Павлович, который исполняет обязанности президента.* – *Это мой сын Андрей Павлович, исполняющий обязанности президента.*

1. Я работала в банке, который мне рекомендовал ректор университета.

2. Я могу анализировать информацию, которую собрала на экономических ресурсах.

3. Мы наводим справки, которые собираем не только официальными путями.

4. Серьёзные компании, которые оберегают свою репутацию, тщательно подбирают сотрудников.

5. Сотрудники, которые работают в головном офисе, хорошо разбираются в бухгалтерии.

6. Справка – это документ, который выдают в больнице.

7. Коллега, который показал мне рабочее место, был очень дружелюбным.

8. На совещании по кадрам, которое проходило в этот день, обсуждали прогулы сотрудников.

Задание 9. Ситуация: представьте нового сотрудника коллегам.

Задание 10. Кейс

Ситуация	Компания нанимает нового сотрудника на должность специалиста по продажам. Претендент хочет произвести хорошее впечатление и получить должность.
Вопросы для дискуссии	Какие вопросы задают на собеседовании? Что учитывают руководители при приеме на работу нового сотрудника? Как претендент может описать свой опыт работы?
Представление материала	После дискуссии учащиеся выбирают предпочтительные им варианты ответов и представляют свою версию беседы на собеседовании между претендентом и комиссией

Задание 11. Ознакомьтесь с текстом резюме и составьте своё собственное.

Резюме

Кроули Эшли

Родилась в г. Лондоне, Великобритания, 2 декабря 1988 г.

Домашний адрес:
305002, г. Курск,
ул. Ленина, д. 10, кв. 7
тел. (4712) 45-72-33

Адрес учебного заведения:
Юго-Западный государственный
университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
тел. (4712) 56-11-75

Наименование вакансии: менеджер по работе с клиентами в ОАО «Инвест».

Основная информация:

Юго-Западный государственный университет, 5 курс, факультет экономики и менеджмента, студентка очной формы обучения – сентябрь 2013 г. по наст. время.

Школа Святого Павла, Лондон – 2002–2013 гг.

Дополнительная информация:

Дипломная специализация – менеджмент.

Прочая информация:

Владею английским языком (читаю, перевожу, говорю).

Владею компьютером на уровне опытного пользователя, свободно работаю с программами MS-Office, MS-Excel.

Интересы, склонности:

Увлекаюсь живописью.

Много читаю (зарубежная литература).

Иная вспомогательная информация:

Коммуникабельна, корректна, пунктуальна, исполнительна. К порученному делу отношусь ответственно.

Рекомендации:

Имеется рекомендация декана факультета экономики и менеджмента и может быть предъявлена при необходимости.

10.01.2019 г.

_____ / Кроули /

Выводы

Эффективность лингвообразовательного процесса зависит от организации работы с аудиовизуальными медиаресурсами. Во-первых, должны быть отобраны подходящие аудиовидеисточники, отвечающие определенным критериям. При этом для использования в курсе деловой коммуникации в художественном фильме / телесериале должны быть выделены конкретные эпизоды с релевантными коммуникативными ситуациями продолжительностью 2-6 минут, и несколько таких видеосюжетов рекомендуется включать в содержательный состав конкретной темы для более полного ее представления. Во-вторых, должна быть предложена логически обусловленная система заданий к используемому материалу, которая будет доступна преподавателю для адаптации в

зависимости от формы обучения, образовательных целей занятия.

Итак, при обучении инофоном русскому языку как средству делового общения актуальным содержательным компонентом курса является тема устройства на работу. Для эффективного освоения данной темы дидактически перспективным представляется применение аудиовизуальных медиаресурсов, системная работа с которыми позволяет расширить запас актуальной лексики, предоставить лингвокультурную информацию о стране изучаемого языка, речеповеденческих моделях взаимодействия русских деловых людей, раскрыть особенности речевого поведения носителей русского языка в условиях деловых контактов, что способствует становлению высококвалифицированного специалиста, компетентного в самопрезентации и саморазвитии на своем профессиональном пути.

Список литературы

1. Чельшева И. В. Произведения аудиовизуальной медиакультуры на материале телевидения: подходы к медиареальности // *Crede Experto: Транспорт, Общество, Образование, Язык*. 2016. №3. С. 189-197.
2. Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним: приказ Министерства образования и науки РФ от 1 апреля 2014 г. N 255. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70679090/paragraph/57:1> (дата обращения 15.12.2018).
3. Николенко Е. Ю., Иванова О. В. Система работы с художественным фильмом на уроках РКИ // *Русский язык за рубежом*. 2013. № 4 (239). С. 43-52.
4. Абдрахманова И. Э. Совершенство русской речи иностранных студентов на основе восприятия российской аудиовизуальной культуры: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 2010. 43 с.
5. Бегийович О. С. Кино в обучении иностранным языкам // *Вестник ЮУрГУ*. Серия: Лингвистика. 2009. №2 (135). С. 75-77.
6. Николенко Е. Ю. Медиа-текст как средство обучения аудированию и говорению на русском языке // *Stephanos*. 2016. № 5 (19). С. 135-140.
7. Степанова Н. С., Ковалева Т. В. Использование детского юмористического киножурнала «Ералаш» и цикла мультфильмов «Мультфильмы-Россия» («Мы живем в России») при обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе // II Международный конгресс преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность», III Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан» (20-21 сентября 2018, Москва): сб. ст. / отв. ред.: М. Н. Русецкая, Е. В. Колтакова. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 720–724.
8. Романова Н. Н., Амелина И. О., Черкашина Т. Т. Оптимизация работы с аутентичными аудиовидеоматериалами на занятиях по русскому языку как иностранному // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8, № 2(27). С. 83–92.
9. Гойхман О. Я. Особенности профессиональной речевой коммуникации в СМИ // *Медиалингвистика: IV Международный научно-практический семинар: сборник статей / под ред. Л. Р. Дускаевой, отв. редактор Н.С. Цветова*. СПб., 2015. С. 14–17.
10. *Русский язык и культура речи: учебник / под ред. О. Я. Гойхмана*. М.: ИНФРА-М, 2009. 240 с.
11. Романова Н. Н., Амелина И. О. Типологизация заданий для работы с художественным фильмом на уроке русского языка как иностранного в высшей школе с учетом социально-психологических особенностей студентов // *Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: материалы IV Международной научно-практической конференции*. Курск, 2014. С. 84–91.
12. Романова Н. Н., Амелина И. О., Кудрявцева Е. Б. Методы активизации деятельности студентов при обучении деловой коммуникации на занятиях по РКИ // *Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве: материалы VI Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов*. Курск, 2015. С. 201–215.
13. Горовая О.А. Использование активных методов обучения в системе по-

вышения квалификации в условиях реализации ФГОС НОО // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2011. № 3(8). С. 70-75.

14. Романова Н. Н., Амелина И. О. Кейс-технологии в обучении иностран-

ных студентов русскому деловому общению // Международный научный журнал. 2017. № 6. С. 98-105.

Поступила в редакцию 19.02.19

UDC 372.8881.161.1

I. O. Amelina, Senior Lecturer, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: amelina.i.o@yandex.ru)

STUDYING THE TOPIC “GETTING HIRED” WHILE LEARNING BUSINESS COMMUNICATION AT RFL LESSONS

The article dwells on the features of the development of specialist's professional and communicative competence in the field of business communication while studying the topic of employment that is highly relevant for this sphere. The main teaching objectives are the development of linguistic and sociocultural competencies of foreign students, the intensification of their speech and thought activities, the formation of skills in self-presentation by the means of the Russian language, the expansion of knowledge about the formulas of Russian business etiquette, and the mastering of skills in drawing up business documents.

The article shows the prospects of using audiovisual media resources, namely, original television series, as didactic means, that give greater visibility to the educational content for students better learning it, thereby these teaching aids increase the effectiveness of the learning process.

The significance of the educational potential of these means is revealed in the following features: combination of the visual and auditory channels of information transfer, which intensifies its impact on the student, stimulating the memorization of the material; integration of the contents aspects of the RFL course with subject areas of the special disciplines; vivid presentation of linguistic and cultural linguistic information; influence the feelings and emotions of students through visual-auditory images, storylines; depiction of a problem situation that stimulates discussions and the development of students' cognitive motivation.

The article provides an example of organizing a phased work on the topic “Employment. Interview” with the use of fragments of Russian television series in three successive stages: pre-demonstration, demonstration and post-demonstration. Among the analyzed types of tasks and exercises offered to students, special attention is paid to the task on case analysis as it contributes to enhancing cognitive activity in class and development of the whole system of professional skills necessary for a future specialist to make business contacts.

Key words: professional communicative competence; Russian as a foreign language; business communication; audio-visual media resources; case-technology.

For citation: Amelina I. O. Studying the topic “Getting hired” while learning business communication at rfl lessons. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 117–127 (in Russ.).

References

1. Chelysheva I. V. Proizvedeniya audiovizual'noj mediakul'tury na materiale teledideniya: podhody k mediareal'nosti. *Crede Experto: Transport, Obshchestvo, Obrazovanie, Yazyk*, 2016, no. 3, pp. 189-197.

2. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 1 aprelya 2014 g. N 255. Ob utverzhdenii urovnej vladeniya russkim yazykom kak inostrannym yazykom i trebo-

vanij k nim. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70679090/paragraph/57:1> (accessed 15.12.2018).

3. Nikolenko E. Yu., Ivanova O. V. Sistema raboty s hudozhestvennym fil'mom na urokah RKI. *Russkij yazyk za rubezhom*, 2013, no. 4 (239), pp. 43-52.

4. Abdrahmanova I. Eh. Sovershenstvovanie russkoj rechi inostrannyh studentov na osnove vospriyatiya rossijskoj audio-

vizual'noj kul'tury. Avtoref. diss. dokt. ped. nauk: 13.00.0. Moscow, 2010. 43 p.

5. Begijovich O. S. Kino v obuchenii inostrannym yazykam. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Lingvistika*, 2009, no. 2 (135), pp. 75-77.

6. Nikolenko E. Yu. Media-tekst kak sredstvo obucheniya audirovaniyu i govoreniju na russkom yazyke. *Stephanos*, 2016, no. 5 (19), pp. 135-140.

7. Stepanova N. S., Kovaleva T. V. Ispol'zovanie detskogo yumoristicheskogo kinozhurnala «Eralash» i cikla mul'tfil'mov «Mul'ti-Rossiya» («My zhivem v Rossii») pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu na nachal'nom ehtape. II Mezhdunarodnyj kongress prepodavatelej i rukovoditelej podgotovitel'nyh fakul'tetov (otdelenij) vuzov RF «Dovuzovskij ehtap obucheniya v Rossii i mire: yazyk, adaptacija, socium, special'nost'», III Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Aktual'nye voprosy realizacii obrazovatel'nyh programm na podgotovitel'nyh fakul'tetah dlya inostrannyh grazhdan» (20-21 sentyabrya 2018, Moskva). Sb. st.; ed. by Ruseckaya M. N., Koltakova E. V. Moscow, 2018, pp. 720-724.

8. Romanova N. N., Amelina I. O., CHerkashina T. T. Optimizaciya raboty s autentichnymi audiovideomaterialami na zanyatijah po russkomu yazyku kak inostrannomu. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 83-92.

9. Gojhman O. Ya. Osobennosti professional'noj rechevoj kommunikacii v SMI.

Medialingvistika. IV Mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij seminar. Sbornik statej; ed. by Duskaeva L. R.; ed. by Cveto-va N. S. St. Petersburg, 2015, pp. 14-17.

10. Russkij yazyk i kul'tura rechi: uchebnik; ed. by Gojhmana O. Ya. Moscow, INFRA-M Publ., 2009. 240 p.

11. Romanova N. N., Amelina I. O. Tipologizaciya zadaniy dlya raboty s hudozhestvennym fil'mom na uroke russkogo yazyka kak inostrannogo v vysshej shkole s uchetom social'no-psihologicheskix osobennostej studentov. Yazyk, literatura, mental'nost': raznoobrazie kul'turnyh praktik. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kursk, 2014, pp. 84-91.

12. Romanova N. N., Amelina I. O., Kudryavceva E. B. Metody aktivizacii deyatel'nosti studentov pri obuchenii delovoj kommunikacii na zanyatijah po RKI. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya v sovremennom informacionnom prostranstve. Materialy VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii shkol'nikov, studentov i aspirantov. Kursk, 2015, pp. 201-215.

13. Gorovaya O. A. Ispol'zovanie aktivnyh metodov obucheniya v sisteme povysheniya kvalifikacii v usloviyah realizacii FGOS NOO. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikacii kadrov*, 2011, no. 3(8), pp. 70-75.

14. Romanova N. N., Amelina I. O. Kejstekhnologii v obuchenii inostrannyh studentov russkomu delovomu obshcheniyu. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal*, 2017, no. 6, pp. 98-105.

УДК 37.023.3

П. В. Бочков, канд. техн. наук, доцент, академия ФСО России (Россия, 302015, Орел, ул. Приборостроительная, 35) (e-mail: boch_p@mail.ru)

А. В. Козырева, канд. пед. наук, академия ФСО России (Россия, 302015, Орел, ул. Приборостроительная, 35) (e-mail: kozyreva85@gmail.com)

И. А. Терновая, академия ФСО России (Россия, 302015, Орел, ул. Приборостроительная, 35) (e-mail: tia_10@mail.ru)

КРИТЕРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ДЛЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ

В рамках проводимого в России планового реформирования высшего образования Министерством образования и науки Российской Федерации принято решение о переводе вузов на Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) 3++, что, в свою очередь, поставило перед их учебно-научными подразделениями ряд серьезных проблем. Связаны они, в том числе, и с тем, что эти стандарты, относительно предшествующих, делают акцент на дальнейшем развитии компетентностного подхода в обучении бакалавров, специалистов и магистров.

Вместе с тем педагогическая деятельность профессорско-преподавательского состава, вне зависимости от конкретной учебной дисциплины должна быть ориентирована на формирование компетенций, направленных на удовлетворение социальных потребностей современного информационного общества, которые определяются следующими документами: "Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года", Государственная программа "Информационное общество (2011-2020 годы)", "Концепция долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года", "Развитие информатизации системы образования".

Поэтому, важным направлением образовательной деятельности вуза является формирование у выпускников взаимоувязанной совокупности профессионально значимых компетенций, определяемых профилем специальности.

Для промежуточного и итогового контролей на соответствие компетенций, приобретаемых обучающимися в рамках соответствующей основной профессиональной образовательной программы, требованиям ФГОС ВО и квалификационным требованиям, предъявляемым к выпускникам вуза, возникает необходимость в разработке критериального аппарата для оценки уровня их сформированности.

В статье предложены критерии для оценки уровня сформированности профессионально значимых компетенций при изучении математических дисциплин в технических вузах, обоснованы уровни сформированности профессионально значимых компетенций обучающихся, а также рассмотрен подход к реализации диагностики результатов обучения.

Ключевые слова: компетенции; критерии сформированности компетенций; уровни сформированности компетенций; диагностика результатов обучения; индивидуальная диагностика; групповая диагностика; высшая математика; подготовка специалистов; готовность к будущей профессиональной деятельности; контроль результатов обучения.

Ссылка для цитирования: Бочков П. В., Козырева А. В., Терновая И. А. Критериальный аппарат для оценки уровня сформированности профессионально значимых компетенций при изучении математических дисциплин в технических вузах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 128–135.

Введение

В настоящее время основной целью российского высшего образования является формирование у будущего специалиста технического вуза не только определенных знаний и умений, но и особых "компетенций", сфокусированных на способности применения обучающимися полученных знаний на практике. Как следствие, в технических вузах в ходе прово-

димой поэтапной модификации ФГОС ВО третьего поколения коренным образом изменяются образовательные программы и тематические планы. Реализуя требования новых документов, регламентирующих образовательный процесс, профессорско-преподавательский состав вуза, начиная с первого занятия, увязывают изучение математических дисциплин с будущей профессиональной деятельностью выпускников. Такой педаго-

гический прием позволяет выработать у обучающихся мотивацию к обучению, интенсивной самостоятельной работе, большую восприимчивость к теории при освоении ее через практические занятия.

Как следствие, возникает проблема измерения профессионально значимых компетенций, формируемых в процессе изучения студентами математики в техническом вузе, связанная с потребностью определения критериев, показателей и уровней их сформированности, применение которых позволит сделать вывод о результатах обучения.

Под критерием целесообразно понимать "признак, на основании которого производится оценка, суждение" [1]. С его помощью устанавливаются связи между всеми компонентами исследуемой системы; отражается динамика измеряемого качества во времени и культурно-педагогическом пространстве; охватываются основные виды педагогической деятельности; сочетаются количественные и качественные показатели, по мере проявления которых можно судить о большей или меньшей степени выраженности изучаемого признака. Основные требования, предъявляемые к критериям [1, 2, 3, 4]:

- быть адекватными тем явлениям, измерителем которых они являются;
- соответствовать дидактическим целям, характеризовать связь между ними и результатами обучения;
- выражаться в таких понятиях, которые можно подвергнуть количественному анализу;
- обеспечивать относительную простоту измерений, несложность расчетов, доступность и удобство в обращении;
- позволять оценивать не только объем, но и качество знаний, навыков, умений; не только формальные результаты обучения, но и творческую работу обучающихся.

Методологическую основу проведенного авторами исследования по поставленной проблеме составили философские положения о всеобщей связи, взаимной обусловленности целостности явлений и процессов окружающей дей-

ствительности, о единстве теории и практики, а методологическими ориентирами были избраны системно-деятельностный, личностно-ориентированный, технологический и компетентностный подходы к обучению будущих специалистов.

Результаты и обсуждение

Для оценки уровня профессионально значимых компетенций, формируемых в процессе изучения математических дисциплин, предлагается использовать следующие критерии:

1. Когнитивный, характеризующийся следующими показателями:

- знанием математической символики;
- знанием основного понятийного аппарата научного исследования;
- знанием основных способов и методов научного познания и организации учебно-познавательной деятельности;
- знанием методов построения формальных математических теорий и доказательных рассуждений;
- знанием основных этапов постановки и решения исследовательских задач средствами математики;
- знанием способов критического анализа получаемых результатов;
- знанием основного понятийного и формульного аппарата линейной и векторной алгебры, аналитической геометрии, теории пределов, дифференциального и интегрального исчисления функций одного и нескольких переменных; теории обыкновенных дифференциальных уравнений; теории числовых и функциональных рядов; теории функций комплексного переменного, операционного исчисления; гармонического и векторного анализа; теории вероятностей; теории случайных процессов; основ математической статистики;
- знанием прикладного программного обеспечения.

2. Операциональный, характеризующийся следующими показателями:

- умением в рамках решаемых учебно-исследовательских задач дисциплины проводить строгие логические рассужде-

ния с использованием методов аналогии, индукции, дедукции; анализировать, обобщать, систематизировать и классифицировать информацию;

– умением проводить сравнение и выделять главное;

– умением выполнять постановку учебно-исследовательских задач, выбирать рациональные способы их решения;

– умением осуществлять критическое осмысление выполняемой работы, прогнозирование и оценку ее результатов;

– умением применять определенные программой дисциплины базовые методы для решения основных классов математических задач; ориентироваться в выборе и использовании математического аппарата при решении нестандартных задач;

– умением решать полуэвристические и эвристические задачи;

– умением применять компьютерные средства обучения для решения математических задач [5, 6].

Поведенческий, характеризующийся следующими показателями:

– владением навыками логичного, аргументированного построения рассуждений; навыками выполнения операций сравнения, обобщения, систематизации, классификации при решении математических задач; навыками самостоятельной работы по совершенствованию своей математической подготовки; способами научной организации учебно-исследовательской деятельности;

– владением базовыми математическими положениями дисциплины; основными способами и методами доказательства теорем и решения типовых задач линейной и векторной алгебры, аналитической геометрии, теории пределов, дифференциального и интегрального исчисления, теории дифференциальных уравнений, теории числовых и функциональных рядов, теории функций комплексного переменного, гармонического и векторного анализа;

– наличием положительных мотивов к овладению математическими дисциплинами;

– наличием понимания значения изучаемых основ математических дисциплин;

– наличием интереса к учебной дисциплине;

– осознанием необходимости получения базовых знаний для успешного овладения учебными дисциплинами базовой и вариативной частей для будущей профессиональной деятельности [7];

– осознанием значимости применения компьютерных средств обучения для успешного усвоения учебных дисциплин базовой и вариативной частей.

Приведенные критерии и показатели служат основой для определения уровней сформированности профессионально значимых компетенций у обучающихся в технических вузах. В этом случае целесообразно выделить следующие три взаимосвязанных и последовательных уровня: низкий, достаточный и высокий [8].

Низкий уровень сформированности профессионально значимых компетенций характеризуется наличием представления о математической символике, знанием основных этапов постановки математических задач, знанием основного понятийного и формульного аппаратов математики (теоремы, формулы), умением анализировать, обобщать, систематизировать и классифицировать информацию при отсутствии навыков работы с учебной литературой, умением выполнять сравнения (устанавливать связь между понятиями), умением применять определенные программой учебной дисциплины базовые методы для решения основных классов математических задач (алгоритмического характера, выполняемых по образцу, который либо рассмотрен на лекции, либо разобран в пособии), знанием прикладного программного обеспечения, умением применять компьютерные средства обучения для решения математических задач [9].

Достаточный уровень сформированности профессионально значимых компетенций характеризуется знанием методов построения формальных математических теорий и доказательных рассуждений

(проведение доказательства теорем, содержащих до четырех шагов включительно), умением решать полуэвристические задачи, алгоритм и теоретическая основа решения которых заранее не известны, их нельзя решить с помощью последовательного применения формул, определений, свойств; умением проводить сравнение и выделять главное (умение выводить из теорем следствия, устанавливать связи между теоремами), владением навыками логичного, аргументированного построения рассуждений, умением систематизировать и классифицировать информацию с использованием учебной литературы, осознанием значимости применения компьютерных средств обучения для успешного усвоения математических дисциплин [10].

Высокий уровень сформированности профессионально значимых компетенций характеризуется знанием основных этапов постановки и решения исследовательских задач средствами математики, знанием основных способов и методов научного познания и организации учебно-познавательной и исследовательской деятельности, умением в рамках решаемых учебно-исследовательских задач дисциплины проводить строгие логические рассуждения с использованием методов аналогии, индукции, дедукции, умением выбирать рациональные способы решения учебно-исследовательских задач, умением осуществлять критическое осмысление выполняемой работы, прогнозирование и оценку ее результатов, умением ориентироваться в выборе и использовании математического аппарата при решении нестандартных задач, владением способами научной организации учебно-исследовательской деятельности, умением решать эвристические задачи, в которых заранее не известны ни алгоритм решения, ни функциональные отношения, определенные условиями и требованиями задач; знанием способов критиче-

ского анализа получаемых результатов, умением осуществлять критическое осмысление выполняемой работы.

Выбор качественных критериев, показателей и уровней сформированности профессионально значимых компетенций у обучающихся делает возможным их использование в образовательном процессе и создает предпосылки перехода к некоторым количественным характеристикам. Следует при этом иметь в виду, что каждый из выбранных критериев не поддается прямому инструментальному измерению и требует соответствующего анализа и опосредованной интерпретации [2].

Разработка и обоснование критериального аппарата для оценки уровня сформированности профессионально значимых компетенций при изучении математических дисциплин в технических вузах осуществлялись с использованием следующего комплекса методов исследования: теоретических (анализ педагогической, методической литературы, нормативной документации, сравнение, обобщение, классификация, систематизация); эмпирических (анкетирование, беседа, наблюдение, педагогический эксперимент, самооценка, тестирование); статистической и математической обработки экспериментальных данных и их интерпретации.

В целях получения значимых результатов, свидетельствующих об уровне сформированности профессионально значимых компетенций у обучающихся, на занятиях по математике преподавателю важно систематически получать информацию о ходе обучения, степени овладения учебным материалом, которая позволит сделать выводы о необходимости корректировки этапов и методов обучения на уровне конкретного занятия.

Структура диагностики результатов обучения представлена на рисунке. Ее субъектами являются как учебная группа, так и конкретный обучающийся.

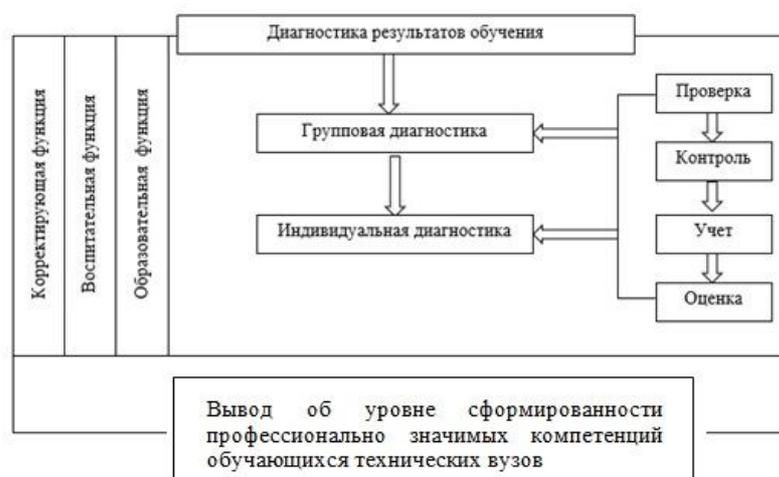

Рис. Структура диагностики результатов обучения.

В структуру диагностики входят следующие компоненты: проверка, контроль, учет и оценка результатов обучения. Рассмотрим каждый компонент отдельно.

Проверка помогает преподавателю выяснить степень обученности будущих специалистов.

Обученность характеризуется коэффициентом усвоения учебного материала, который может быть найден по формуле

$$K_{усв.} = \frac{B_{ср}}{B_{макс}},$$

где $B_{ср}$ – средний балл, полученный учебной группой в результате выполнения контрольных заданий, $B_{макс}$ – максимальный балл, который можно набрать за выполнение контрольных заданий [7].

Учебный материал считаем усвоенным, если коэффициент обученности больше 0,8. В этом случае обучающийся способен совершенствовать свои знания, самостоятельно принимать решения и находить возможные ошибки [11, 12].

На этапе контроля осуществляется сопоставление и сравнение результатов обучения с ожидаемым результатом. По результатам контроля за овладением обучающимися профессионально значимыми компетенциями предусмотрена коррекция результатов обучения, включающая

повторное изучение теоретического материала, самостоятельное решение практических задач и последующее обсуждение результатов коррекции.

В рамках учета происходит систематизация проверки и контроля, позволяющая проследить динамику процесса овладения профессионально значимыми компетенциями.

Оценка представляет собой суждение о результатах обучения в целях стимулирования обучающихся к дальнейшему изучению математики.

После реализации всех компонентов, входящих в структуру диагностики результатов обучения, делается вывод об уровне сформированности профессионально значимых компетенций у обучающихся технических вузов в рамках изучения математических дисциплин.

Предложенный критериальный аппарат для оценки уровня сформированности профессионально значимых компетенций при изучении математических дисциплин в технических вузах использовался для подтверждения эффективности разработанных авторами инновационного метода обучения "Использование информационно-справочной системы при организации самостоятельной работы курсантов по дисциплине Алгебра и геометрия" (Свидетельство о регистрации и

внедрении инновационного метода обучения в Академии ФСО России № 0191 от 22 декабря 2017 года), "Программы для информационной поддержки самостоятельной работы студентов технических вузов и мониторинга результатов их обучения по алгебре и геометрии" (Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018615116 от 26 апреля 2018 года).

Заключение

Следует отметить, что на практике невозможно говорить об абсолютно верном измерении профессионально значимых компетенций в силу того, что сфера будущей профессиональной деятельности выпускников технических вузов достаточно сложна и многогранна. Однако опора профессорско-преподавательского состава на выделенную систему показателей, критериев и уровней сформированности профессионально значимых компетенций у обучающихся позволит более объективно подходить к оценке качества подготовки будущих специалистов.

Список литературы

1. Виленский М. Я., Образцов П. И., Уман А. И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе / под ред. В. А. Сластенина. М.: Педагогическое общество России, 2005. 192 с.
2. Козырева А. В. Педагогические условия формирования информационной компетентности учащихся профильных классов средней школы: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Орел, 2010. 212 с.
3. Моисеев В. Б. Инновационные технологии обучения в высшем профессиональном образовании: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 32 с.
4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образова-

ния / под ред. Е. С. Полат. М.: Академия, 2001. 272 с.

5. Кулагин В. П. Информационные технологии и информатизация образования. М.: Янус-К, 2005. 180 с.

6. Норенков И. П. Информационные технологии в образовании: учебное пособие для вузов. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2004. 352 с.

7. Образцов П. И. Обеспечение учебного процесса в условиях информатизации высшей школы // Педагогика. 2003. № 5. С. 27–33.

8. Козырева А. В., Колпакова С. В., Бурлакова Е. А. Теоретические основы формирования общекультурных и общепрофессиональных компетенций в процессе математической подготовки студентов вузов // Современные исследования социальных проблем: научный журнал, 2017. Т. 8. № 8–2. С. 45–52.

9. Бочков П. В., Козырева А. В., Терновая И. А. О применении электронной информационно-справочной системы по алгебре и геометрии в учебном процессе технического вуза // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 124–129.

10. Магомадова З. С., Джабагова С. С. Математические пакеты как средство формирования профессиональной компетентности у бакалавров профиля "Математика, информатика" // Педагогика высшей школы. 2016. № 1. С. 64–66.

11. Инновационные методы обучения в высшей школе: учебно-практическое пособие / В. П. Гусаков., Н. И. Пустовалова, В. А. Хрущев, Е. Б. Карташова, Е. К. Исакова. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2007. 92 с.

12. Корнеева Л. И. Современные интерактивные методы обучения: зарубежный опыт // Университетское управление. 2004. № 4. С. 78–83.

Поступила в редакцию 04.03.19

UDC 37.023.3

P. V. Bochkov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (35, Priborostroitel'naya str., Orel, 302015, Russia) (e-mail: boch_p@mail.ru)

A. V. Kozyreva, Candidate of Pedagogical Sciences, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (35, Priborostroitel'naya str., Orel, 302015, Russia) (e-mail: kozyreva85@gmail.com)

I. A. Ternovaya, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (35, Priborostroitel'naya str., Orel, 302015, Russia) (e-mail: tia_10@mail.ru)

CRITERION APPARATUS FOR ASSESSING THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT COMPETENCES DURING STUDING MATHEMATICAL DISCIPLINES IN TECHNICAL UNIVERSITIES

As part of the planned reform of higher education in Russia, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation decided to transfer universities to Federal State Educational Standards for Higher Education (FGOS VO) 3 ++, this situation posed a number of serious problems for their academic departments.

This problems are connected with the fact that these standards, relative to the preceding ones, emphasize the further development of the competence approach in the teaching of bachelors, specialists and masters

At the same time, the pedagogical activity of the teaching staff of technical universities, regardless of the specific academic discipline, should be aimed at meeting the social needs of the modern information society, which are defined by the following documents: "Strategies for the innovative development of the Russian Federation until 2020", State Program "Information Society (2011-2020 years)", "The concept of a long-term forecast of the scientific and technological development of the Russian Federation for the period up to 2025 year", " The development of informatization of the education system".

Therefore, an important direction of educational activity is the formation of a mutually connected set of professionally significant competences, determined by the profile of the specialty, for graduates.

For intermediate and final controls for compliance with the competencies acquired by students in the framework of the relevant basic professional educational program, the requirements of the FGOS VO and qualification requirements for university graduates, there is a need to develop a criterion apparatus to assess their level of development.

The article proposed criteria for assessing the level of formation the professionally significant competences during studying mathematical disciplines in technical universities, the levels of formation of professionally significant competencies of students are substantiated.

The approach to the implementation of the diagnosis of learning outcomes is considered.

Key words: *competences; criteria for the formation of competencies; levels of formation of competencies; diagnostics of teaching outcomes; individual diagnostics; group diagnostics; higher mathematics; training of specialists; readiness for future professional activity; monitoring teaching outcomes.*

For citation: Bochkov P. V., Kozyreva A. V., Ternovaya I. A. Criterion apparatus for assessing the level of development of professionally significant competences during studing mathematical disciplines in technical universities. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 128–135 (in Russ.).

References

1. Vilenskij M. Ya., Obrazcov P. I., Uman A. I. *Tekhnologii professional'no-orientirovannogo obucheniya v vysshej shkole*; ed. by Slastenin V. A. Moscow,

Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii Publ., 2005. 192 p.

2. Kozyreva A. V. *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya informacionnoj kompetentnosti uchashchihsya profil'nyh*

klassov srednej shkoly. Diss. kand. ped. nauk. Orel, 2010. 212 p.

3. Moiseev V. B. Innovacionnye tekhnologii obucheniya v vysshem professional'nom obrazovanii. Avtoref. diss. dokt. ped. nauk. Moscow, 2003. 32 p.

4. Novye pedagogicheskie i informacionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya; ed. by Polat E. S. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 272 p.

5. Kulagin V. P. Informacionnye tekhnologii i informatizaciya obrazovaniya. Moscow, Yanus-K Publ., 2005. 180 p.

6. Norenkov I. P. Informacionnye tekhnologii v obrazovanii. Moscow, MGТУ im. N. Eh. Bauman Publ., 2004. 352 p.

7. Obrazcov P. I. Obespechenie uchebnogo processa v usloviyah informatizacii vysshej shkoly. *Pedagogika*, 2003, no. 5, pp. 27–33.

8. Kozyreva A. V., Kolpakova S. V., Burlakova E. A. Teoreticheskie osnovy formirovaniya obshchekul'turnyh i obshcheprofessional'nyh kompetencij v processe matematicheskoy podgotovki studentov vuzov. *Sovremennye issledovaniya so-*

cial'nyh problem. Nauchnyj zhurnal, 2017, vol. 8, no. 8–2, pp. 45–52.

9. Bochkov P. V., Kozyreva A. V., Ternovaya I. A. O primenении ehlektronnoj informacionno-spravochnoj sistemy po algebre i geometrii v uchebnom processe tekhnicheskogo vuza. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 124–129.

10. Magomadova Z. S., Dzhabagova S. S. Matematicheskie pakety kak sredstvo formirovaniya professional'noj kompetentnosti u bakalavrov profilya "Matematika, informatika". *Pedagogika vysshej shkoly*, 2016, no. 1, pp. 64–66.

11. V. P. Gusakov., N. I. Pustovalova, V. A. Hrushchev, E. B. Kartashova, E. K. Isakova Innovacionnye metody obucheniya v vysshej shkole. Petropavlovsk, 2007. 92 p.

12. Korneeva L. I. Sovremennye interaktivnye metody obucheniya: zarubezhnyj opyt. *Universitetskoe upravlenie*, 2004, no. 4, pp. 78–83.

УДК 7 + 687

О. В. Будникова, канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: budnikovakursk@yandex.ru)

Е. В. Колесникова, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: elena-v-kolesnikova@yandex.ru)

Т. М. Ноздрачёва, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: noztat@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЪЁМНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ДИЗАЙН-ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В статье затрагиваются педагогические аспекты и условия формирования различных видов мышления обучающихся. Анализируется специфика научных исследований студентов и рассматриваются возможности применения бумаги в качестве исходного материала для разработки конструкций одежды и декора посредством изменения плоскости листа, создания рельефа и сложной фактуры поверхности костюма.

Дизайнерская деятельность студентов позволяет использовать в образовательном процессе разнообразные источники информации, собственный технологический опыт, личное общение с преподавателем, учебной группой и т.д., что облегчает переход к самообучению и саморазвитию.

Методы бумагопластики используются в архитектурной и дизайнерской деятельности. Важной чертой бумажных конструкций является то, что они позволяют формировать пустотелый объём с помощью создания оболочки, что отвечает современному экономически оправданному принципу дизайна: минимум средств, максимум эффекта. Пластическое проектирование сегодня уделяет особое внимание листовым материалам и методам их объёмно-пространственной трансформации.

Отработка навыков «сквозного» или объёмно-пространственного видения происходит в процессе изучения практической архитектоники, представляющей собой комплекс упражнений по трансформации плоскости листа (бумаги, картона, металла, пластика и т.д.) посредством создания рёбер жёсткости или перфораций в объёмную форму / конструкцию.

Формирование образно-пространственного мышления студентов через приобретение практических навыков создания объёмно-пространственных конструкций костюма из различных материалов, начиная с плоского листа бумаги, использование в работе метода проектов становится опорным видом мышления в дизайн-проектировании. Одним из условий формирования объёмно-пространственного мышления становится интеграция искусства в сферу дизайна.

Ключевые слова: объёмно-пространственное мышление; креативность; дизайн-образование; архитектоника; макетирование; костюм; бумагопластика; трансформация.

Ссылка для цитирования: Будникова О. В., Колесникова Е. В., Ноздрачёва Т. М. Особенности формирования объёмно-пространственного мышления обучающихся в процессе дизайн-проектирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 136–147.

Введение

В современных условиях перестройки образования ведущими становятся такие значимые личностные качества, как коммуникативность, креативность, базирующиеся на различных видах мышления: объёмно-пространственном, аналитическом, критическом и т.д. и кооперация / коллаборация¹. Интересным

событием в современном образовании является повышенное внимание к понятию креативности, которое из теории смело шагнуло в широкую практику. Хотя теория ещё продолжает разбираться в её взаимосвязях с интеллектом, мышлением, творчеством, идея развития способности к созиданию (лат. creativ – созидание) оказалась привлекательной.

¹ Слово «коллаборация» произошло от двух слов испанского «cop» и латинского «laborare», первое переводится, как частица «с», а второе – «трудиться». Что означает совместный труд; сов-

местную деятельность, например, в сфере моды 2-х или более человек; или предпринятые усилия для достижения совместных целей, во время которых люди приходят к согласию; либо обучение и обмен знаниями.

Изучение психологических различий, основанных на особенностях мышления, привели Дж. Гилфорда к выводу, что тип мышления может характеризоваться особенностью схождения (конвергентное) – расхождения (дивергентное) мышления. Конвергентное мышление фокусируется на поиске единственно правильного решения среди различных вариантов, а дивергентное мышление – на поиске множества вариантов возможных решений. Первое соотносится с интеллектом, второе – с креативностью. Однако и то, и другое связано с продуктивным мышлением, с рождением продукта – мысли, и потому может считаться творчеством [1, с.326]. И здесь креативность как калька накладывается на дизайн как на творческую проектную деятельность.

В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков, В.В. Давыдов и др. рассматривают креативность как важнейший и относительно независимый фактор одарённости, который редко отражается в тестах интеллекта и академических достижениях. Напротив, креативность определяется не столько критическим отношением к новому с точки зрения имеющегося опыта, сколько восприимчивостью к новым идеям, и характеризуется независимостью, чувствительностью к проблемам и высокой потребностью в творчестве [2, с. 181].

Для развития креативности обучающихся в контексте изучения архитектуры объёмных форм предлагаем применять бумагопластику – достаточно перспективное направление дизайнерского формообразования. Её роль как основного метода моделирования в творческих мастерских невозможно переоценить. Обладая многими преимуществами перед прочими листовыми материалами – удобством в работе, низкой себестоимостью, широким ассортиментом, – бумага способствует непредвзятому контакту проектируемых моделей и творческого «Я». Условность подачи проекта из материала-заменителя придает макетам абстрактность, уводит от натурализма, тем самым

позволяя видеть целостность формы и идеи.

Искусство моделирования бумажных художественных композиций на плоскости и создание трехмерных структур объединено одним названием – бумагопластика. Сегодня в ее состав входят: оригами, квиллинг и их подвиды. Представляется, что термин «бумагопластика» отражает как художественно-творческие особенности, так и специфику данного вида искусства, он шире, чем просто применение складчатых или прочих структур из бумаги в дизайне. Наиболее интересные работы получаются при использовании комбинированных приёмов в творческой работе с бумагой.

Бумагопластика в контексте современного искусства и дизайна становится своеобразным лабораторным творческим полем. Результаты экспериментов в сферах как «чистого искусства», так и педагогики, как проектных, так и исследовательских работ, находят отражение в публикациях, выставках, различных художественных проектах и т.п.

На базе кафедры СМУКТД Юго-Западного государственного университета, в рамках программы повышения качества подготовки обучающихся по направлению «Конструирование изделий легкой промышленности» и реализации компетентностного подхода к процессу обучения преподавателями дисциплин профессионального блока осуществляется внедрение новационных методов формирования профессионального мышления.

Одной из целей эффективного процесса дизайн-функционирования является развитие художественной культуры обучающихся, включающее в себя дизайнерскую (проектную), психолого-педагогическую и технологическую деятельность.

Для повышения активности студентов целесообразно применять комплексные образовательные программы, основанные на поэтапной подготовке к дизайнерской деятельности. Именно це-

лостность и системность позволят обучающимся реализовать свой творческий потенциал и выработать индивидуальный стиль. Например, создавая коллекции в эскизной форме, необходимо видеть «насквозь» конструкции моделей, понимать, из каких опорных элементов, граней, рёбер жёсткости, узлов и сопряжений будет складываться форма, отвечающая содержанию (идее, творческому замыслу автора и художественному образу коллекции или арт-объекта).

Отработка навыков «сквозного» или объёмно-пространственного видения происходит в период изучения практической архитектоники, представляющей собой комплекс эззерсисов по трансформации плоскости листа (бумаги, картона, металла, пластика и т.д.) посредством создания рёбер жёсткости или перфораций в объёмную форму / конструкцию. Изначально – это первичные опыты, помогающие почувствовать материал, его физические свойства при работе над новым проектом. Работа с бумагой предоставляет возможность отрабатывать чистоту внешней формы и конструкции объекта, посмотреть на него со стороны, что необходимо для достижения наилучшего качества изделия. Отход на некоторое расстояние позволяет чётче увидеть форму, пропорциональное размещение членений, цветовые нюансы, ведь мы имеем дело с объёмно/глубинно-пространственной композицией.

Это своего рода пропедевтика экспериментального искусства, где авторами преследуются исследовательские цели, применяются новаторские как чисто художественные, так и инженерно-технические решения, используются методы из арсенала других дисциплин, оригинальным образом совмещаются различные технологии.

Результаты обсуждения (включая методы исследования)

Научно-творческая деятельность как обучающихся, так и преподавателей направлена на выработку и систематиза-

цию объективных знаний о действительности, сбор фактов в огромном информационном поле, их структуризацию, критический анализ. Сегодня ИТ¹ дают возможность познакомиться с огромным количеством научной, специализированной, и дополнительной литературы мировых библиотек; изучить визуальные материалы и произведения художественной культуры и искусства, и на этой базе синтезировать новые знания или обобщения.

Шимко В.Т. отмечает, что в наши дни концепции развития художественного творчества делятся на «охранительные», опирающиеся на достижения прошлого, и «креативные», нацеленные на открытия. Очевидно, истина лежит в синтезе, но сегодня преобладают вторые – они нужнее обществу. Однако история тоже важна – она позволяет увидеть черты завтрашнего [3, с.98].

Дисциплина «Архитектоника объёмных форм» направлена на формирование навыков проектного творчества; развитие объёмно-пространственного восприятия конструктивных систем различного эстетически-функционального назначения; исследование, анализ и широкое применение современных технологий с опорой на традиционные и новаторские методы проектирования. Процедура создания коллекции моделей одежды позволяет использовать в образовательном процессе различные источники: региональные архивные материалы, исследования в области исторического костюма, современные тенденции развития моды, собственный технологический опыт, личное общение с преподавателем, учебной группой и т.д., что облегчает переход к самообучению и саморазвитию.

Экспериментальная деятельность в области бумагопластики имеет в арсенале многообразные методы и средства пластического проектирования. Бумажные конструкции обладают особой логикой формообразования, базирующейся на

¹ ИТ или ИГ (от англ. information technology) – информационные технологии.

принципах трансформации листа, в процессе которого происходит конструирование объема, формирование тектоники конструкций, нахождение особой образности модели.

Красота в дизайне костюма не является свободным полетом фантазии, она имеет жёсткие ограничения, обусловленные антропометрическими показателями человека, особенностями его жизнедеятельности и функционирования организма. Требования к качеству конструкции одежды определяются в первую очередь её соответствием размерам и форме тела потребителей [4, с. 222].

Как следствие, целью архитектоники костюма становится получение утилитарно оправданной формы вещи, которая имеет функциональную, конструктивную и эстетическую ценность.

Язык костюма имеет ряд существенных особенностей. Являясь, прежде всего, языком художественным, он не обладает однозначностью и строгой определенностью, его образы всегда имеют приблизительное значение и направлены в большей степени на эмоционально-эстетическое восприятие зрителем со стороны и в движении. Костюм полисемантичен и быстро сменяем, как и мысль человека. Т.В. Козлова акцентирует внимание на том, что человек потребляет костюм в той мере, в какой он создаёт в своём воображении собственный образ идеального бытия. Восприятие здесь вплетено в процесс жизнедеятельности, неразрывно связано с ним, так, что предметом его является не изображение, не внешний вид вещи, а сама действительность, в которой потребитель живёт и действует [5, с. 117].

Наряду с развитием единой мировой моды, происходит индивидуализация арт-дизайна и психологизация одежды. Многозначность форм костюма, включая деконструктивизм, находит отражение в творчестве современных дизайнеров.

Первые абстрактные объёмно-пространственные конструкции из плоского листа бумаги были созданы русскими

конструктивистами (А. Родченко, В. Татлин, К. Малевич). Их бумагопластика стала трехмерным прочтением изобразительного пространства. В области абстрактных построений из бумаги работали многие русские художники: Петр Митурич, Лев Юдин, Наум Габо. Европейскую школу бумагопластики развивали в пропедевтических курсах учителя школы «Баухауз» Ласло Мохой-Надь, Йозеф Альберс.

В течение XX века теоретики и практики дизайна неоднократно обращались к теме объёмного моделирования и формообразования из бумаги. Показательными являются труды отечественных учёных Б.Н. Рахманинова, В.Ф. Колейчука, А. И. Волкова, В. Н. Гамаюнова, А. Ф. Голубева, В. Д. Кракиновской, Н. В. Калмыковой, И. А. Максимовой, М. М. Литвинова. Исследования этих и многих других авторов представляют бумагопластику как многогранное явление.

Архитектоника бумажных конструкций задает особое звучание формальному языку проектов, что опосредованно влияет на формируемый художниками, архитекторами, скульпторами, инженерами мир реальных вещей. Бумажные композиции раскрывают особую логику конструирования из листовых материалов и, как следствие, помимо художественного, развивают также техническое мышление.

Следует отметить, что первая в мире система конструирования в бумагопластике – оригами. Для современного дизайна наиболее привлекательны такие свойства оригами, как модульность, соподчиненность частей в едином целом, условность визуального языка, знаковая реализация действительности, наличие сетки как моделирующего фактора, максимальная выразительность, достигаемая минимальными средствами, ритмичная организованность, чистота конструкции, лаконичность выразительных средств и т.д.

Трансформируя бумажный лист, дизайнер создает новые и новые образы. В идее непрерывной трансформации за-

ключено особое восточное понимание времени, в котором мироздание воспринимается как процесс постоянного становления, где нет места статичным формам.

Также важной чертой бумажных конструкций является то, что они позволяют формировать пустотелый объем с помощью создания оболочки, что отвечает современному экономически оправданному принципу дизайна: минимум средств, максимум эффекта.

Многие дизайнеры не раз находили вдохновение в оригами. Японский дизайнер Иссей Мияке «синтезировал европейское внимание к человеческой индивидуальности и восточную конструкцию одежды, открытой к трансформации. В разложенном виде его модели часто пре-

вращались в простой квадрат, круг или прямоугольник. Такая одежда создавала ощущение свободы и комфорта, подходила всем, независимо от фигуры [6, с.134].

Следует отметить уникальные технологии в разработках коллекций «Иссей Мияке». Главной идеей было создание платьев-трансформеров. Все модели изначально – плоские. Владельцу предлагается потянуть за специальную шлейку и тем самым развернуть, наполнить воздухом платье. Разумеется, что над их созданием команда дизайнера работала не один месяц. Все вместе они сначала долго проектировали трехмерные модели, а затем выверяли пропорции, чтобы вещи разворачивались и сворачивались так же четко, как бумажные журавлики (рис. 1).

Рис. 1. Складывающаяся конструкция платья

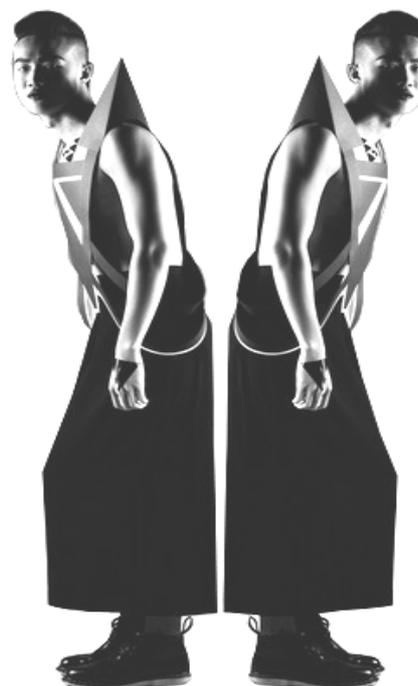
Дизайнер Юлия Кирпо, найдя вдохновение в оригами, из старых газет Metro сделала 1000 бумажных журавликов, а уже из них – потрясающее корсетное платье со шлейфом.

Платья-оригами от Амилы Хрустич были созданы на основе элементарных (Платоновых) геометрических фигур из бумаги и материала. Каждое платье имеет свою фактуру, что делает коллекцию еще более интересной. Ажурные бумажные

платья демонстрировал дизайнер Jim Nakaо (рис.2, а). За основу для своей мини-коллекции дизайнер и фотограф из Сингапура Юка Фей взял строгие геометрические формы и монохромность изделий (рис.2, б). Выбор оригинального «сырья» также вполне обоснован: по мнению Фэя, никакой материал не позволит добиться такой чёткости линий, как бумага [7].

а)

б)

Рис. 2. Платья из бумаги: а – дизайнер Jum Nakao; б – модели дизайнера Юка Фэя (Проект Моно. Авторские фотографии)

В рамках изучения дисциплины «Архитектоника объемных форм» проводились исследования по применению бумагопластики в разработке конструкций одежды и создании альтернативных материалов для авторских коллекций студентов. При поиске оригинального материала для коллекции платьев «Бумага» (автор А. Шама; научный руководитель О.В. Будникова) был выбран – крафт.

Крафт – вид прочной оберточной бумаги, применяемой для производства мешков и пакетов для сыпучих материалов. Само название «крафт» происходит от немецкого Kraft, что переводится как «сила». Самое главное свойство этой бумаги – высокая устойчивость перед механическими повреждениями. Крафт вырабатывается из белой целлюлозы и приобретает свою прочность за счет того, что он производится из сульфатной массы. При изготовлении продукции крафт не отбеливается, не окрашивается и вообще не обрабатывается и сохраняет натураль-

ный цвет. Так как бумага – упаковочный материал, она часто применяется для изготовления конвертов, мешков, пакетов и т.д. Изделия из нее получили широкое применение в упаковке продуктов питания, промышленных изделий и др. Крафт имеет высокий спрос в тех областях производства, где необходимо использовать бумагу повышенной прочности и пористости.

По сравнению с синтетическими материалами крафт – материал «дышащий», что позволяет продукции совершать воздухообмен с окружающей средой при перепадах температуры и влажности. Благодаря своей прочности и красивому натуральному цвету, этот материал и был предпочтён для авторской коллекции.

Выбор материала определил и техники работы с ним. В данном случае это жатка (изменение фактуры поверхности бумаги за счет хаотичного сжатия мелкими складками, фиксирующимися с изнаночной стороны поливинилацетатным

клеем), простейшая гофрировка, элементы оригами (изготовление цветов и объёмных модулей). В качестве приёмов трансформации использовались и принцип врезки, и плиссировка складками, и свободное взаимодействие разъединённых элементов плоскостей. В одних случаях подробно изучаются особенности бумаги как конструктивного материала для упаковки, в других – как область постижения формальных законов композиции, методики моделирования, в третьих – как инструмент развития творческих способностей.

Основа для модулей при создании моделей коллекции была взята из техники складывания «кусудам» (Кусудамма – бумажная модель, которая обычно формируется сшиванием вместе концов множества одинаковых пирамидальных модулей, так что получается тело шарообразной формы). Как вариант, отдельные компоненты могут быть склеены вместе. Кусудамму рассматривают как специфическую разновидность оригами, так как в оригами отсутствуют приёмы склеивания и сшивания, характерные для кусудаммы. В то же время в раннем традиционном японском оригами часто использовалось разрезание бумаги и склеивание. В коллекции «Бумага» технология складывания была интерпретирована, и модули склеивались не в форме шара, а на макете по фигуре (рис.3). Данная техника работы с бумагой может быть применима и для текстильных материалов [8, с.32].

Разработанная модульная коллекция «Бумага» была представлена на Международном конкурсе модельеров «Кутюрье года» в Москве, где получила высокую оценку экспертов (1 место) в номинации «эксперимент». Коллекция гармонична как стилистически, так и колористически (за счёт рельефных поверхностей различных уровней и глубины, присутствуют все оттенки благородного натурального цвета, создавая своеобразную игру света

и тени). Опыты работы с крафтом привели к созданию концептуальной коллекции «Леди X» (автор В. Ванин). Используя чёрный цвет, фактуру бумаги и простые геометрические конструкции, автор создал готические образы, закованные в панцирь, продемонстрировав индивидуальное видение женщины как вселенской тайны (рис.4).

Мировая культура бумагопластики накопила значительный арсенал методов и средств трансформации бумажной плоскости: это и складки, и разрезы, и различные виды склеивания.

Впервые в отечественной художественной практике основные конструктивные приемы трансформации плоскости были типологически представлены В.Ф. Колейчуком в 80-х годах XX века. Технология конструирования из бумаги имеет ряд специфических особенностей. Любое изделие создается на основе конструкции, которая представляет собой систему ребер жесткости, получаемых в результате сгибов листа бумаги. Но в традиционном понятии лист сгибается только по прямой линии. Создавая сложные формы, не обойтись без сгибов криволинейного характера, которые выполняют только с помощью резака. Ребро жесткости влияет на тектонику бумажной конструкции, делая лист устойчивым к деформации перпендикулярно складке, а также, помимо тектонических и конструктивных качеств, формирует ряд выразительных возможностей.

Структурированный складками узкий лист бумаги – простой и доступный пропедевтический метод овладения композиционными закономерностями объемно-пространственных построений. Широкая гамма вариаций ритмического чередования разнонаправленных плоскостей позволяет изучать динамические и статические законы развития формы, виды симметрии и многие другие формальные основы в композиции.

Рис. 3. Экспериментальная коллекция: а – цветочные модули на рёбрах жёсткости гофрированной плоскости; б – фрагменты авторской коллекции А. Шама «Бумага»

Рис. 4. Фрагмент коллекции «Леди X» (автор В. Ванин)

Приемы прорезей и разрезов предлагают мощные средства зрительной организации бумажной формы. С точки зрения визуального звучания бумажных конструкций, высечка на фоне складки, представляющей игру полутонов, всегда воспринимается как акцент, как яркое тональное пятно. С позиций конструирования высечка формирует особые тектонические качества бумажной формы, порой ослабляя конструктивную жесткость бумажного кружева или, наоборот, создавая новые условия для формирования прочностных характеристик в конструкциях.

Обширной областью структурного формообразования из бумаги является моделирование из цельного листа без надрезов. В восточной культуре освоение бумажной плоскости всегда осуществлялось через логику движения руки, поэтому традиционные складчатые структуры имеют закономерности сложенного пополам квадрата бумаги. Для европейской бумагопластики немалое значение в организации объемно-пространственных структур имеют исторически сложившиеся системы пропорционирования. Они используются художниками в целях гармонизации геометрии структуры, нахождения совершенного звучания структурных элементов и сетки их расположения [9, с. 88].

Уникальным является то, что эстетические качества структурированной складками бумажной плоскости дают основу ее тектоническим характеристикам, то есть несущая способность конструкции есть функция ее геометрической формы. Таким образом, поиск эстетики и архитектоники в бумагопластике осуществляется одновременно.

Проектирование и макетирование из бумаги имеет свои особенности и секреты. Чтобы овладеть ими, необходимо освоить азы формообразования. Бумага – податливый материал: легко сгибается, скручивается, режется, сжимается, поддается тиснению. Отдельно следует напомнить о значимости ритмически расположенных элементов и деталей,

например, складок. Ритм как средство композиции обеспечивает связь элементов формы путём их повторения, чередования, нарастания, убывания. Он способствует более чёткому зрительному восприятию конструкции.

При выполнении творческих эскизов следует учитывать следующие методические рекомендации:

– упражнения по разработке и выполнению образцов, опирающиеся на принципы формообразования в костюме из различных по плотности бумажных материалов, базируются на определённых источниках творчества (приступая к выполнению макета, необходимо обдумать план работы: идею, композицию, структуру, внешнюю форму);

– макет может выполняться по эскизу: фор-эскизу, схеме, техническому рисунку, с целью перевода или преобразования изобразительного, плоского в объемное без помощи сложных чертежей и расчетов;

– первоначальный поиск декоративных объемных форм может определяться разнообразием комбинаторных соединений, вплоть до случайного в одной композиции;

– построение макетов сложных объемов и различных декоративных элементов костюма отрабатывается как в масштабе, так в натуральную величину;

– отчетная документация задания должна содержать схемы, эскизы, технические рисунки, выкройки или лекала разрабатываемых образцов;

– при выполнении творческой работы следует придерживаться концепции проекта, так как «дизайн-концепция – это основная образная идея будущего изделия или комплекса, формулировка их основного содержания и направления работ» [10, с. 24];

Особое внимание необходимо уделять чистоте техники исполнения образцов и их оригинальности и, что особенно значимо, – новизны. По определению Е. Васильевой, новизна становится той отправной точкой, к которой привязана

идея современности. Сама концепция нового – это концепция преимущества перед прошлым. В итоге формируются не привычные характеристики настоящего и будущего, а доктрина противостояния прошлому [11, с. 21]. В соответствии с разработанной авторами методологией, практические задания по выполнению пластических модулей из бумаги даются в порядке возрастания сложности. Завершающим этапом знакомства с практической архитектурной является ряд творческих заданий, направленных на формирование индивидуального стиля творческой деятельности.

Бумагопластика сегодня является перспективным направлением дизайнерского формообразования, влияющим на развитие проектной культуры. Криволинейные формы – изгибающаяся плоскость, контур сложной кривизны для плоских фигур – расширяют палитру выразительности в бумагопластике.

Бумагопластика как вид современного искусства не обрела пока серьезного масштаба. Причиной тому является недолговечность бумажной формы. Культурное пространство бумаги – пространство перформанса, разворачивающегося «прямо здесь и прямо сейчас». Бумажная форма в гораздо большей степени сопоставима человеку, продолжительности его жизненного пути, чем таковая из камня, бронзы и т.п. Понимание масштаба как категории времени реализуемо средствами бумагопластики.

Бумагопластика выступает как предмет экспериментальной деятельности, позволяющий полно и глубоко выразить сущность этой деятельности. Бумажная конструкция оказала существенное влияние на формирование стилевого направления хай-тек, так как образное пространство «города будущего» во многом идентифицировалось с «идеально гладкими» поверхностями, четкими гранями, развитой геометрией, ритмической разделкой плоскостей и прочими чертами, характерными для бумажных конструкций.

Очевидно, практическая архитектура представляет собой комплекс упражнений по трансформации плоскости листа (бумаги, картона, металла, пластика и т.д.) посредством создания ребер жёсткости или перфораций в объёмную форму. Конструкция в наши дни понимается не просто как техническое средство организации формы, но, прежде всего, как функционально и эстетически работающая компонента формы [12, с. 132].

Методы бумагопластики используются в архитектурной и дизайнерской деятельности. Вобрав экспериментальный материал художественной мысли, бумагопластика стала носителем и хранителем интеллектуальной базы дизайна, иными словами, изучая историю бумагопластики, мы изучаем историю проектной мысли.

Выводы

Бумагопластика как вид современного искусства не обрела пока серьезного масштаба. Причиной тому является недолговечность бумажной формы. Культурное пространство бумаги – пространство перформанса, разворачивающегося «прямо здесь и прямо сейчас».

Бумагопластика в формате изучаемой дисциплины становится своеобразным лабораторным творческим полем. Результаты экспериментов в сферах как «чистого искусства», так и педагогики, как проектных, так и исследовательских работ обучающихся, находят отражение в публикациях, выставках, различных художественных проектах и т.п.

Формирование образно-пространственного мышления студентов через приобретение практических навыков создания объёмно-пространственных конструкций костюма из различных материалов, начиная с плоского листа бумаги, использование в работе метода проектов становится опорным видом мышления в дизайн-проектировании.

Одним из условий формирования объёмно-пространственного мышления

становится интеграция искусства в сферу дизайна.

Сегодня образование можно рассматривать как индустрию возможностей, предоставляющих всем желающим пространство для реализации социально-значимых целей.

Список литературы

1. Громкова М. Т. Андрогогика: теория и практика образования взрослых. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 495 с.

2. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ООО Астрель: ООО АСТ: ООО Транзиткнига, 2004. 479 с.

3. Шимко В. Т. Дизайн-искусство построения форм будущего на стыке культур и профессий (принципы формирования образовательных программ) // IV научный форум дизайнеров: сб. ст. М., 2013. 208 с.

4. Колесникова Е. В. Усовершенствование размерной типологии населения как основа проектирования рациональных размеров одежды с целью улучшения качества швейных изделий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2012. № 2. Ч. 1. С. 222–225.

5. Козлова Т. В. Костюм. Теория художественного проектирования. М.: МГТУ им. А.Н. Косыгина, 2005. 380 с.

6. Мода и модельеры. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2010. 183 с.

7. Дизайн-проект Моно: стильная, но одноразовая одежда из бумаги. URL: <https://novate.ru/blogs/230711/18243/>.

8. Будникова О. В., Шама А. Г. Бумагопластика в дизайне костюма // Региональное развитие индустрии моды: материалы Регион. научн-практ. конф. Курск, 2011. 119 с.

9. Будникова О. В. Архитектоника объёмных форм (Дизайн костюма). Курск, 2011. 140 с.

10. Федоров М. В. Научно-методические проблемы дизайна для решения социально-экономических задач. М.: Архитектура-С, 2010, 216 с.

11. Васильева Е. Система традиционного и принцип моды // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2017. № 43. С. 11-29.

12. Будникова О. В., Колесникова Е. В. Развитие профессиональных качеств конструкций при освоении метода наколки ткани на манекен в рамках самостоятельной работы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1 (30). С. 127-135.

Поступила в редакцию 07.02.19

UDC 7+687

O. V. Budnikova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: budnikovakursk@yandex.ru)

E. V. Kolesnikova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: elena-v-kolesnikova@yandex.ru)

T. M. Nozdracheva, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Southwest State University (94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia) (e-mail: noztat@yandex.ru)

FEATURES OF FORMATION OF SPATIAL THINKING OF STUDENTS IN THE PROCESS OF DESIGN

The article touches upon the pedagogical aspects and conditions for the formation of various types of students' thinking. The specificity of students' research is analyzed and the possibilities of using paper as a source material for the development of clothing designs and decor by changing the plane of the sheet, creating relief and complex texture of the surface of the suit are considered.

Design activity allows students to use in the educational process diverse sources of information, their own technological experience, personal interaction with the teacher, study group, etc., which facilitates the transition to self-learning and self-development.

The methods of paper plastics are used in architectural and design activities. An important feature of paper structures is that they allow you to form a hollow volume by creating a shell that meets the modern economically justified principle of design: minimum funds, maximum effect. Plastic design today pays special attention to sheet materials and methods of their spatial transformation.

Development of skills of "end-to-end" or three-dimensional vision occurs in the process of studying the practical architectonics, which is a set of exercises to transform the plane of the sheet (paper, cardboard, metal, plastic, etc.) by creating stiffeners or perforations in the three-dimensional shape / structure.

Formation of figurative and spatial thinking of students through the acquisition of practical skills of creating three-dimensional structures of the suit of different materials, starting with a flat sheet of paper, the use of the method of projects becomes a reference type of thinking in design. One of the conditions for the formation of spatial thinking is the integration of art in the field of design.

Key words: *spatial thinking; creativity; design education; architectonics; modeling; costume; paper plastics; transformation.*

For citation: Budnikova O. V., Kolesnikova E. V., Nozdracheva T. M. Features of formation of spatial thinking of students in the process of design. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 136–147 (in Russ.).

References

1. Gromkova M. T. *Androgogika: teoriya i praktika obrazovaniya vzroslyh*. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2005. 495 p.

2. *Psihologicheskij slovar'*; ed. by Zinchenko V. P., Meshcheryakova B. G. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, 2004. 479 p.

3. Shimko V. T. *Dizajn-iskusstvo postroeniya form budushchego na styke kul'tur i professij (principy formirovaniya obrazovatel'nyh programm)*. IV nauchnyj forum dizajnerov. Sb. st. Moscow, 2013, 208 p.

4. Kolesnikova E. V. *Uovershenstvovanie razmernoj tipologii naseleniya kak osnova proektirovaniya racional'nyh razmerov odezhdy s cel'yu uluchsheniya kachestva shvejnyh izdelij*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Tekhnika i tekhnologii*, 2012, no. 2, pt. 1, pp. 222–225.

5. Kozlova T. V. *Kostyum. Teoriya hudozhestvennogo proektirovaniya*. Moscow, MGTU im. A.N. Kosygina Publ., 2005, 380 p.

6. *Moda i model'ery*. Moscow, Mir enciklopedij Avanta+, Astrel' Publ., 2010. 183 p.

7. *Dizajn-proekt Mono: stil'naya, no odnorazovaya odezhda iz bumagi*. URL: <https://novate.ru/blogs/230711/18243/>.

8. Budnikova O. V., Shama A. G. *Bumagoplastika v dizajne kostyuma*. Regional'noe razvitie industrii mody. Materialy Region. nauchn-prakt. konf. Kursk, 2011. 119 p.

9. Budnikova O. V. *Arhitektonika ob'yomnyh form (Dizajn kostyuma)*. Kursk, 2011. 140 p.

10. Fedorov M. V. *Nauchno-metodicheskie problemy dizajna dlya resheniya social'no-ekonomicheskikh zadach*. Moscow, Arhitektura-S. Publ., 2010, 216 p.

11. Vasil'eva E. *Sistema tradicionnogo i princip mody*, 2017, no. 43, pp. 11-29.

12. Budnikova O. V., Kolesnikova E. V. *Razvitie professional'nyh kachestv konstrukcij pri osvoenii metoda nakolki tkani na maneken v ramkah samostoyatel'noj raboty*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 127-135.

УДК 159.9

В. Б. Никишина, д-р психол. наук, профессор, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова (Россия, 117997, Москва, ул. Островитянова, д. 1) (e-mail: vbnikishina@mail.ru)

Ю. В. Золотухина, канд. психол. наук, Медико-санитарная часть МВД России по Курской области (Россия, 305004, Курск, ул. Гоголя, 5) (e-mail: zolot.y@mail.ru)

А. Н. Моргун, канд. психол. наук, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова (Россия, 117997, Москва, ул. Островитянова, д. 1) (e-mail: an_morgun@mail.ru)

В. И. Жукова, заместитель декана, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85) (e-mail: zhukova@bsu.edu.ru)

МОДУЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КИБЕР-ПРОСТРАНСТВА В СМЫСЛООБРАЗОВАНИИ ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ: ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной работе реализуется задача анализа пространства научных исследований на предмет трансформации отношения к смерти от непосредственной техническими средствами реальности к ее представленности в киберпространстве. Оценивается диапазон и содержательные тенденции исследований проблемы отношения к смерти в цифровой реальности. Используются методы формальной оценки научной результативности, наукометрические методы, а также содержательный анализ массива публикаций, объединенных тематикой «цифровая смерть» («digital death»).

Анализ осуществлялся по запросу «отношение (установки) к смерти» («attitude to death») в пространстве научных исследований, индексируемом крупнейшей библиометрической базой Scopus. Анализируемые публикации относятся к категории кросс-секционных исследований, представляющих собой срез данных о феномене «цифровой смерти», выполненный в популяции, на одной временной отметке. Анализ публикационного массива темы «цифровая смерть» показывает две основные тенденции научного рассмотрения представленности смерти и отношения к смерти в киберпространстве: а) исследования рассматривают в основном негативные аспекты трансформации киберпространством темы смерти (например, кибер-суицид); б) выделяется тема регламентирования и структурирования смертельного кибер-поведения.

На основании анализа делается вывод о том, что кибер-пространство, опосредуя событие смерти и отношение к ней пользователя цифровой среды, вносит модулирующую функцию в смыслообразование отношения к смерти, переводя тематику смертности на новые смысловые планы, качественно меняя это отношение. В силу публичной трансляционности, а также массовости киберпространства, опосредуемая им тематика предельных экзистенциальных состояний (в частности смерти) катализируется в своем значении как для исследований, так и для общества. В этой связи тема опосредованности информационно-технологическими средствами предельных экзистенциальных состояний представляется исследовательски перспективной.

Ключевые слова: кибер-пространство; отношение к смерти; цифровая смерть; модулирующая функция; смыслообразование.

Ссылка для цитирования: Модулирующая функция кибер-пространства в смыслообразовании отношения к смерти: обзорно-аналитический аспект / В. Б. Никишина, Ю. В. Золотухина, А. Н. Моргун, В. И. Жукова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 148–159.

Введение

В гуманитарной и естественнонаучной областях знания феномен отношения к смерти давно и дифференцированно изучается. В контексте данной исследовательской логики ставилась и решалась задача анализа пространства научных исследований на предмет трансформации

отношения к смерти от непосредственной техническими средствами реальности к ее представленности в киберпространстве. Оценивался диапазон и содержательные тенденции исследований проблемы отношения к смерти в цифровой реальности.

Публикационная активность по запросу «отношение (установки) к смерти» («attitude to death») в пространстве научных исследований, индексируемом крупнейшей библиометрической базой Scopus, демонстрирует линейный прирост с 1966 года. На текущий момент в Scopus индек-

сируется 14890 публикаций, с индексом Хирша массива – 144. График (рис. 1) показывает наиболее высокую связь ($R^2=0,8663$) с арифметической линией тренда, что говорит о линейном приросте публикаций в год по данной тематике.

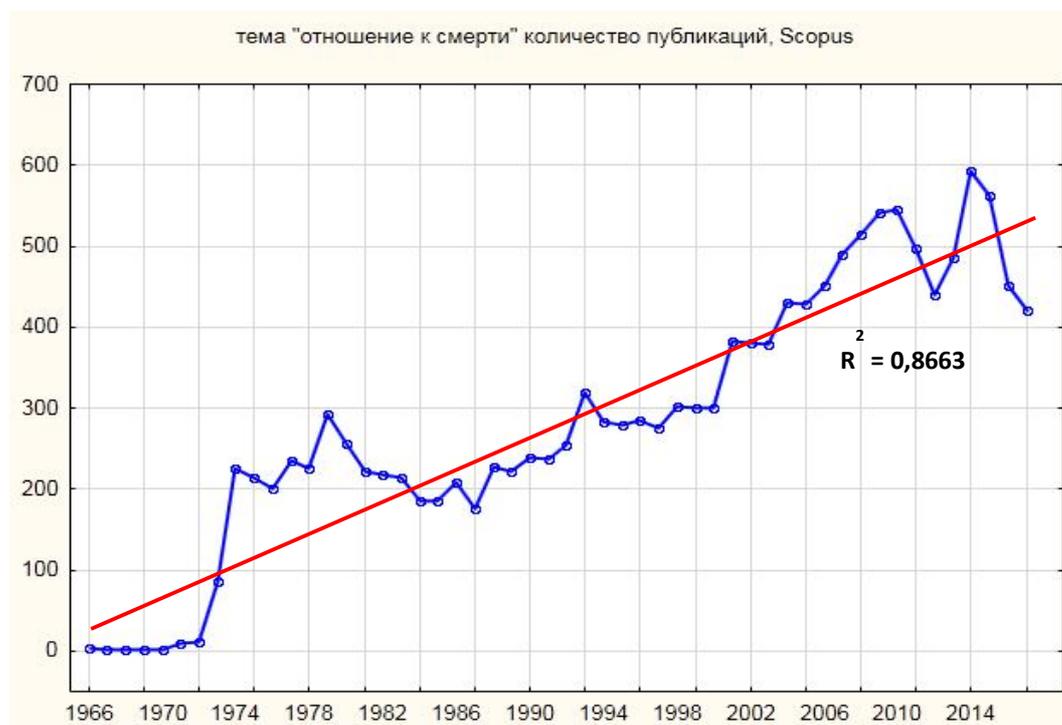

Рис. 1. График публикационной активности в библиометрической базе Scopus по запросу «отношение к смерти» с 1966 по 2018 гг.

В обозначенном массиве публикаций, исследования психологической направленности занимают третье место по количеству: 1870 публикаций. Большая часть публикаций относится к медицине (11045 публикаций, 1-я позиция, индекс Хирша в данной теме - 122) и сестринскому делу (3103 публикаций, 2-я позиция). Причем, существенный вклад в величину индекса Хирша темы «attitude to death» вносят именно публикации по психологии: индекс Хирша массива психологических публикаций по теме «attitude to death» – 89. Далее следуют социальные науки (1688 публикаций, 4-я позиция, индекс Хирша в данной теме – 79), искусство и гуманитарные науки

(1057 публикаций, 5-я позиция, индекс Хирша в данной теме – 67).

Цифровая жизнь реализуется в основных сферах жизни человека: физическая жизнь, социальная жизнь, духовная жизнь. Закономерно, что там, где есть жизнь, есть и смерть [1–5].

С 1997 года, в публикационном массиве, феномен «отношение к смерти» возникает в тематике (в названиях публикаций, в ключевых словах, в аннотациях) со словом интернет («internet»). При этом выявляются 212 работ со связанными темами «attitude to death» и «internet».

Поисковые запросы «digital death», «death in cyberspace», «death in digital space» выявляют 18 публикаций. Все результаты поиска относятся к запросу

«digital death». Самая ранняя публикация массива «digital death» относится к 2006 году, самые поздние – 4 публикации 2018 года. В массиве 9 публикаций с ненулевым цитированием. Аналитика по иерар-

хической систематике исследований [6–11] по критерию научной значимости (рис. 2) позволяет оценить качественную динамику статей по феномену «цифровой» смерти.

Рис. 2. Схема иерархической систематики научных исследований

Итак, по результатам поискового запроса в библиографической и реферативной базе данных «Scopus», по ключевым словам «digital death» из 18 научных статей, все исследования по теме «цифровой смерти» относятся к категории кросс-секционных исследований.

Результаты и обсуждения

Содержательная часть анализа предполагает оценку основных тенденций в пространстве исследований феномена цифровой смерти.

Debra J. Bassett в статье «Ctrl + Alt + Delete: изменяющийся ландшафт загробной долины и страх перед второй потерей» исследует влияние цифровой постжизни, обеспечиваемой Интернетом, на скорбь людей. Чтобы исследовать как воспринимаются эти сообщения и воспоминания, автором была разработана клас-

сификация интернет-пользователей, формирующих основной контент-трафик в интернете: цифровые создатели (Digital Creators), цифровые наследники (Digital Inheritors) и поставщики услуг (Service Providers). Цифровые создатели, по определению автора, это создатели посмертно стойких цифровых воспоминаний и/или сообщений. Цифровые наследники – те, кто наследуют цифровые воспоминания и/или сообщения. И поставщики услуг – те, которые предоставляют платформы для цифровых создателей и цифровых наследников. Для реализации поставленных задач Debra J. Bassett было проведено анкетирование и персональное интервью с 31 цифровым наследником. Испытуемые набирались из социальных сетей и для чистоты эксперимента сами откликнулись на сообщения, представленные

автором. Результаты своего исследования Debra J. Bassett представила в четырех тематических блоках: «связь между контролем и комфортом», «сверхъестественная долина», «страх цифровой смерти» и «страх второй потери». Результаты этого исследования позволяют предположить, что передача контента аккаунта, принадлежащего погибшему, может вызвать потенциальные проблемы для скорбящих. Делается вывод о том, что платформы, предлагающие эту услугу, должны быть тщательно рассмотрены на предмет потенциального вреда, который могут оказать эти наследуемые сообщения на погибших [12].

V. Starcevic и E. Aboajaoude в статье: «Киберхондрия, киберзапугивание, кибер-самоубийство, киберсекс: «новые» психопатологии 21-го века?», исследуют тревоги, связанные со здоровьем, запугиванием или преследованием, самоубийствами и навязчивым сексуальным поведением, ставшие актуальными для цифровой сферы. Хотя они далеко не уникальны, они иллюстрируют диапазон психологических функций, которые были реконфигурированы цифровой революцией, а также демонстрируют насколько упрощен подход так называемого «большого зонтика», который сводит обсуждение любого вопроса психопатологии к «технологической зависимости». Авторы проводят литературный анализ 20 источников за период с 2002 по 2016 год. V. Starcevic и E. Aboajaoude делают ряд выводов, исходя из своего анализа: во-первых, наибольшее внимание к современным цифровым психопатологиям вызывают средства массовой информации; во-вторых, рассматриваемые психопатологии формируются и развиваются по причине полной доступности сети Интернет и возможности анонимности в ней; в-третьих, делается вывод, что хотя интернет и является причиной формирования данных психопатологий, не стоит

всё сводить лишь к всемирной паутине, т.е. авторы подчёркивают что игровая зависимость, интернет-зависимость и прочие нарушения нормального функционирования в первую очередь развиваются из-за нестабильности биологической, психологической и социальной сферы индивида [13].

Adekola O. Alao с соавторами в статье: «Кибер-суицид: обзор роли Интернета в самоубийстве», на основе анализа 9 случаев суицида пациентов в возрасте от 16 до 42 лет, а также на основе анализа 12 источников литературы в диапазоне с 1996 по 2004 год делают ряд выводов о влиянии сети Интернет на возможные случаи суицидального поведения. Во-первых, интернет как средство общения может поощрять суицидальное поведение, изображая способы совершения самоубийства. Во-вторых, некоторые интернет-сайты могут отговаривать людей с психическими заболеваниями обращаться за психиатрической помощью, оправдывать самоубийство и запрещать вход тем, кто предлагает отговорить пользователей от самоубийства. Тем не менее, интернет может быть ресурсом, чтобы помочь потенциально суицидальному человеку получить помощь, и может использоваться для выявления лиц, которым грозит самоубийство, для общения с ними и, возможно, для предотвращения самоубийства. В работе делается вывод о том, что, при правильном использовании интернет является мощным средством коммуникации, которое можно использовать для помощи пациентам-самоубийцам [14].

Ria Virbal с соавторами в статье: «Кибер-суицид в подростковой среде: вызов будущего?», изучили феномен кибер-суицида, который все более распространяется среди поколений, культур и рас. Были рассмотрены статьи, касающиеся интернет-самоубийств и другой терминологии, а также подклассификации, касающиеся этой новой формы само-

убийств. Авторы определяют кибер-суицид как термин, используемый в отношении самоубийства и его идей в интернете. Авторами был изучен ряд сообщений о случаях самоубийств, опубликованных в интернете в электронных новостных статьях, журналах и базах данных, а также из отчетов библиотечных баз данных и местных газет. Систематический обзор отобранных случаев проводился в соответствии со следующими показателями: метод самоубийства, психосоциальные причины совершения самоубийства и влияние этих действий на других, т.е. цепные самоубийства (эффект Вертера). Авторы пришли к выводу, что акт кибер-суицида существует в трёх формах: во-первых, пользователи решаются на совершение данного акта в надежде избежать эмоциональных страданий из-за индивидуальных и социальных проблем; во-вторых, кибер-суицид выступает актом протеста против существующей системы и в-третьих, пользователи сети страдают психическими заболеваниями [15].

Marc J. Kingsley, Tom Stockmann и Daniel Wright в статье «Цифровая жизнь в психотерапии: другой в комнате» исследуют обеспокоенность явлением «кибер-суицида» в социальной среде. Авторы предлагают теоретическое объяснение подобного явления посредством концепции внутреннего раскола между «суицидальной частью (SP)» и «не суицидальной частью (NSP)» внутри личности. Данная концепция основывается на психоаналитическом направлении в психотерапии и объясняет амбивалентную структуру личности через борьбу за доминирование между внутренней жизнью и внешними отношениями. Данная теория опирается на более широкую концептуализацию психики как разделенной между частями и различными состояниями ума, конкурирующими за контроль над уязвимым человеком и за его способ-

ность терпеть и управлять эмоциональной болью и реальностью. Исследование основывается на анализе случаев клинической практики. Авторы приходят к выводу, что психоаналитическая теория уже давно предполагает, что внутри одного и того же человека могут существовать внутренние расщепления и противоречивые состояния ума. Это имеет значение для работы с людьми-самоубийцами, где внутренний раскол в психике может быть концептуализирован в «NSP» и «SP». В настоящее время интернет часто является первым источником информации практически по любой теме, поэтому неудивительно, что он может представлять потенциальные риски для уязвимых и склонных к самоубийству людей, которые внутренне разделены между SP и NSP. Это особенно важно в клинических условиях, когда пациент и терапевт работают взаимно друг с другом, в то время как скрытая часть пациента может активно участвовать в поиске методов смерти в интернете, или в формировании и развитии ключевых отношений с незнакомцем онлайн, с противоположным терапии намерением, чтобы разрушить жизнь и избежать вынужденного столкновения с эмоциональными переживаниями жизненных трудностей [16].

В статье: «Музеи Самости и Цифровой Смерти: новая кураторская дилемма цифрового наследия», под авторством Stacey Pitsillides, дается обзор возникающей кураторской дилеммы о том, как цифровые данные и сети, которые в настоящее время «хранят» практически всю информацию о личности, будут играть все более важную роль в нашем растущем цифровом наследии. Общество должно начать думать о том, какое влияние эта масса данных имеет на нас, как эмоционально, так и социологически, особенно когда эти данные в настоящее время не редактируются и не удаляются, а просто передаются из поколения в по-

коление. Авторы стремятся подчеркнуть сложную социально-техническую связь, которую общество имеет с «объектами памяти», когда они представлены в виде онлайн-данных, и влияние, которое оказывает хранение данных о личности в общем доступе сети Интернет. Анализируя, как люди в настоящее время выбирают, хранят, ищут и оценивают данные, авторы предложили различные новые подходы к тому, как общество видит и взаимодействует с управлением данными и наследием в цифровом мире. Очевидно, что разработка технологии хранения данных о личности – это обоюдоострый меч, он может дать людям более богатый ресурс прошлого, чем когда-либо прежде, но он также может сформировать зависимость от технологии, которая будет необходимо возникать для понимания и контроля за постоянно растущим цифровым наследием [17].

Tony Walter и соавторы в статье: «Меняет ли интернет то, как мы умираем и скорбим? Обзор и анализ», изучает ряд новых проблем, которые возникают перед исследователями феномена смерти из-за активного развития интернета. Исследование разделено на две части. В первой части описывается ряд онлайн-практик, которые могут повлиять на смерть, похороны, горе и увековечение памяти, а также наследование цифровых данных пользователей; также суммируются виды исследований, которые были проведены в этих областях. Во второй части утверждается, что эти новые онлайн-практики имеют значение и могут быть освещены ключевыми понятиями в исследованиях смерти: секвестрация (или отделение от повседневной жизни) смерти и умирания, лишение права на горе, личное горе, социальная смерть, болезнь и рассказы о печали, постоянные связи с мертвыми и присутствие мертвых в обществе. Исследование основывается на анализе более 40 научных работ, а также

на критическом изучении актуального состояния интернет-пространства (блоггинг, социальные сети, публичные трансляции личной жизни и т.п.) [18].

Ayumi Naito в статье «Интернет-самоубийство в Японии: последствия для психического здоровья детей и подростков», на основе анализа научной литературы и четырёх случаев кибер-суицида, приходит к выводу, что люди все больше осознают важность психического здоровья детей, однако многое еще остаётся не учтённым. Автор считает, что необходимы дальнейшие исследования (а) эпидемиологии депрессивных детей и подростков, (б) использования интернета (что может быть риском для самоубийств?) и (в) улучшения службы охраны психического здоровья для японских детей. Кроме того, учитывая тот факт, что самоубийство представляет собой сложную сеть переплетённых нитей психических, физических, социальных и семейных проблем, крайне важен междисциплинарный подход. Данный подход будет включать специалистов, средства массовой информации, школьных учителей, семьи и сверстников. Делается заключение о том, что если японская молодежь должна ценить достоинство жизни, важно, чтобы им была предоставлена возможность открыто обсуждать вопросы, связанные с жизнью и смертью. Также, автор формирует характеристику детей, склонных к интернет-самоубийству, которая включает следующие пункты: эти дети из неблагополучных семей; в их семейном анамнезе имеются случаи психических расстройств; эти дети имеют психические расстройства; они злоупотребляют психоактивными веществами; имеют определённую историю попыток нанесения себе вреда [19].

Amanda Phillips в статье «Стрельба на поражение: headshot, Twitch-рефлексы и мехрополитика видеоигр», проводит параллели между игровым феноменом

«выстрела в голову» и политическими убийствами. Он раскрывает понятие мехрополитики (mechropolitic): способа мышления о смерти в политическом мире, с помощью переноса реальных смертей в механику видеоигр и цифрового моделирования. Выходя за рамки вопроса о том, оказывает ли насилие в видеоиграх непосредственное влияние на агрессию, мехрополитика мобилизует критику эстетической и социальной справедливости, чтобы разоблачить аффективные структуры, действующие в цифровых мирах смерти. Видеоигры конструируют смерть и умирание как технологические процессы и игровые цели, превращая их в механизмы, которые структурируют игровую деятельность: для развлечения, разочарования или удовлетворения. Системы, которые включают видеоигры, определяют, кто может жить, а кто может умереть и каким образом, в соответствии со сценариями правилами и сюжетным повествованием. Автор делает вывод, что в видеоиграх представлены тактические и стратегические элементы, вследствие чего, сходство видеоигры с реальностью очень велико, но это не может являться причиной для обвинения видеоигр в росте агрессивности пользователей сети [20].

В статье «Умирание, смерть и смертность: на пути к танаточувствительности при НСИ», Massimi M., с соавторами, описываются особенности «взаимодействия» между человеком и компьютером, в том случае, когда пользователя больше нет в живых. В этой исследовательской работе используются выводы из гуманистической парадигмы, в целях аргументации необходимости учитывать факты смертности и смерти в исследованиях по взаимодействию человека и компьютера (human-computer interaction (НСИ)). В данной работе используется междисциплинарный подход, в целях критического размышления о пересечении смерти и вычислительных машин,

иллюстрируются концептуальные и практические сложности, представленные смертностью, умиранием и смертью в НСИ. Авторами данной работы вводится концепция танаточувствительности, чтобы описать подход, который активно интегрирует факты смертности, смерти и смерти в НСИ [21].

В статье Моисеева Н.В. «К постановке проблемы смертности в эпоху новых медиа», обсуждаются вопросы трансформации ритуалов скорби под влиянием новых медиа, особенности специфики онлайн-мемориализации, юридические практики и необходимость их пересмотра в новых реалиях, этические проблемы, связанные с изменением статуса приватности и табуированности смерти и психологические аспекты феномена смертности в цифровую эру. Целью данной статьи является обозначение проблемного поля и указание векторов изучения данной проблемы. В статье описывается такой аспект смертности, как онлайн-самоубийства. Они включают в себя акт публичного ухода из жизни, который часто связан с желанием отстоять свою позицию или же сделать политическое заявление. В данной статье выделяются два аспекта онлайн-самоубийств: 1) желание быть свидетелем предельных экзистенциальных состояний; 2) психологическое состояние публичного самоубийцы, его истинные мотивы предания огласке собственной трагедии [22].

Сколота З. Н. с соавторами, в статье «Феномен бессмертия в виртуальном мире», анализирует феномен бессмертия в условиях виртуального пространства. В настоящий момент образуется все большее количество аккаунтов умерших людей в социальных сетях, возникают электронные мемориалы и виртуальные кладбища. Автор рассматривает концептуальные модели бессмертия: 1) философская модель. Характеризует бессмертие, как бессмертие нематериальной души или бестелесное существование. Данный тип

существования, обозначен в философии как эйдетическое; 2) христианская модель. Основана на факте физической смертности человека и бессмертия его души. Согласно данной модели, после смерти человека душа продолжает существовать в промежуточном бестелесном состоянии до Второго пришествия и всеобщего Воскресения; 3) паранаучная модель. Характеризуется бессмертием астрального тела. После смерти астральное тело отделяется от физического; 4) натуралистическая модель. Характеризуется бессмертием природных первоначал, которые могут быть представлены генетическим кодом или мигрирующими атомами; 5) социокультурная модель. Характеризуется культурным наследием, оставленном умершим в памяти человечества. В данной статье описывается феномен «цифровой души», в виде цифровой копии своего «Я». Авторы дают определение цифровой души. Согласно данной статье, это «нематериальная форма идентичности, набор личной информации, мыслей и визуального ряда, представленная в виртуальном пространстве». Авторы данной статьи делают выводы, что виртуальная память об усопших – это положительное явление, однако «встреча» с цифровой душой умершего человека в Интернете может вызвать у человека отрицательные эмоции [23].

В работе Бaeвoй Л.В. «Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти»» описывается изучение экзистенциальных проблем человека, которые актуальны в современном мире. В статье поднимается проблема молодежного эскапизма и суицидальных виртуальных сообществ. Автором используется экзистенциально-аксиологический подход и анализ эмпирических данных (интернет-сообществ, сайтов) для выявления факторов и групп риска, характеристик этих сложных социальных явлений в условиях электронной культуры. В статье описывается явление Хикикомори, которое представляет собой форму моло-

дежной субкультуры, с выраженными признаками бегства от социальной реальности. Также, в данной статье описывается феномен «групп смерти». В данной статье дается определение «группам смерти» – это виртуальные сообщества, в которых под видом выполнения заданий в форме игры их администраторы направляли детей и подростков к совершению самоубийств. В статье делается вывод, что электронная среда стала почвой для осознанного и неосознанного бегства от социальной реальности и новых проявлений эскапизма [24].

Richardson M. в своей статье «Радикальное отсутствие: встречается ли травматический аффект в исчезновении в цифровой среде» описывает, что травматический аффективно-насыщенный опыт в цифровом пространстве характеризуется текучестью, подвижностью, изменчивостью, множественностью и «заразностью». Это обусловлено тем, что с расширением медиа пространства ликвидируется концептуальный разрыв между событием и его содержанием. Автор уточняет понятие «аффект», в данном случае, – это «одновременное участие виртуального в действительности и действительности в виртуальном пространстве, когда одно возникает из другого и возвращается к нему». В статье приводятся примеры воздействия на человека аккаунтов умерших людей. Авторами делается вывод, что нынешнее «поколение Facebook» тесно знакомо со смертью, благодаря феномену цифровой смерти [25].

Leaver T., в своей статье «Исследование пределов личности: рождение и смерть в социальных сетях», утверждает, что необходимо расширение сферы исследований в социальных сетях с целью изучения рождения и индивидуальной жизни каждого человека с одной стороны, а также смерти и увековечения памяти, с другой. В данной статье описывается, что социальные медиа – это сфера коммуникации, объединяющая людей в группы и сообщества. Картирование этих

сторон идентичности также показывает больше нюансов повседневного использования социальных сетей и их влияния. Повсеместное распространение цифровой связи и повсеместное распространение мобильных устройств означает, что роль социальных сетей в повседневной жизни продолжает расти. Изучение виртуальной смерти может расширить наше понимание того, что означает социальная сеть и как она относится к отдельным лицам, группам и личностям. Расширение охвата исследований в социальных сетях таким образом может сформировать акцент не только на том, как люди формируют сообщества различных типов, но и на том, как различные индивиды представлены в сообществах и группах [26, 27].

Выводы

Представленный в обзоре пока сравнительно немногочисленный массив публикаций позволяет сделать ряд выводов как в отношении тенденций проникновения киберпространства в жизнь человека, так и в тенденциях научного интереса к отдельным аспектам информатизации человеческой жизни, а также специфике подхода к изучению этих аспектов:

Все исследования по теме «цифровой смерти», опубликованные в ведущих научных журналах мирового публикационного пространства и индексированные в крупнейшей библиометрической базе Scopus, относятся к категории кросс-секционных исследований. Они представляют собой срез данных о феномене «цифровой смерти», выполненный в популяции, на одной временной отметке. Данный вид исследований находится на малом уровне научной значимости, в связи с чем необходимо проведение рандомизированных контролируемых испытаний и стремление к мета-анализу и системным обзорам.

Анализируемый массив публикаций рассматривает в основном негативные аспекты трансформации киберпространством темы смерти. В большинстве своем

– это тема кибер-суицида, влияния интернета на суицидальное поведение.

Также заметной областью интересов авторов выделяется тема регламентирования и структурирования морального кибер-поведения: правовые аспекты существования аккаунтов умерших в социальных сетях, интернет-мемориалы, ритуализация скорби, конструирование умирания и смерти как технологического процесса в видеоиграх и др.

Кибер-пространство, опосредуя событие смерти и отношение к ней пользователя цифровой среды, вносит модулирующую функцию в смыслообразование отношения к смерти, переводя тематику моральности новые смысловые планы, качественно меняя это отношение.

В силу публичной трансляционности, а также массовости киберпространства, опосредуемая им тематика предельных экзистенциальных состояний (в частности смерти) катализируется в своем значении, как для исследований, так и для общества. В этой связи тема опосредованности информационно-технологическими средствами предельных экзистенциальных состояний представляется исследовательски перспективной.

Список литературы

1. Arnold M. et al. *Death and Digital Media*. Routledge, 2017.
2. Cross M. Delivering a digital death // *BMJ*. 2013. Т. 346. P. 2528.
3. Gibbs, M., Meese, J., Arnold, M., Nansen, B., & Carter, M. #Funeral and Instagram: death, social media, and platform vernacular // *Information, Communication & Society*. 2014. Т. 18(3). P. 255–268.
4. Gulotta R. et al. Engaging with Death Online: An Analysis of Systems that Support Legacy-Making, Bereavement, and Remembrance // *Proceedings of the 2016 ACM Conference on Designing Interactive Systems*. ACM, 2016. P. 736-748.
5. Locasto M. E., Massimi M., DePasquale P. J. Security and privacy considerations in digital death // *Proceedings of the*

2011 New Security Paradigms Workshop. – ACM, 2011. P. 1-10.

6. McCallig D. Facebook after death: an evolving policy in a social network // International Journal of Law and Information Technology. 2014. Т. 22. №. 2. P. 107-140.

7. Moreman C. M., Lewis A. D. (ed.). Digital Death: Mortality and Beyond in the Online Age: Mortality and Beyond in the Online Age. ABC-CLIO, 2014.

8. Pitsillides S., Jefferies J., Conreen M. Museum of the self and digital death: An emerging curatorial dilemma for digital heritage // Heritage and Social Media. Routledge, 2012. P. 74-86.

9. Pitsillides S., Waller M., Fairfax D. Digital Death: What Role Does Digital Information Play in the Way We are (Re) Membered? // Digital Identity and Social Media. IGI Global, 2013. P. 75-90.

10. Ulguim P. Digital Remains Made Public: Sharing the dead online and our future digital mortuary landscape // AP: Online Journal in Public Archaeology. 2018. Т. 8. №. 2. P. 153-176.

11. Van Ryn, L., Meese, J., Arnold, M., Nansen, B., Gibbs, M., & Kohn, T. Managing the consumption of death and digital media: The funeral director as market intermediary // Death Studie (Статья в печати). 2019.

12. Bassett D. J. Ctrl+ Alt+ Delete: The changing landscape of the uncanny valley and the fear of second loss // Current Psychology. 2018. P. 1-9.

13. Starcevic V., Aboujaoude E. Cyberchondria, cyberbullying, cybersuicide, cybersex: “new” psychopathologies for the 21st century? // World Psychiatry. 2015. Т. 14. №. 1. P. 97-100.

14. Alao A. O. et al. Cybersuicide: review of the role of the internet on suicide // CyberPsychology & Behavior. 2006. Т. 9. №. 4. P. 489-493.

15. Birbal R. et al. Cybersuicide and the adolescent population: challenges of the future? // International journal of adolescent medicine and health. 2009. Т. 21. №. 2. P. 151. PMID: 19702194

16. Kingsley M. J., Stockmann T., Wright D. Digital lives in psychotherapy:

«the other in the room» // Psychoanalytic Psychotherapy. 2017. Т. 31. №. 2. P. 160-175.

17. Giaccardi E. Museum of the self and digital death: An emerging curatorial dilemma for digital heritage // Heritage and Social Media. Routledge, 2012. С. 74-86.

18. Walter T. et al. Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis // OMEGA-Journal of Death and Dying. 2012. Т. 64. №. 4. P. 275-302.

19. Naito A. Internet suicide in Japan: implications for child and adolescent mental health // Clinical Child Psychology and Psychiatry. 2007. Т. 12. №. 4. P. 583-597.

20. Phillips A. Shooting to kill: Headshots, twitch reflexes, and the mechropolitics of video games // Games and Culture. 2018. Т. 13. №. 2. P. 136-152.

21. Massimi M., Charise A. Dying, death, and mortality: towards thanatosensitivity in HCI // CHI'09 Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems. ACM, 2009. P. 2459-2468.

22. Моисеев В. Н. К постановке проблемы смертности в эпоху новых медиа // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13. №. 3. С. 274-279.

23. Сколота З. Н., Алексеева И. Ю. Феномен бессмертия в виртуальном мире // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. №. 3. С. 135-141.

24. Баева Л. В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» // Ценности и смыслы. 2018. №. 2. С. 39–54.

25. Richardson M. Radical absence: encountering traumatic affect in digitally mediated disappearance // Cultural Studies. 2018. Т. 32. №. 1. P. 63-80.

26. Leaver T. Researching the ends of identity: Birth and death on social media // Social Media+ Society. 2015. Т. 1. №. 1.

27. Leaver T. The social media contradiction: Data mining and digital death // M/C Journal: A Journal of Media and Culture. 2013. Т. 16. №. 2.

Поступила в редакцию 11.03.19

UDC159.9

V. B. Nikishina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Pirogov Russian National Research Medical University (RNRMU) (1, Ostrovitianov str., Moscow, 117997, Russia) (e-mail: vbnikishina@mail.ru)

J. V. Zolotukhina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Medical and sanitary part of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kursk region (5, Gogolya str., Kursk, 305004, Russia) (e-mail: zolot.y@mail.ru)

A. N. Morgun, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pirogov Russian National Research Medical University (RNRMU) (1, Ostrovitianov str., Moscow, 117997, Russia) (e-mail: an_morgun@mail.ru)

V. I. Zhukova, Deputy Dean, Belgorod State University (85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia) (e-mail: zhukova@bsu.edu.ru)

THE MODULATING FUNCTION OF CYBER-SPACE IN THE FORMATION OF ATTITUDES TOWARDS DEATH: A REVIEW AND ANALYTICAL ASPECT

In this paper, the task of analyzing the space of scientific research for the transformation of the attitude to death from the reality, which is not mediated by technical means, to its representation in cyberspace, is realized. The range and substantial tendencies of research of the problem of attitude to death in digital reality are estimated. The methods of formal evaluation of scientific performance, scientometric methods, as well as a meaningful analysis of the array of publications United by the theme of "digital death" ("digital death") are used.

The analysis was carried out at the request of "attitude (attitudes) to death" ("attitude to death") in the research space indexed by the largest bibliometric database Scopus. The analyzed publications belong to the category of cross-sectional studies, which are a slice of data on the phenomenon of "digital death", performed in the population, at one time stamp. The analysis of the publication array of the theme "digital death" shows two main trends of scientific consideration of the representation of death and the attitude to death in cyberspace: a) the research deals mainly with the negative aspects of the transformation of the theme of death by cyberspace (for example, cyber suicide); b) the theme of regulation and structuring of

Based on the analysis, it is concluded that cyber space, mediating the event of death and the attitude of the user of the digital environment to it, makes a modulating function in the meaning formation of the attitude to death, translating the theme of mortality into new semantic plans, qualitatively changing this attitude. Due to the public translationality, as well as the mass nature of cyberspace, the subject of the limiting existential States (in particular death) mediated by it is catalyzed in its meaning, both for research and for society. In this regard, the topic of mediation by information technology means of limiting existential States seems to be promising for research.

Key words: cyber-space; attitude to death; digital death; modulating function; formation of meaning.

For citation: Nikishina V. B., Zolotukhina J. V., Morgun A. N., Zhukova V. I. The modulating function of cyber-space in the formation of attitudes towards death: a review and analytical aspect. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 148–159 (in Russ.).

References

1. Arnold M. et al. *Death and Digital Media*. Routledge, 2017.
2. Cross M. Delivering a digital death. *BMJ*, 2013, vol. 346, pp. 2528.
3. Gibbs, M., Meese, J., Arnold, M., Nansen, B., & Carter, M. #Funeral and Instagram: death, social media, and platform vernacular. *Information, Communication & Society*, 2014, vol. 18(3), pp. 255–268.
4. Gulotta R. et al. Engaging with Death Online: An Analysis of Systems that Support Legacy-Making, Bereavement, and Remembrance. *Proceedings of the 2016 ACM Conference on Designing Interactive Systems*. ACM, 2016, pp. 736-748.
5. Locasto M. E., Massimi M., DePasquale P. J. Security and privacy considerations in digital death. *Proceedings of the 2011 New Security Paradigms Workshop*. ACM, 2011, pp. 1-10.
6. McCallig D. Facebook after death: an evolving policy in a social network. *International Journal of Law and Information*

Technology, 2014, vol. 22, no. 2, pp. 107-140.

7. Moreman C. M., Lewis A. D. (ed.). *Digital Death: Mortality and Beyond in the Online Age: Mortality and Beyond in the Online Age*. ABC-CLIO, 2014.

8. Pitsillides S., Jefferies J., Conreen M. *Museum of the self and digital death: An emerging curatorial dilemma for digital heritage*. *Heritage and Social Media*. Routledge, 2012, pp. 74-86.

9. Pitsillides S., Waller M., Fairfax D. *Digital Death: What Role Does Digital Information Play in the Way We are (Re) Membered? Digital Identity and Social Media*. IGI Global, 2013, pp. 75-90.

10. Ulguim P. *Digital Remains Made Public: Sharing the dead online and our future digital mortuary landscape*. *AP: Online Journal in Public Archaeology*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 153-176.

11. Van Ryn, L., Meese, J., Arnold, M., Nansen, B., Gibbs, M., & Kohn, T. *Managing the consumption of death and digital media: The funeral director as market intermediary*. *Death Studie (Stat'ya v pechati)*. 2019.

12. Bassett D. J. *Ctrl+ Alt+ Delete: The changing landscape of the uncanny valley and the fear of second loss*. *Current Psychology*, 2018, pp. 1-9.

13. Starcevic V., Aboujaoude E. *Cyberchondria, cyberbullying, cybersuicide, cybersex: "new" psychopathologies for the 21st century?* *World Psychiatry*, 2015, vol. 14, no. 1, pp. 97-100.

14. Alao A. O. et al. *Cybersuicide: review of the role of the internet on suicide*. *Cyber Psychology & Behavior*, 2006, vol. 9, no. 4, pp. 489-493.

15. Birbal R. et al. *Cybersuicide and the adolescent population: challenges of the future?* *International journal of adolescent medicine and health*, 2009, vol. 21, no. 2, pp. 151.

16. Kingsley M. J., Stockmann T., Wright D. *Digital lives in psychotherapy:*

«the other in the room». *Psychoanalytic Psychotherapy*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 160-175.

17. Giaccardi E. *Museum of the self and digital death: An emerging curatorial dilemma for digital heritage*. *Heritage and Social Media*. Routledge, 2012, pp. 74-86.

18. Walter T. et al. *Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis*. *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 2012, vol. 64, no. 4, pp. 275-302.

19. Naito A. *Internet suicide in Japan: implications for child and adolescent mental health*. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 2007, vol. 12, no. 4, pp. 583-597.

20. Phillips A. *Shooting to kill: Headshots, twitch reflexes, and the mechropolitics of video games*. *Games and Culture*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 136-152.

21. Massimi M., Charise A. *Dying, death, and mortality: towards thanatosensitivity in HCI*. *CHI'09 Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*. ACM, 2009, pp. 2459-2468.

22. Moiseev V. N. *K postanovke problemy mortal'nosti v ehpohu novykh media*. *Observatoriya kul'tury*, 2016, vol. 13, no. 3, pp. 274-279.

23. Skolota Z. N., Alekseeva I. Yu. *Fenomen bessmertiya v virtual'nom mire. Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kul'tura*, 2016, no. 3, pp. 135-141.

24. Baeva L. V. *EHskapizm v cifrovom sociume: ot hikikomori do «grupp smerti»*. *Cennosti i smysly*, 2018, no. 2, pp. 39-54.

25. Richardson M. *Radical absence: encountering traumatic affect in digitally mediated disappearance*. *Cultural Studies*, 2018, vol. 32, no. 1, pp. 63-80.

26. Leaver T. *Researching the ends of identity: Birth and death on social media*. *Social Media+ Society*, 2015, vol. 1, no. 1.

27. Leaver T. *The social media contradiction: Data mining and digital death*. *M/C Journal: A Journal of Media and Culture*, 2013, vol. 16, no. 2.

УДК 159.97

Г. С. Воробьева, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: galinashilling@gmail.com)

Т. Ю. Копылова, канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94) (e-mail: asd-swsu@mail.ru)

ПРОФИЛАКТИКА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ЛАГЕРЯ

В статье изложены основные подходы к пониманию сущности и особенностей реализации профилактики аддиктивного поведения подростков в рамках их психологического сопровождения.

Разработана программа психологического сопровождения подростков, употребляющих ПАВ или находящихся в группе риска, в условиях летнего оздоровительного лагеря. Данная программа направлена на развитие у детей эмоциональной саморегуляции, психической устойчивости как личностных ресурсов, необходимых для решения трудных ситуаций и профилактики аддиктивного поведения. В качестве задачи программы психологического сопровождения выступили: 1) развитие самосознания подростков, формирование рефлексии как основы целеполагания собственного поведения, осознания жизненных целей и стратегий их достижения; 2) развитие эмоциональной саморегуляции через преодоление тревожности, психической неустойчивости личности; 3) создание психологически комфортной, эмоционально-насыщенной среды для подростков, способствующей формированию позитивной самооценки и построению открытых и позитивных взаимоотношений с окружающими людьми путём развития навыков коммуникации; 4) формирование осознанного отношения к негативным влияниям аддиктивных агентов; 5) оказание ситуативной психологической помощи в преодолении текущих проблем у подростков. Реализация программы психологического сопровождения предполагает осуществление психологом психодиагностической и информационно-просветительской работы с подростками (групповой и индивидуальной), информационно-просветительской работы с педагогами, проведение психологического тренинга и индивидуального психологического консультирования с подростками.

В результате реализации программы психологического сопровождения подростков произошло значительное уменьшение количества испытуемых, демонстрирующих высокие уровни тревожности и аффективности поведения, что свидетельствует об улучшении социально-психологической адаптации участников программы. Появилась тенденция к увеличению числа подростков, более высоко оценивающих свои отношения с родителями, более осознанно и ответственно относящихся к проведению досуга и выбору моделей для подражания. Существенно возросло количество подростков, демонстрирующих критическое отношение к употреблению психоактивных веществ. Полученные результаты свидетельствуют о достаточно высокой эффективности представленной программы психологического сопровождения подростков, употребляющих ПАВ и находящихся в группе риска, в условиях детского оздоровительного лагеря.

Ключевые слова: психологическое сопровождение; подростковый возраст; аддиктивное поведение; аффективность; тревожность; детский оздоровительный лагерь.

Ссылка для цитирования: Воробьева Г. С., Копылова Т. Ю. Профилактика аддиктивного поведения подростков в контексте их психологического сопровождения в условиях детского оздоровительного лагеря // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 160–169.

Радикальные социально-экономические преобразования в России, осуществляющиеся в течение последних десятилетий и затрагивающие практически все сферы жизни общества, приводят к повышению психологических нагрузок как на взрослых, так и на юных, подрастающих граждан страны. К одной из самых уязвимых, подверженных воздействию неблагоприятных социально-психологических факторов возрастных категорий, относятся подростки. Если в период пе-

реживания возрастного кризиса при недостаточно сформированной системе ценностей [1] подросток оказывается в трудных жизненных обстоятельствах, его адаптивные способности ухудшаются, и тогда «легким» способом улучшения эмоционального состояния нередко становится употребление психоактивных веществ, способствующее формированию аддиктивного поведения.

Аддиктивное поведение проявляется в стремлении к уходу от реальности пу-

тем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема психоактивных веществ (ПАВ). Систематическое употребление алкоголя и наркотических средств приводит к выраженному ухудшению когнитивных процессов, развитию асоциальных черт личности и разрушению психического и физического здоровья подростка [2].

Подростковое аддиктивное поведение является одной из наиболее серьезных современных проблем, требующей комплексного и профессионального подхода к ее решению. При этом в качестве важнейшего направления деятельности специалистов выступает профилактическая работа, направленная на предупреждение развития аддикций, которая может быть реализована в процессе психологического сопровождения подростков на базе образовательных и иных организаций (Г.Н. Панина [3], Н.А. Сирота [4] и др.). Анализ психолого-педагогической литературы показал, что существует противоречие между признанием необходимости психологического сопровождения детей подросткового возраста, находящихся в трудной жизненной ситуации, и дефицитом вариативности организационных форм и технологий, необходимых для его реализации.

Термин «сопровождение» рассматривается в научной литературе в контексте оказания поддержки психически здоровым людям, которые на определенном этапе развития сталкиваются с личностными трудностями. Психологическое сопровождение понимается различными исследователями как: способ реализации психологической поддержки и помощи; интегративная технология, направленная на создание условий для развития и саморазвития личности, эффективного выполнения отдельным человеком своих основных функций; комплексная реализация профессиональных задач деятельности психолога, выстроенная в определенную стратегию с подчинением единой цели сопровождения; процесс отношений между сопровождающим и теми, кто

нуждается в помощи (М.Р. Битянова [5], Г.И. Бардиер [6], Л.Е. Митина [7] и др.).

М.Р. Битянова рассматривает психологическое сопровождение как систему профессиональной деятельности психолога, направленную на создание социально-психологических условий, необходимых для успешного обучения и психического развития ребенка, выделяя в ней 3 компонента: систематический мониторинг психолого-педагогического статуса ребенка, динамики его психического развития; создание условий для успешного обучения и развития личности обучающихся; создание специальных социально-психологических условий для оказания помощи детям, имеющим проблемы в психическом развитии [5]. Основным местом осуществления психологического сопровождения подростка может являться школа, организации дополнительного образования, специализированный лагерь или медицинский центр. Итогом психологического сопровождения личности в процессе адаптации к жизни становится ее новое качество - адаптивность, способность самостоятельно вырабатывать и поддерживать относительное внутреннее равновесие, отношения с другими людьми, как в благоприятных, так и в кризисных жизненных ситуациях.

Приоритетным направлением работы по организации профилактики аддиктивного поведения у подростков в системе образования является первичная профилактика, которая направлена на повышение устойчивости личности к влиянию неблагоприятных факторов, способствующих формированию аддикций [8]. Формирование данного типа профилактической работы осуществляется при организации психолого-педагогического процесса путем реализации следующих подходов: 1) информационного (основан на распространении информации о ПАВ и их последствиях); 2) педагогического (риск формирования девиантного поведения объясняется вредными привычками, педагогической запущенностью, воспитанием в социально неблагополучных

семьях); 3) досугового (предполагает, что система профилактики химической аддикции заключается в развитии альтернативной употреблению ПАВ деятельности). Большое внимание при организации профилактической работы уделяется формированию критического отношения подростков к употреблению психоактивных веществ и положительного отношения к здоровому образу жизни.

В настоящее время большинство как отечественных, так и зарубежных специалистов в структуре профилактики аддиктивного поведения в образовательной среде выделяют психологический компонент – подростку помогают получить знания о себе и путях коррекции психологических особенностей личности, способствующих развитию зависимости от употребления наркотических средств; помогают сформировать устойчивую самооценку, научиться говорить «нет», нести ответственность за себя и свой выбор, при необходимости обращаться за психологической, социальной или наркологической помощью [9].

Эффективность психологического сопровождения обеспечивается не только мероприятиями в отношении сопровождаемого, но и непосредственным влиянием на социально-психологические условия его жизнедеятельности. Следовательно, в процесс сопровождения подростков должны быть включены взрослые (педагоги, родители). Необходимо на постоянной основе организовывать обучающие практические занятия и семинары для педагогов, где рассматривались бы методы и формы активной профилактической работы в образовательной среде [10].

Последовательное, этапное и комплексное выполнение мероприятий, направленных на разрешение «ключевых» проблем профилактики, сделает процесс психологического сопровождения подростков с аддиктивным поведением системным, эффективным, а также позволит сформировать у подростков психологические механизмы, необходимые для

преодоления трудных жизненных ситуаций [9].

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение особенностей организации психологического сопровождения подростков, направленного на профилактику аддиктивного поведения, в условиях детского оздоровительного лагеря. Исследование проводилось на базе детского оздоровительного лагеря «Соловушка» (на базе санатория «Соловушка») в июле – августе 2018 г. В исследовании приняли участие дети подросткового возраста, употребляющие ПАВ и входящие в группу риска по употреблению ПАВ, в количестве 51 человек. Средний возраст испытуемых на момент обследования составлял 14,5 лет.

Эмпирическое исследование осуществлялось в три этапа. На первом этапе проводилось изучение психологических особенностей подростков и факторов, способствующих возникновению аддиктивного поведения. Было проведено исследование таких психологических особенностей подростков, как тревожность и аффективность поведения, поскольку данные проявления в эмоционально-поведенческой сфере являются показателями социально-психологической дезадаптации и переживаемых личностью трудностей [11; 12]. В качестве факторов, влияющих на возникновение аддикций, исследовались: полнота и социальное благополучие семьи, успеваемость, девиантность поведения, отношения с родителями, проведение свободного времени, образцы для подражания, отношение к употреблению ПАВ (курению, применению алкоголя или наркотиков). Влияние данных факторов на возникновение аддикций установлено в исследованиях Ж. С. Валеевой [13], А. А. Реана [14], Н. Н. Курек [2], Е. В. Медведевой [15] и др. На втором этапе исследования была разработана и реализована программа психологического сопровождения подростков, употребляющих ПАВ и находящихся в группе риска по употреблению ПАВ, в условиях детского оздоровитель-

ного лагеря. Третий этап был посвящен исследованию эффективности программы психологического сопровождения подростков, направленной на профилактику аддиктивного поведения.

Для оценки эффективности программы психологического сопровождения подростков нами были выделены две группы подростков: 1) экспериментальная, в которой осуществлялась программа психологического сопровождения (группа состоит из 31 чел., из которых 6 употребляют ПАВ и 25 не употребляют ПАВ); 2) контрольная, в которой данная программа не осуществлялась (группа состоит из 20 подростков той же лагерной смены, из которых 4 чел. употребляли ПАВ и 16 чел. не употребляли ПАВ).

В ходе проведения исследования применялись следующие методы: теоретический анализ психолого-педагогической литературы; изучение характеристик из образовательной организации; методика по определению аффективного поведения (В.В. Бойко); методика по определению степени тревожности (В.В. Бойко); анкета, направленная на изучение факторов, способствующих возникновению аддиктивного поведения (разработана автором); формирующий эксперимент; методы качественного и количественного анализа эмпирических данных.

В основу реализации разработанной нами программы психологического сопровождения были положены принципы: комплексности, системности, целесообразности и причинной обусловленности, гуманистический и деятельностный [4].

Целью программы психологического сопровождения стало развитие у подростков эмоциональной саморегуляции, способности к самоуправлению и психической устойчивости как личностных ресурсов, необходимых для решения трудных ситуаций и профилактики риска аддиктивного поведения [16].

Задачи программы:

1. Развитие самосознания подростков, формирование рефлексии как основы целеполагания собственного поведе-

ния, осознания жизненных целей и стратегий их достижения.

2. Развитие эмоциональной саморегуляции через преодоление тревожности, психической неустойчивости личности.

3. Создание психологически комфортной, эмоционально-насыщенной среды для подростков, способствующей формированию позитивной самооценки и построению открытых и позитивных взаимоотношений с окружающими людьми путем развития навыков коммуникации.

4. Формирование осознанного отношения к негативным влияниям аддиктивных агентов.

5. Оказание ситуативной психологической помощи в преодолении текущих проблем у подростков.

Данная программа включала в себя следующие направления деятельности: информационно-просветительскую работу с подростками (групповая и индивидуальная), информационно-просветительскую работу с педагогами, подготовку и реализацию психологического тренинга, индивидуальное психологическое консультирование подростков.

В рамках информационно-просветительской работы с подростками решались задачи, связанные с информированием подростков о влиянии употребления ПАВ на психику и состояние здоровья человека, возможных способах саморегуляции эмоционального состояния. С подростками были проведены: групповые дискуссии с целью модификации ценностных ориентаций подростков (темы дискуссий - «Главное в жизни - получение удовольствия?», «Так что же такое богатство: материальное и духовное?»); просмотр видеофильма («Дневник Насти») и его обсуждение; мини-лекции «Учимся преодолевать стресс», «Как противостоять чужому влиянию?».

Целью информационно-просветительской работы с педагогами являлось знакомство педагогов с основными факторами риска возникновения аддиктивного поведения, психологическими особенностями детей подросткового возраста, в

том числе и находящихся в трудной жизненной ситуации, приемах и методах взаимодействия с подростками из группы риска по употреблению ПАВ (тематика семинаров: «Причины и проявление тревожности у подростков», «Эмоциональные проявления в подростковом возрасте», «Признаки аддикции в поведении подростков», «Как общаться с подростком?»).

При разработке программы тренинга мы опирались на имеющийся опыт, представленный в следующих программах: «На пороге нового века: программы, устремленные в будущее» (С.В. Кривцова, Е.Б. Кнорре [17] и др.), «Путешествие во времени» (О.В. Журавлева, С.П.Зуева [18] и др.), программа первичной профилактики «Субъект саморазвития» (С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Н.Ю. Самыкина [19] и др.). Отличительной особенностью данных психопрофилактических программ является ориентация на актуализацию внутренних ресурсов подростка, необходимых для выхода из постоянно возникающих проблемных ситуаций и внутриличностных противоречий, развития эмоциональной саморегуляции, через преодоление тревожности, психической неустойчивости личности.

Тренинговая программа включала в себя 8 занятий и реализовывалась в течение лагерной смены. Методы и приемы психологического воздействия, реализуемые в программе: работа в группе, дискуссия, поведенческий и личностный тренинг, беседа, мини-лекции, ролевые игры, психогимнастика, элементы индивидуальной и групповой психотерапии, проведение методических занятий с субъектами психологического сопровождения. Тренинговые занятия проводились в подгруппах по 12-13 человек.

На первом этапе реализации тренинговой программы – организационном – осуществлялась первичная диагностика ожиданий участников и их трудностей в общении, знакомство членов группы друг с другом (занятие № 1). Второй этап (занятие № 2-4) был посвящен осознанию

жизненных целей участников тренинга, способов их достижения, возможных препятствий. На третьем этапе (занятие № 5-6) отработывались процессы самопознания; актуализации собственных потребностей и ценностей; актуализации собственных проблем. Четвертый этап включал в себя упражнения, направленные на расширение сферы осознания чувств и переживаний, преодоление тревожных состояний, развитие эмоциональной устойчивости, совершенствование навыков эмоционального саморегулирования.

В процессе психологического сопровождения подростков психологом также осуществлялись индивидуальные психологические консультации детей по запросу. Проблематика консультаций охватывала личные проблемы подростков, связанные с выбором тактики поведения в конкретных ситуациях, потребностью в поддержке осознания выбора цели и мотивов поступка, отражения и рефлексии эмоциональных переживаний в трудных жизненных ситуациях.

Таким образом, разработанная нами программа психологического сопровождения включала в себя целый комплекс мероприятий, способствующих повышению психологической устойчивости и устранению субъективных, внутренних предпосылок возникновения аддиктивного поведения у подростков, в условиях летнего лагеря.

На завершающем этапе реализации программы психологического сопровождения подростков, было проведено исследование эффективности данной программы. Реализация указанного исследования предполагала изучение тревожности и аффективности подростков (как показателей социально-психологической дезадаптации и показателей переживания испытуемыми жизненной ситуации как трудной), их отношений с родителями, особенностей проведения свободного времени, выбора авторитетных фигур для подражания, отношения к употреблению ПАВ в начале и в конце лагерной смены

в двух группах: 1) экспериментальной, в которой осуществлялась программа психологического сопровождения; 2) контрольной, в которой данная программа не осуществлялась.

До реализации программы психологического сопровождения эмпирические результаты подростков, входящих в контрольную и экспериментальную группы (представим обобщенные данные, включающие подростков, употребляющих и не употребляющих ПАВ), по указанным выше показателям, не имели статистически значимых различий. Так, незначительные уровни тревожности и аффективности поведения в контрольной группе демонстрировали, соответственно, 18% и 12% подростков (в экспериментальной группе – 16% и 13%). Тревожность и аффективность как неотъемлемые характеристики поведения констатировали 54% и 67% подростков контрольной группы (напомним, что в экспериментальной группе таких подростков было 55% и 68%). Данные, полученные в результате анкетирования, направленного на выявление отношений подростков с родителями, особенностей проведения ими свободного времени, выбора авторитетных фигур для подражания, отношения к употреблению ПАВ, были также примерно аналогичны в контрольной и экспериментальной группах.

Проведем сравнительный анализ результатов экспериментальной группы подростков, полученных до и после реализации программы психологического сопровождения.

Согласно полученным после реализации программы данным, тревожность как неотъемлемая часть поведения выявлена у 40% подростков (напомним, что до реализации программы психологического сопровождения 55% подростков демонстрировали тревожность указанного уровня). Кроме того, несколько увеличилось число респондентов, у которых тревожность характеризуется незначительным уровнем проявления (с 16 до 24%). Из трех подростков с высоким

уровнем тревожности (тревожность как неотъемлемая характеристика поведения), которые принимали ПАВ, у двоих уровень тревожности, согласно полученным данным, понизился до среднего. Полученные данные свидетельствуют о существенном снижении уровня тревожности подростка в результате осуществления программы их психологического сопровождения.

Сравнение результатов исследования тревожности подростков контрольной группы, в которой не осуществлялась программа психологического сопровождения, полученных в начале и в конце лагерной смены, свидетельствует об отсутствии значимых различий.

Согласно полученным после реализации программы психологического сопровождения данным, аффективность, как неотъемлемая часть поведения, выявлена у 56% подростков (напомним, что до реализации программы психологического сопровождения 68% подростков демонстрировали аффективность указанного уровня). Кроме того, несколько увеличилось число респондентов, у которых аффективность характеризуется незначительным уровнем проявления (с 13 до 17%). Из четырех подростков с высоким уровнем аффективности (аффективность как неотъемлемая характеристика поведения), которые принимали ПАВ, у двоих уровень аффективности, согласно полученным результатам, понизился до среднего. Полученные данные свидетельствуют о снижении уровня аффективности подростков в результате осуществления программы их психологического сопровождения.

Сравнение результатов исследования аффективности подростков контрольной группы, в которой не осуществлялась программа психологического сопровождения, полученных в начале и в конце лагерной смены, свидетельствует об отсутствии значимых различий.

Таким образом, в результате реализации разработанной нами программы психологического сопровождения в усло-

виях детского оздоровительного лагеря было выявлено значительное снижение тревожности и аффективности поведения подростков с трудной жизненной ситуацией.

Оценки подростками своих отношений с родителями после реализации программы психологического сопровождения несколько изменились. Наблюдается некоторое увеличение количества испытуемых, дающих ответы: «родители стали больше ко мне прислушиваться» (4% респондентов после реализации программы психологического сопровождения, тогда как ранее такие ответы отсутствовали), «родителям не все равно, где я и что со мной» (8% респондентов, до реализации программы психологического сопровождения данные ответы отсутствовали), и уменьшение количества ответов «родителям все равно, где я и что со мной» (с 24% до 20%), «родители все время стараются навязать свою точку зрения» (с 20% до 12%).

Некоторое улучшение оценок подростками своих отношений с родителями произошло после реализации программы психологического сопровождения не смотря на отсутствие психологической работы с родителями, что связано, вероятно, с развитием у подростков способности к рефлексии и коммуникативной компетентности в целом.

Несколько изменились способы проведения подростками свободного времени. В результате появления нового опыта качественного проведения досуга во время лагерной смены появились ответы: «занимаюсь в кружках» (16%), «провожу время с семьей» (12%). Уменьшилось количество респондентов, не занятых никакой деятельностью в период досуга (с 28 до 16%). Уменьшилось количество респондентов, для которых главным занятием в свободное время являлся просмотр телевизора (с 16 до 8%) и общение в социальных сетях, а также посещение каких-либо сайтов (с 28 до 20%).

Исследование подростковых кумиров и ориентиров для подражания пока-

зало, что некоторые из подростков по-прежнему сосредоточены на представителях шоу-бизнеса или своих собственных сверстниках. У них отсутствуют настоящие примеры для подражания. Однако появились те, для кого примером для подражания стали деятели культуры, искусства и науки (15%). На 10% снизилось количество респондентов, для которых кумирами являются представители шоу-бизнеса.

Несколько изменилось после реализации программы психологического сопровождения и отношение подростков к употреблению ПАВ. Результаты носят неоднозначный характер. С одной стороны, по-прежнему присутствует положительное отношение к вредным привычкам. С другой стороны, появляются результаты, которые говорят о том, что подростки начинают задумываться о реальном положении дел и вреде алкоголя и табакокурения (15%). Снизилось количество респондентов, которые воспринимают указанные привычки как показатель того, что они являются взрослыми (с 21% до 15%). Наблюдается увеличение числа респондентов, которые дистанцируют себя с наркотиками (с 25 до 30%), отмечают, что это вредная привычка (с 22 до 30%).

Таким образом, анализ полученных данных показывает, что в результате реализации программы психологического сопровождения подростков произошло значительное уменьшение количества испытуемых, демонстрирующих высокие уровни тревожности и аффективности поведения. Появилась тенденция к увеличению числа подростков, более высоко оценивающих свои отношения с родителями, более осознанно и ответственно относящихся к проведению досуга и выбору моделей для подражания. Существенно возросло количество подростков, демонстрирующих критическое отношение к употреблению психоактивных веществ. Полученные в настоящем исследовании результаты свидетельствуют о достаточно высокой эффективности раз-

работанной нами программы психологического сопровождения подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, в условиях детского оздоровительного лагеря.

Список литературы

1. Шиховцева И. В., Дюмина С. В. К проблеме определения системы ценностных приоритетов учащейся молодежи // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2015: сб. науч. ст. 4-й Международной молодежной научной конференции: в 4-х т. Курск, 2015. С. 195-198.
2. Курек Н. С. Нарушение психической активности и злоупотребление психоактивными веществами в подростковом возрасте: научное издание / Научно-исследовательский институт наркологии Министерства здравоохранения РФ. СПб.: Алетейя, 2011. 220 с.
3. Панина Г., Пилякин П., Штукатурова В. Профилактика вредных зависимостей у детей: психолого-педагогический подход К // Воспитание школьников. 2001. №9. С. 54-60.
4. Сирота Н. А. Эффективные программы профилактики аддикции. М.: Мед-пресс, 2014. 98 с.
5. Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе. М., 2002. 263 с.
6. Бардиер Г. Л. Социально-экологические принципы разработки и применения методов психологического сопровождения межкультурной адаптации // Психологические аспекты межкультурной адаптации: колл. научн. монография / под общ. ред. В. В. Калиты. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 147-169.
7. Митина Л. М. Психологическое сопровождение выбора профессии. URL: http://www.studmed.ru/mitina-lm-psiologicheskoe-soprovozhdenie-vybora-professii_db80719016b.html (дата обращения 21.07.2018)
8. Пятунин В. А. Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции. URL: <http://docplayer.ru/27020095-Deviantnoe-povedenie-nesovershen->
9. noletnih-sovre-mennye-tendencii.html (дата обращения 25.08.2018)
9. Противодействие негативным явлениям в студенческой среде и социальное партнерство: учеб. пособие / А. А. Алтуфьева, А. А. Есипова, Г. А. Корчагина [и др.]. СПб., 2010. 250 с.
10. Единый комплексный подход: реабилитация – профессионализация – трудоустройство – социальное сопровождение несовершеннолетних, прошедших лечение от химической аддикции в рамках антинаркотических региональных программ: методич. пособ. / под ред. В. П. Соломина. СПб., 2004. 237 с.
11. Малкова Е.Е. Тревожность и развитие личности. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. 268 с.
12. Лебединская К. С., Райская М. М., Грибанова Г. В. Подростки с нарушениями в аффективной сфере; клинико-психологическая характеристика «трудных» подростков Л.: Педагогика, 1988. 168 с.
13. Валеева Ж. С. Психолого-педагогические особенности развития социально-неадаптированной личности подростка в условиях досуга // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 186-190.
14. Реан А. А. Факторы риска девиантного поведения в семейном контексте // Национальный психологический журнал. 2015. №4. С.105-110.
15. Медведева Е. В. Факторы риска, влияющие на формирование аддиктивного поведения // Наука-вуз-школа: сб. науч. трудов молодых исследователей. Магнитогорск, 2004. Вып. 9. С. 134–136.
16. Копылова Т. Ю. Понятие об управлении и самоуправлении в психологической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-3 (43). С. 223-226.
17. Подросток на перекрестке эпох. Проблемы и перспективы социально-психологической адаптации подростков / под ред. С. В. Кривцовой М.: Генезис, 1997. 288 с.

18. Программа «Путешествие во времени»: (метод. рекомендации по курсу профилакт. занятий для подростков) / О. В. Журавлева, С. П. Зуева, М. Н. Нижегорова. М., 2005. 135 с.

19. Первичная профилактика наркомании: учеб. пособие / К. С. Лисецкий, С. В. Березин, Н. Ю. Самыкина [и др.]; под ред. С. В. Березина, К. С. Лисецкого. Самара: Универсгрупп, 2006. 170 с.

Поступила в редакцию 06.02.19

UDC 159.97

G. S. Vorobieva, Undergraduate, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: galinashilling@gmail.com)

T. Y. Kopylova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94) (e-mail: asd-swsu@mail.ru)

PREVENTION OF ADDICTIVE BEHAVIOR OF ADOLESCENTS IN THE CONTEXT OF THEIR PSYCHOLOGICAL SUPPORT IN THE CONDITIONS OF THE CAMP

The article describes the main approaches to understanding the nature and features of the implementation of prevention of addictive behavior of adolescents in the framework of their psychological support.

A program of psychological support for adolescents who use surfactants or are at risk in a summer health camp. This program is aimed at the development of children's emotional self-regulation, mental stability as personal resources needed to solve difficult situations and prevent addictive behavior. As the objectives of the program of psychological support were: 1) the development of self-consciousness of adolescents, the formation of reflection as the basis of goal-setting of their own behavior, awareness of life goals and strategies to achieve them; 2) the development of emotional self-regulation through overcoming anxiety, mental instability of the individual; 3) the creation of a psychologically comfortable, emotionally-saturated environment for adolescents, contributing to the formation of positive self-esteem and the construction of open and positive relationships with others through the development of communication skills; 4) the formation of a conscious attitude to the negative effects of addictive agents; 5) the provision of situational psychological assistance in overcoming current problems in adolescents. The implementation of the program of psychological support involves the implementation of psychodiagnostic psychologist and information and educational work with adolescents (group and individual), information and educational work with teachers, psychological training and individual psychological counseling with adolescents.

As a result of the implementation of the program of psychological support of adolescents, there was a significant decrease in the number of subjects demonstrating high levels of anxiety and affectivity of behavior, which indicates an improvement in the socio-psychological adaptation of the program participants. There is a tendency to increase the number of adolescents who value their relationships with their parents more consciously and responsibly in their leisure time and in their choice of role models. The number of adolescents who demonstrate a critical attitude to the use of psychoactive substances has increased significantly. The results indicate a sufficiently high efficiency of the presented program of psychological support of adolescents who use surfactants and are at risk in a children's health camp.

Key words: *psychological support; addictive behaviour; teenage age; affectivity; anxiety; children recreation camp.*

For citation: Vorobieva G. S., Kopylova T. Y. Prevention of addictive behavior of adolescents in the context of their psychological support in the conditions of the camp. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 160–169 (in Russ.).

References

1. Shihovceva I. V., Dyumina S. V. К проблеме определения системы ценностных приоритетов учащихся системы образования. *Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2015. Сб. науч. ст. 4-й Международной молодежной научной конференции.* Kursk, 2015, pp. 195-198.

2. Kurek N. S. Narushenie psichicheskoy aktivnosti i zloupotreblenie psi-

hoaktivnymi veshchestvami v podrostkovom vozraste. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2011. 220 p.

3. Panina G., Pilyakin P., Shtukaturova V. P. rofilaktika vrednyh zavisimostej u detej: psihologo-pedagogicheskij podhod K. *Vospitanie shkol'nikov*, 2001, no. 9, pp. 54–60.

4. Sirota N. A. Ehffektivnye programmy profilaktiki addikcii. Moscow, Medpress Publ., 2014. 98 p.
5. Bityanova M. R. Organizaciya psihologicheskoy raboty v shkole. Moscow, 2002. 263 p.
6. Bardier G. L. Social'no-ehkologicheskie principy razrabotki i primeneniya metodov psihologicheskogo soprovozhdeniya mezhkul'turnoj adaptacii. Psihologicheskie aspekty mezhkul'turnoj adaptacii; ed. by Kality V. V. Vladivostok; Dal'nauka Publ., 2015, pp. 147-169.
7. Mitina L. M. Psihologicheskoe soprovozhdenie vybora professii. URL: http://www.studmed.ru/mitina-lm-psihologicheskoe-soprovozhdenie-vybora-professii_db_80719016b.html (accessed 21.07. 2018)
8. Pyatunin V. A. Deviantnoe povedenie nesovershennoletnih: sovremennye tendencii. URL: <http://docplayer.ru/27020095-Deviantnoe-povedenie-nesovershennoletnih-sovremennye-tendencii.html> (accessed 25.08.2018)
9. Altuf'eva A. A., Esipova A. A., Korchagina G. A. [eds.]. Protivodejstvie negativnym yavleniyam v studencheskoj srede i social'noe partnerstvo. St. Petersburg, 2010. 250 p.
10. Edinyj kompleksnyj podhod: reabilitaciya – professionalizaciya – trudoustrojstvo – social'noe soprovozhdenie nesovershennoletnih, proshedshih lechenie ot himicheskoy addikcii v ramkah antinarkoticheskikh regional'nyh programm; ed. by Solomina V. P. St. Petersburg, 2004. 237 p.
11. Malkova E. E. Trevozhnost' i razvitie lichnosti. St. Petersburg, RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2013. 268 p.
12. Lebedinskaya K. S., Rajskaya M. M., Gribanova G. V. Podrostki s narusheniyami v affektivnoj sfere; kliniko-psihologicheskaya charakteristika «trudnyh» podrostkov Leningrad: Pedagogika, 1988. 168 p.
13. Valeeva Zh. S. Psihologo-pedagogicheskie osobennosti razvitiya social'no-neadaptirovannoj lichnosti podrostka v usloviyah dosuga. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 303, pp. 186-190.
14. Rean A. A. Faktory riska deviantnogo povedeniya v semejnom kontekste. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2015, no. 4, pp.105-110.
15. Medvedeva E. V. Faktory riska, vliyayushchie na formirovanie addiktivnogo povedeniya. Nauka-vuzshkola. Sb. nauch. trudov molodyh issledovatelej. Magnitogorsk, 2004, is. 9, pp. 134–136.
16. Kopylova T. Yu. Ponyatie ob upravlenii i samoupravlenii v psihologicheskoy nauke. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 4-3 (43), pp. 223-226.
17. Podrostok na perekrestke ehpor. Problemy i perspektivy social'no-psihologicheskoy adaptacii podrostkov; ed. by Krivcova S. V. Moscow, Genezis Publ., 1997, 288 p.
18. Zhuravleva O. V., Zueva S. P., Nizhegorodova M. N. Programma «Puteshestvie vo vremeni». Moscow, 2005, 135 p.
19. Liseckij K. S., Berezin S. V., Samykina N. Yu. [eds.]. Pervichnaya profilaktika narkomanii. Samara, Universgrupp Publ., 2006. 170 p.

УДК 159.97-053.6:004.738.5

Л. Н. Молчанова, д-р психол. наук, профессор, ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России (Россия, 305041, Курск, ул. К. Маркса, 3) (e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru)

В. В. Ильина, аспирант, ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России (Россия, 305041, Курск, ул. К. Маркса, 3) (e-mail: veronika.ilyina2013@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СКЛОННОСТИ К ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОМУ ПОВЕДЕНИЮ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

В современных условиях цифрового образования особое значение приобретает развитие социального интеллекта студентов как необходимого условия повышения уровня эффективности социальных взаимодействий. Как известно, основными пользователями сети Интернет являются студенты. Среди причин их вынужденного обращения к интернету выделяют: постоянную потребность в информации, высокую познавательную мотивацию и недостаток времени. Именно они с высокой долей вероятности составляют группу риска развития склонности к интернет-зависимому поведению. Социальный интеллект в профессиональной подготовке будущего врача выступает необходимым условием повышения эффективности социального взаимодействия в цифровом образовательном пространстве вуза. В этой связи целью исследования явилось изучение особенностей взаимосвязи социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению у студентов медицинского вуза. В нем приняли участие 92 студента 1 и 2 курсов медицинских факультетов в возрасте 17-19 лет. Из них 33 юноши и 59 девушек. Для сбора данных использовались наблюдение и беседа, а также стандартизированные методики для диагностики интернет-зависимости и социального интеллекта. С целью обработки результатов применяли методы математико-статистического анализа: описательную статистику, сравнительный и корреляционный виды анализа. В соответствии с результатами исследования сформулированы следующие выводы. Склонность к возникновению интернет-зависимого поведения, а также выраженный и устойчивый его паттерн чаще встречается у студентов женского пола. Вне зависимости от пола, студенты склонны к тому, чтобы проводить большее количество времени в сети, чтобы достичь удовлетворения. Склонность к интернет-зависимому поведению у студентов женского пола, в отличие от мужского, зависит от способностей ориентироваться в невербальных реакциях участников взаимодействия и предвидеть дальнейшие поступки людей на основе реальных ситуаций общения, через вербальные оттенки улавливать настроение и состояние других людей и детерминирует способности понимать характер человеческих взаимоотношений. У студентов мужского пола способность анализировать сложные ситуации взаимодействия людей, понимать логику их развития, чувствовать изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию различных участников определяет склонность к интернет-зависимому поведению и наоборот.

Ключевые слова: интернет-зависимость; интернет зависимое поведение; социальный интеллект; студенты медицинского вуза.

Ссылка для цитирования: Молчанова Л. Н., Ильина В. В. Особенности взаимосвязи социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению у студентов медицинского вуза // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 170–184.

Введение

В современных условиях цифрового образования особое значение приобретает развитие социального интеллекта студентов как необходимого условия повышения уровня эффективности социальных взаимодействий [1]. Как известно, основными пользователями сети Интернет являются студенты. Среди причин их вынужденного обращения к интернету выделяют: постоянную потребность в информации, высокую познавательную мотивацию, высокую социальную актив-

ность и недостаток времени. Именно они с высокой долей вероятности составляют группу риска развития склонности к Интернет зависимому поведению, основными причинами которого выступают частое обращение к услугам сети, лёгкость в использовании её возможностей, простота и необременительность общения, полнота и доступность хранящейся в нём информации и др. [2; 3; 4]. Социальный интеллект в профессиональной подготовке будущего врача выступает необходимым условием повышения эффективности социального взаимодействия в циф-

ровом образовательном пространстве вуза. Вместе с тем проблема взаимосвязи социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению студентов в образовательном процессе медицинского вуза остается вне поля зрения исследователей, что обеспечивает актуальность и цель настоящего исследования, а полученным результатам – научную новизну.

В качестве объекта исследования рассматривали интернет-зависимое поведение у студентов медицинского вуза.

Предметом исследования выступили особенности взаимосвязи социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению у студентов медицинского вуза.

Эмпирическое исследование особенностей взаимосвязи социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению у студентов медицинского вуза осуществлялось в 2018 г. на базе ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России. В нем приняли участие 92 студента 1 и 2 курсов медицинских факультетов в возрасте 17-19 лет: из них 33 юноши и 59 девушек.

Результаты и обсуждение

Для сбора данных использовались наблюдение и беседа, а также следующий стандартизированный диагностический инструментарий: методика «Интернет-зависимость» С. Чена (в адаптации В. Л. Малыгина, К. А. Феклисова) [5], направленная на диагностику наличия интернет-зависимости (паттерна интернет-зависимого поведения) и методики «Социальный интеллект» Гилфорда–Саливена (в адаптации Е. С. Михайловой) [6]. С целью обработки результатов применяли методы математико-статистического анализа: описательную статистику сравнительный (Н-критерий Крускала–Уоллиса) и корреляционный виды анализа. Статистическая обработка результатов

осуществлялась с использованием программного обеспечения (“Statistica 11.0”).

В качестве теоретических оснований эмпирического исследования выступила модель социального интеллекта Дж. Гилфорда, согласно которой социальный интеллект понимается как особый вид интеллекта, представляющий собой единство познавательных и поведенческих способностей, которые реализуются в социальном взаимодействии [7], как способность осознавать и прогнозировать результаты поведения других людей и самого себя [8, 9, 10, 11, 12], а также и представления о том, что интернет, с одной стороны, является одной из сфер социализации и развития социального интеллекта у студентов медицинского вуза, а с другой, – источником развития склонности к зависимому от сети поведению [13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20].

Изучение склонности к Интернет зависимому поведению студентов осуществлялось с использованием методики «Шкала интернет-зависимости» (С. Чен, в адаптации В. Л. Малыгина, К. А. Феклисова) [5] и засвидетельствовало тот факт, что 34% респондентов не являются интернет-зависимыми, у 58% наблюдается склонность к возникновению интернет-зависимого поведения и у 8% опрошенных диагностирован выраженный и устойчивый его паттерн. С учетом половой принадлежности также были выявлены особенности в распределении показателей склонности к интернет-зависимому поведению. Минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения зарегистрирован у 45% студентов мужского и 27% студентов женского пола. Склонность к его возникновению чаще встречается у студентов женского пола, нежели мужского (63% против 49%). И только 6% студентов мужского и 10% женского пола обладают выраженным и устойчивым его паттерном.

Среднее значение показателя по шкале «Общий CIAS» $X_{cp.} = 50,64 \pm 12,64$

свидетельствует о наличии у студентов медицинского вуза склонности к возник-

новению Интернет зависимого поведения (табл. 1).

Таблица 1

Значения показателей интернет-зависимости у студентов медицинского вуза
(U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{эмп.} \leq U_{кр.}$)

Наименование показателя	$\bar{X}_{эмп.} \pm \sigma$	$\bar{X}_{порог.}$			качественный
		A	B	C	
Com	10,14±3,23	7,5	9,9	13,5	B
Wit	10,60±3,28	7,9	11,5	17,5	A
Tol	9,03±2,73	6,5	7,9	11,7	B
ИИ	11,53±4,09	8,9	11,9	17,2	A
TM	9,41±2,73	7,4	10,6	15,8	A
IA-Sym	24,86±7,88	21,9	29,5	42,7	A
IA-RP	25,59±8,21	16,1	22,8	33,0	B
Общий CIAS	50,64±12,64	27-42	43-64	65-104	B

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$; ** – статистическая значимость при $p \leq 0,01$

Примечание: Com – компульсивные симптомы; Wit – симптомы отмены; Tol – толерантность; ИИ – внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем; TM – управления временем; IA-Sym – ключевые симптомы интернет-зависимости; IA-RP – проблемы, связанные с интернет-зависимостью; CIAS = Com + Wit + Tol + ИИ + TM.

A – минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения; B – склонность к возникновению интернет-зависимого поведения; C – выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения.

Сравнительный анализ показателей интернет-зависимости, полученных по методике «Шкала Интернет-зависимости» (С. Чен, в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова) [5], с учетом пола указал на статистически значимое доминирование у студентов женского пола, в сравнении с мужским, склонности к возникновению интернет-зависимого поведения по шкале «Общий CIAS» ($X_{ср.} = 52,58 \pm 12,46$; $X_{ср.} = 47,18 \pm 12,40$; $U_{эмп.} = 707,00^*$ при $p = 0,030$), а также проблем, связанных с интернет-зависимостью ($X_{ср.} = 26,81 \pm 7,97$; $X_{ср.} = 23,39 \pm 8,30$; $U_{эмп.} = 710,00^*$ при $p = 0,032$). Студенты женского пола, как и мужского, склонны к толерантности, проявляющейся в заметном возрастании количества времени, которое нужно провести в сети Интернет, чтобы достичь удовлетворения (табл. 2).

Диагностическое оценивание выраженности социального интеллекта студентов медицинского вуза осуществлялось с помощью методики «Социальный интеллект» Гилфорда–Саливена (в адаптации Е.С. Михайловой) [6], включающей четыре субтеста: «Истории с завершением», «Группы экспрессии», «Вербальная экспрессия», «Истории с дополнением». Три субтеста состоят из невербального стимульного материала и один субтест, четвертый – из вербального. Субтесты диагностируют четыре способности в структуре социального интеллекта: познание результатов поведения, классов, преобразований и систем. Общий уровень развития социального интеллекта определяется с помощью композитной оценки как интегральный фактор познания поведения (табл.3).

Таблица 2

Значения сравнительной статистики показателей интернет-зависимости у студентов медицинского вуза с учетом пола (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{эмп.} \leq U_{кр.}$)

Наименование показателя	Пол				(1)-(2)	
	женский (1)		мужской (2)			
	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный	$U_{эмп.}$	p
Com	10,58±3,36	B	9,36±2,86	A	795,00	0,144
Wit	11,08±3,22	A	9,73±3,23	A	739,00	0,055
Tol	9,36±2,61	B	8,45±2,88	B	761,50	0,082
ИИ	11,88±3,93	A	10,91±4,37	A	771,00	0,097
TM	9,80±2,84	A	8,73±2,41	A	723,00*	0,040
IA-Sym	25,80±7,61	A	23,18±8,19	A	763,50	0,087
IA-RP	26,81±7,97	B	23,39±8,30	B	710,00*	0,032
CIAS	52,58±12,46	B	47,18±12,40	B	707,00*	0,030

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$.
 ** Статистическая значимость при $p \leq 0,01$.

Примечание: Com –компульсивные симптомы; Wit – симптомы отмены; Tol – толерантность; ИИ – внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем; TM – управления временем; IA-Sym – ключевые симптомы интернет-зависимости; IA-RP – проблемы, связанные с интернет-зависимостью; CIAS= Com+ Wit+ Tol+ ИИ+ TM.

A – минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения; B – склонность к возникновению интернет-зависимого поведения; C – выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения.

Таблица 3

Значения сравнительной статистики показателей социального интеллекта у студентов медицинского вуза с учетом пола (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{эмп.} \leq U_{кр.}$)

Наименование показателя	Пол				(1)-(2)	
	женский (1)		мужской (2)			
	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный	$U_{эмп.}$	p
Фактор познания результатов поведения	3,19±1,03	средний	2,91±1,07	ниже среднего	813,50	0,175
Фактор познания классов поведения	2,80±0,96	ниже среднего	2,52±0,97	ниже среднего	779,50	0,094
Фактор познания преобразований поведения	3,03±1,08	средний	2,79±1,14	ниже среднего	835,00	0,240
Фактор познания систем поведения	2,69±0,81	ниже среднего	2,45±0,90	ниже среднего	782,50	0,088
Общий уровень социального интеллекта (композитная оценка)	2,69±0,84	ниже среднего	2,42±0,90	ниже среднего	789,00	0,101

Все среднеарифметические значения показателей социального интеллекта у студентов медицинского вуза женского пола преобладают над аналогичными показателями у студентов мужского пола, а по шкалам «Фактор познания результатов поведения» ($X_{cp} = 3,19 \pm 1,03$) и «Фактор познания преобразований поведения» ($X_{cp} = 3,03 \pm 1,08$) соответствуют среднему уровню выраженности – средним способностям к познанию поведения. Таким образом, у студентов женского пола, в отличие от мужского, способность понимать и прогнозировать поведение людей, а также понимать характер человеческих взаимоотношений и интерпретировать слова собеседника в зависимости от контекста ситуации общения соответствует норме. Они способны предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения, через вербальные оттенки улавливать настроение и состояние говорящего, предвидеть события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации.

Среднеарифметические значения по шкалам «Фактор познания классов поведения» и «Фактор познания систем поведения» а также композитной оценки, определяющей общий уровень социального интеллекта, а следовательно и социальной адаптации, у студентов как женского, так и мужского пола соответствуют результату чуть ниже среднего. На основании проведенных субтестов можно сделать вывод о том, что у студентов медицинского вуза, вне зависимости от половой принадлежности, не достаточно развита способность понимать состояния, чувства, намерения людей по невербальным проявлениям, умение улавливать смысл невербальных реакций общения. Они испытывают некоторые трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия и как следствие, что сможет повлиять на адаптацию к различным системам взаимоотношений. Вместе с тем статистической значимости различий в выраженности показателей социального

интеллекта у студентов медицинского вуза с учетом пола не выявлено (табл. 3).

Выраженность показателей социального интеллекта у студентов медицинского вуза женского пола с минимальным риском возникновения интернет-зависимого поведения, склонных к его возникновению и имеющих выраженный и устойчивый его паттерн, полученных с помощью методики «Социальный интеллект» Гилфорда–Саливена (в адаптации Е.С. Михайловой) [6], по субтесту «Фактор познания систем поведения» и показателю «Общий уровень социального интеллекта (композитная оценка)» характеризует наличие у них способностей к познанию поведения ниже среднего уровня (табл. 4). Таким образом, студенты женского пола, вне зависимости от выраженности интернет-зависимого поведения, испытывают некоторые трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия, что может повлиять на адаптацию к различным системам взаимоотношений. Студенты женского пола, имеющие минимальный риск возникновения Интернет зависимого поведения, способны прогнозировать поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения, понимать состояния, чувства, намерения людей по невербальным проявлениям и улавливать смысл невербальных реакций общения, а также в значимо большей степени способны понимать характер человеческих взаимоотношений и интерпретировать слова собеседника в зависимости от контекста ситуации общения ($X_{cp} = 3,56 \pm 0,96$; $X_{cp} = 2,84 \pm 1,12$; $X_{cp} = 2,83 \pm 0,75$; $N_{эмп.} = 5,62^*$ при $p = 0,017$). Для установления статистической значимости различий в выраженности показателей социального интеллекта в группах студентов медицинского вуза женского пола с минимальным риском возникновения интернет-зависимого поведения, склонных к его возникновению и имеющих выраженный и устойчивый его паттерн, использовали непараметрический Н-критерий Крускала – Уоллиса (см. табл. 4).

Таблица 4

Значения сравнительной статистики показателей социального интеллекта у студентов медицинского вуза женского пола с различной выраженностью интернет-зависимости (Н-критерий Крускала-Уоллиса)

Наименование показателя	А		В		С		(А)-(В)-(С)	
	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный/уровень напряженности	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный/уровень напряженности	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный/уровень напряженности	$H_{эмп}/\chi^2$	p
Фактор познания результатов поведения	3,56±0,96	средний	3,08±1,04	средний	2,83±0,98	ниже среднего	3,51/7,17	0,028
Фактор познания классов поведения	3,13±0,72	средний	2,65±1,09	ниже среднего	2,83±0,41	ниже среднего	3,89/3,20	0,202
Фактор познания преобразований поведения	3,56±0,96	средний	2,84±1,12	ниже среднего	2,83±0,75	ниже среднего	5,62*/8,15	0,017
Фактор познания систем поведения	2,88±0,62	ниже среднего	2,59±0,93	ниже среднего	2,83±0,41	ниже среднего	4,27/0,79	0,673
Общий уровень социального интеллекта (композитная оценка)	2,88±0,62	ниже среднего	2,62±0,95	ниже среднего	2,67±0,52	ниже среднего	2,98/0,91	0,634

* Статистическая значимость при $p < 0,05$

Примечание: А – минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения; В – склонность к возникновению интернет-зависимого поведения; С – выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения.

Выраженность показателей социального интеллекта у студентов медицинского вуза мужского пола с минимальным риском возникновения интернет-зависимого поведения, склонных к его возникновению и имеющих выраженный и устойчивый его паттерн, так же, как и у студентов женского пола, по субтесту «Фактор познания систем поведения» и показателю «Общий уровень социального интеллекта (композитная оценка)» соответствует уровню ниже среднего и свидетельствует о трудностях при анализе различных си-

стем межличностных взаимоотношений. Студенты мужского пола с выраженным и устойчивым паттерном интернет зависимо-го поведения, в отличие от студентов женского пола, способны предвидеть события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации, улавливать смысл невербальных реакций общения, способны понимать характер человеческих взаимоотношений и интерпретировать слова собеседника в зависимости от контекста ситуации общения (табл. 5).

Таблица 5

Значения сравнительной статистики показателей социального интеллекта у студентов медицинского вуза мужского пола с различной выраженностью интернет-зависимости (Н-критерий Крускала-Уоллиса)

Наименование показателя	А		В		С		(А)-(В)-(С)	
	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный/уровень напряженности	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный/уровень напряженности	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный/уровень напряженности	$H_{эмп} / \chi^2$	p
Фактор познания результатов поведения	3,00±1,00	средний	2,81±1,17	ниже среднего	3,00±1,41	средний	0,35/ 0,65	0,724
Фактор познания классов поведения	2,53±0,92	ниже среднего	2,44±1,03	ниже среднего	3,00±1,41	средний	0,61/ 0,31	0,854
Фактор познания преобразований поведения	2,93±1,22	ниже среднего	2,56±1,09	ниже среднего	3,50±0,71	средний	2,21/ 4,08	0,130
Фактор познания систем поведения	2,80±1,01	ниже среднего	2,19±0,75	ниже среднего	2,00±0,00	ниже среднего	4,29/ 3,90	0,142
Общий уровень социального интеллекта (компаративная оценка)	2,47±0,92	ниже среднего	2,38±0,96	ниже среднего	2,50±0,71	ниже среднего	0,20/ 0,12	0,942

* Статистическая значимость при $p < 0,05$

Примечание: А – минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения; В – склонность к возникновению интернет-зависимого поведения; С – выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения.

Таким образом, студенты мужского пола, вне зависимости от выраженности интернет-зависимого поведения, испытывают некоторые трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия, что может повлиять на адаптацию к различным системам взаимоотношений.

Статистически достоверных различий в выраженности показателей социального интеллекта у студентов медицинского

вуза мужского пола с различной выраженностью интернет-зависимости не выявлено (см. табл. 5).

Изучение особенностей интернет-зависимого поведения у студентов медицинского вуза в зависимости от уровня выраженности социального интеллекта также реализовано с использованием непараметрического критерия Н-критерий Крускала-Уоллиса (табл. 6).

Таблица 6

Значимость различий в выраженности интернет-зависимого поведения студентов медицинского вуза женского пола, имеющих различный уровень социального интеллекта (Н-критерий Крускала-Уоллиса)

Наименование показателя	Уровень социального интеллекта						(1)-(2)-(3)	
	Низкий (1)		Средний (2)		Высокий (3)		$N_{эмп}/\chi^2$	p
	$\bar{X} \pm \sigma$	Качественный	$\bar{X} \pm \sigma$	Качественный	$\bar{X} \pm \sigma$	Качественный		
Com	14,00±2,83	С	9,96±3,69	В	11,33±1,53	В	1,35/ 2,04	0,360
Wit	13,00±1,41	В	10,60±3,34	А	12,67±2,89	В	1,47/ 1,70	0,427
Tol	9,50±0,71	В	8,76±2,85	В	9,67±0,58	В	0,81/ 2,04	0,360
ИИ	15,00±4,24	В	11,32±3,93	А	11,33±2,89	А	2,14/ 2,51	0,286
ТМ	11,50±0,71	В	9,08±3,00	А	12,33±2,52	В	4,56/ 5,71	0,058
IA-Sym	27,00±4,24	А	25,60±8,18	А	24,00±4,36	А	0,11/ 1,40	0,497
IA-RP	36,00±4,24	С	23,96±7,74	В	33,33±5,69	С	6,58*/ 5,71	0,037
CIAS	63,00±0,00	В	49,48±13,96	В	57,33±7,64	В	2,70/ 4,97	0,083

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$.
 ** Статистическая значимость при $p \leq 0,01$

Примечание: Com – компульсивные симптомы; Wit – симптомы отмены; Tol – толерантность; ИИ – внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем; ТМ – управления временем; IA-Sym – ключевые симптомы интернет-зависимости; IA-RP – проблемы, связанные с интернет-зависимостью; CIAS= Com+ Wit+ Tol+ ИИ+ ТМ.

А – минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения; В – склонность к возникновению интернет-зависимого поведения; С – выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения.

Студенты женского пола с низким уровнем социального интеллекта имеют выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения в виде компульсивных симптомов, характеризующихся невозможностью преодолеть желание войти в интернет при его доступности (см. табл. 6), склонны к возникновению интернет-зависимого поведения, проявляющегося как «внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоро-

вьем» ($X_{cp} = 15,00 \pm 4,24$), а также в достоверно большей степени, чем студенты, характеризующиеся способностью к познанию поведения, испытывают «проблемы, связанные с интернет-зависимостью» ($X_{cp} = 36,00 \pm 4,24$; $X_{cp} = 23,96 \pm 7,74$; $X_{cp} = 33,33 \pm 5,69$; $N_{эмп.} = 6,58^*$ при $p = 0,037$). Наряду с этим, вне зависимости от уровня социального интеллекта (низкого/высокого), студенты женского пола склонны к возникновению интернет-

зависимого поведения («Общий CIAS»: $X_{cp.} = 63,00 \pm 0,00$; $X_{cp.} = 57,33 \pm 7,64$) и таких его симптомов, как «симптомы отмены» ($X_{cp.} = 13,00 \pm 1,41$; $X_{cp.} = 12,67 \pm 2,89$), «толерантность» ($X_{cp.} = 9,50 \pm 0,71$; $X_{cp.} = 9,67 \pm 0,58$), «управление временем» ($X_{cp.} = 11,50 \pm 0,71$; $X_{cp.} = 12,33 \pm 2,52$), проявляющихся в чувстве дискомфорта, если приходится прекратить пользоваться сетью, а также в увеличении количества времени, проводимого в сети Интернет для достижения чувства удовлетворения, и в невозможности контролировать дли-

тельность времени пребывания в сети (см. табл. 6).

В отличие от студентов женского пола, для студентов мужского пола с высоким уровнем социального интеллекта характерен минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения («Общий CIAS»: $X_{cp.} = 54,33 \pm 12,42$; $X_{cp.} = 48,27 \pm 14,77$; $X_{cp.} = 41,00 \pm 4,24$) и всех его симптомов, за исключением симптома «толерантность» ($X_{cp.} = 9,00 \pm 4,00$; $X_{cp.} = 8,82 \pm 3,89$; $X_{cp.} = 9,00 \pm 2,83$) (табл. 7).

Таблица 7

Значимость различий в выраженности интернет-зависимого поведения студентов медицинского вуза мужского пола, имеющих различный уровень социального интеллекта (Н-критерий Крускала-Уоллиса)

Наименование показателя	Уровень социального интеллекта						(1)-(2)-(3)	
	Низкий (1)		Средний (2)		Высокий (3)			
	$\bar{X} \pm \sigma$	Качественный	$\bar{X} \pm \sigma$	Качественный	$\bar{X} \pm \sigma$	Качественный	$H_{эмп}/\chi^2$	p
Com	12,00±1,00	В	9,09±3,42	А	7,50±2,12	А	3,24/5,09	0,078
Wit	10,67±3,21	А	10,27±3,55	А	8,00±1,41	А	0,98/2,42	0,298
Tol	9,00±4,00	В	8,82±3,89	В	9,00±2,83	В	0,08/0,915	0,633
ИИ	13,33±5,51	В	11,09±3,33	А	8,50±0,71	А	1,91/2,42	0,298
TM	9,33±0,58	А	9,00±3,49	А	8,00±2,83	А	0,29/0,16	0,922
IA-Sym	22,67±4,16	А	24,18±9,65	А	19,00±8,49	А	0,41/0,42	0,808
IA-RP	31,67±8,39	В	24,09±8,07	В	22,00±4,24	А	3,08/0,42	0,809
CIAS	54,33±12,42	В	48,27±14,77	В	41,00±4,24	А	1,77/2,42	0,297

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$.
 ** Статистическая значимость при $p \leq 0,01$.

Примечание: Com – компульсивные симптомы; Wit – симптомы отмены; Tol – толерантность; ИИ – внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем; TM – управления временем; IA-Sym – ключевые симптомы интернет-зависимости; IA-RP – проблемы, связанные с интернет-зависимостью; CIAS = Com + Wit + Tol + ИИ + TM.

А – минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения; В – склонность к возникновению интернет-зависимого поведения; С – выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения.

Таким образом, вне зависимости от уровня социального интеллекта (низкого/среднего/высокого), студенты мужского пола склонны проводить значительное количество времени в сети Интернет для достижения чувства удовлетворения. Вместе с тем, студенты мужского пола с низким уровнем социального интеллекта так же, как и женского пола, склонны к возникновению интернет-зависимого поведения («Общий CIAS»: $X_{cp.} = 54,33 \pm 12,42$) и таких его симптомов,

как «внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем» ($X_{cp.} = 13,33 \pm 5,51$) и «толерантность» ($X_{cp.} = 9,00 \pm 4,0$). Однако в отличие от студентов женского пола, они испытывают «компульсивные симптомы» ($X_{cp.} = 12,00 \pm 1,00$) и симптомы, проявляющиеся как «проблемы, связанные с интернет-зависимостью» ($X_{cp.} = 31,67 \pm 8,39$), что характеризует студентов мужского пола как склонных к возникновению интернет-зависимого поведения (см. табл. 7).

Таблица 8

Корреляционные взаимосвязи показателей социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению у студентов медицинского вуза с учетом пола (r-Спирмен)

Наименование показателя	Пол							
	женский				мужской			
	фактор познания результатов поведения	фактор познания классов поведения	фактор познания преобразований поведения	фактор познания систем поведения	фактор познания результатов поведения	фактор познания классов поведения	фактор познания преобразований поведения	фактор познания систем поведения
Com	-0,29*	-0,10	-0,21	-0,22	-0,25	-0,35*	-0,31	-0,21
Wit	-0,15	-0,10	-0,23	-0,04	-0,19	-0,09	0,13	-0,43*
Tol	-0,27*	-0,02	-0,27*	-0,27	-0,17	0,04	0,10	-0,23
ИИ	-0,38*	-0,13	-0,21	-0,10	-0,04	-0,04	0,09	-0,30
TM	-0,30*	-0,14	-0,31*	-0,20	-0,03	-0,07	-0,18	-0,42*
IA-Sym	-0,27*	-0,01	-0,23	-0,21	-0,14	-0,25	-0,05	-0,24
IA-RP	-0,32*	-0,19	-0,27*	-0,12	-0,20	0,02	-0,07	-0,32
CIAS	-0,35*	-0,14	-0,30*	-0,21	-0,23	-0,16	-0,08	-0,41*

* Статистическая значимость при $p \leq 0,05$

Примечание: Com –компульсивные симптомы; Wit – симптомы отмены; Tol – толерантность; ИИ – внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем; TM – управления временем; IA-Sym – ключевые симптомы интернет-зависимости; IA-RP – проблемы, связанные с интернет-зависимостью; CIAS= Com+ Wit+ Tol+ ИИ+ TM.

Изучение особенностей взаимосвязей социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению у студентов медицинского вуза осуществлялось с помощью метода корреляционного анализа r-Спирмена засвидетельствовал наличие (табл. 8):

– статистически значимых отрицательно направленных корреляций слабой и умеренной выраженности между изуча-

емыми показателями у всех студентов медицинского вуза, вне зависимости от пола;

– у студентов женского пола, в отличие от мужского, статистически значимых отрицательно направленных корреляций слабой и умеренной выраженности показателя «Фактор познания результатов поведения» с показателями «компульсивные симптомы» ($r = -0,29^*$), «толе-

рантность» ($r=-0,27^*$), «внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем» ($r=-0,38^*$), «управления временем» ($r=-0,30^*$), «ключевые симптомы интернет-зависимости» ($r=-0,27^*$), «проблемы, связанные с интернет-зависимостью» ($r=-0,32^*$) и «Общий CIAS» ($r=-0,35^*$); показателя «Фактор познания преобразований поведения» с показателями «толерантность» ($r=-0,27^*$), «управления временем» ($r=-0,31^*$), «проблемы, связанные с интернет-зависимостью» ($r=-0,27^*$) и «Общий CIAS» ($r=-0,30^*$); показателя «Фактор познания систем поведения» с показателем «толерантность» ($r=-0,27^*$);

– у студентов мужского пола, в отличие от женского, статистически значимых отрицательно направленных корреляций умеренной выраженности показателя «Фактор познания классов поведения» с показателями «компульсивные симптомы» ($r=-0,35^*$); показателя «Фактор познания систем поведения» с показателями «симптомы отмены» ($r=-0,43^*$), «управления временем» ($r=-0,42^*$) и «Общий CIAS» ($r=-0,41^*$).

Это позволяет выдвинуть предположение о том, что склонность к интернет-зависимому поведению у студентов женского пола зависит от способностей ориентироваться в невербальных реакциях участников взаимодействия и предвидеть дальнейшие поступки людей на основе реальных ситуаций общения, через вербальные оттенки улавливать настроение и состояние других людей, от ролевой пластичности и детерминирует способности понимать характер человеческих взаимоотношений и интерпретировать слова собеседника в зависимости от контекста ситуации общения, а у студентов мужского пола зависит от способности анализировать сложные ситуации взаимодействия людей, понимать логику их развития, чувствовать изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию различных участников. Чем сильнее у студентов женского пола, в сравнении с мужским, выражены способности ориентироваться в невербальных реакциях

участников взаимодействия и предвидеть дальнейшие поступки людей на основе реальных ситуаций общения, через вербальные оттенки улавливать настроение и состояние говорящего, тем меньшее количество времени, проводимого ими в сети Интернет, требуется для достижения удовлетворения, и лучше развит самоконтроль длительности времени пребывания в сети. Их внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем (недосыпание, нарушение питания, чувство усталости днем), которые вызываются использованием Интернет, могут быть связаны с недостаточной способностью ориентироваться в невербальных реакциях участников взаимодействия. Чем сильнее у студентов мужского пола развита способность понимать состояния, чувства, намерения людей по невербальным проявлениям, а у студентов женского пола – нормативно-ролевая пластичность, тем успешнее преодолевается желание войти в Интернет. Возможно предположить, что чувство дискомфорта, которое испытывают студенты мужского пола в случае прекращения использования сети, невозможность контролировать длительность времени пребывания в ней, отрицательно влияют на их способность анализировать сложные ситуации межличностного взаимодействия, понимать логику их развития, достраивать недостающие звенья в системе этих взаимоотношений, что снижает возможности социальной адаптации в цифровом образовательном пространстве.

Выводы

Исследование особенности взаимосвязи социального интеллекта и склонности к интернет-зависимому поведению у студентов медицинского вуза позволило сформулировать следующие выводы:

Склонность к возникновению интернет-зависимого поведения, а также выраженный и устойчивый его паттерн чаще встречается у студентов женского пола. Вне зависимости от пола, студенты склонны к тому, чтобы проводить боль-

шее количество времени в сети, чтобы достичь удовлетворения.

У студентов женского пола, в отличие от мужского, способность понимать и прогнозировать поведение людей, а также понимать характер человеческих взаимоотношений и интерпретировать слова собеседника в зависимости от контекста ситуации общения соответствует норме. Они способны предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения, через вербальные оттенки улавливать настроение и состояние говорящего, предвидеть события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации. Вне зависимости от половой принадлежности, не достаточно развита способность понимать состояния, чувства, намерения людей по невербальным проявлениям, умение улавливать смысл невербальных реакций общения. Кроме того, они, вне зависимости от выраженности интернет-зависимого поведения, испытывают некоторые трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия и как следствие, что сможет повлиять на адаптацию к различным системам взаимоотношений. Выраженность интернет-зависимого поведения значимо детерминирует способность студентов женского пола, в отличие от мужского, понимать характер человеческих взаимоотношений и интерпретировать слова собеседника в зависимости от контекста ситуации общения.

Уровень социального интеллекта значимо детерминирует склонность к возникновению интернет-зависимого поведения, а также выраженный и устойчивый его паттерн у студентов женского пола, в отличие от мужского, в виде «проблем, связанных с интернет-зависимостью». Вместе с этим студенты женского пола вне зависимости от уровня социального интеллекта испытывают чувство дискомфорта в случае прекращения использования сети и в невозможности контролировать длительность време-

ни пребывания в ней и увеличивают его, чтобы испытать удовлетворение. Студенты мужского пола, вне зависимости от уровня социального интеллекта, склонны проводить значительное количество времени в сети Интернет для достижения чувства удовлетворения. Так же, как и студенты женского пола, студенты мужского пола с низким уровнем социального интеллекта склонны к возникновению Интернет зависимого поведения, внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем, которые вызываются использованием Интернет.

Склонность к интернет-зависимому поведению у студентов женского пола, в отличие от мужского, зависит от способностей ориентироваться в невербальных реакциях участников взаимодействия и предвидеть дальнейшие поступки людей на основе реальных ситуаций общения, через вербальные оттенки улавливать настроение и состояние других людей, от ролевой пластичности и детерминирует способности понимать характер человеческих взаимоотношений и интерпретировать слова собеседника в зависимости от контекста ситуации общения. У студентов мужского пола склонность к Интернет-зависимому поведению зависит от способности анализировать сложные ситуации взаимодействия людей, понимать логику их развития, чувствовать изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию различных участников.

Список литературы

1. Куракина А. О. Педагогические условия развития социального интеллекта студентов в образовательном процессе педагогического вуза // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 11. С. 1382-1385.
2. Балыкина А. М. Эмпирический анализ интернет-зависимости студентов // *Вестник Российского нового университета*. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 1. С. 50-53.

3. Зарецкая О. В. Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 9. №2. С. 145-164.
4. Толмачев Д. А., Кузьмина Л. К., Никифорова Г. С. Выявление интернет-зависимости у студентов медицинского вуза // Синергия Наук. 2017. №10. С. 828-834.
5. 2011. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учеб. пособие / В. Л. Малыгин, К. А. Феклисов, А. С. Искандирова [и др.]. М.: МГМСУ. 2011. 32 с.
6. Тест «Социальный интеллект» Гилфорда. URL: <http://psytests.org/iq/guilford/guilford4.html?single> (дата обращения: 20.12.2018).
7. Андрианов Д. М. Особенности общего и социального интеллекта студентов разных специальностей // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2009. № 1. С. 66-70.
8. Волкова А. А. Развитие социального интеллекта у студентов гуманитарного и технического профилей // Инициативы XXI века. 2013. № 1. С. 8-86.
9. Мацута В. В., Богомаз С. А. Связь рефлексии и социального интеллекта у студентов первого курса // Сибирский психологический журнал. 2014. № 5. С. 53-64.
10. Порядина В.А. Гендерные различия в социальном интеллекте студенческой молодежи // Вестник университета (Государственный университет управления). Серия «Социология и управление персоналом», 2007. № 7. С. 142-146.
11. Beri N. Academic performance, social adjustment and emotional intelligence of students involved in social networking sites // Indian Journal of Public Health Research and Development. 2018. № 9(11). Pp. 1971-1976.
12. Enns A., Eldridge G. D., Montgomery C., Gonzalez V.M. Perceived stress, coping strategies, and emotional intelligence: A cross-sectional study of university students in helping disciplines // Nurse Education Today. 2018. 68. Pp. 226-231.
13. Ванюшина Е. А., Гончарова М. А. Современные тенденции формирования интернет-зависимости у студентов медицинского университета // Бюллетень науки и практики. 2017. № 3 (16). С. 134-138.
14. Городецкая И. В., Гарновская И. И., Хрулева М. В. Изучение степени интернет-зависимости студентов медицинского вуза // Здоровье и окружающая среда. 2010. № 16. С. 147-151.
15. Никишина В. Б., Запесоцкая И. В. Механизмы трансформации состояния зависимости // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2010. № 17. С. 83-87.
16. Ching S.M., Awang H., Ramachandran V., Yee A., Hoo F. Prevalence and factors associated with internet addiction among medical students –A cross-sectional study in Malaysia // Medical Journal of Malaysia. 2017. 72(1). Pp. 7-11.
17. Ganesh A., Pragyakumari D., Ramsudarsan N., Shyam S., Balaji S.K. Self-reported behaviour about internet addiction among medical and paramedical students // Journal of Clinical and Diagnostic Research. 2017. 11(10). Pp. LC10-LC13.
18. Salarvand S., Bagheri Z., Keshvari M., Gheshlagh R.G., Keshvari M. The prevalence of internet addiction and its relations to the self-esteem and life satisfaction in students of a medical university // Acta Medica Iranica. 2018. 56(6). Pp. 392-397.
19. Singh J., Pal T., Chandra P. The prevalence of internet addiction among the students in a Western U.P. medical college // Indian Journal of Public Health Research and Development. 2017. (1). Pp. 55-60.
20. Zhang M.W.B., Lim R.B.C., Lee C., Ho R.C.M. Prevalence of Internet Addiction in Medical Students: a Meta-analysis // Academic Psychiatry. 2018. 42(1). Pp. 88-93.

Поступила в редакцию 15.03.19

UDC 159.97-053.6:004.738.5

L. N. Molchanova, Doctor of Psychological Sciences, Professor, KSMU (3, K. Marx str., Kursk, 305014, Russia) (e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru)

V. V. Ilyina, Post-Graduate Student, KSMU (3, K. Marx str., Kursk, 305014, Russia) (e-mail: veronika.ilyina2013@yandex.ru)

GENDER FEATURES OF THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL INTELLIGENCE AND PROPENSITY TO INTERNET ADDICTION BEHAVIOR AMONG MEDICAL STUDENTS

The development of social intelligence of students as a necessary condition for increasing the level of effectiveness of social interactions is of particular importance in the modern conditions of digital education. As you know, the main users of the Internet are students. The reasons for their forced access to the Internet: the constant need for information, high cognitive motivation and lack of time. It is students who are at risk of developing an addiction to Internet addicted behavior with a high degree of probability. Social intelligence in the professional training of the future doctor is a necessary condition for increasing the effectiveness of social interaction in the digital educational space of the university. In this regard, the purpose of the study was to study the peculiarities of the relationship of social intelligence and the propensity for Internet addicted behavior among medical students. 92 students (33 boys and 59 girls) 1 and 2 courses of medical faculties at the age of 17-19 years took part in it. Observation and conversation, as well as a standardized method for the diagnosis of Internet addiction and social intelligence, used for data collection. In accordance with the results of the study, the following conclusions were formulated. Tendency to the Internet appearance of dependent behavior, as well as a pronounced and sustained its pattern is more common in female students. Regardless of gender, students tend to spend more time online to achieve satisfaction. The tendency to Internet addicted behavior among female students, as opposed to male, depends on the ability to navigate the nonverbal reactions of the participants of interaction and to anticipate further actions of people based on real situations of communication, through verbal shades to detect the mood and condition of other people and determines the ability to understand the nature of human relationship. The ability to analyze complex situations of human interaction, to understand the logic of their development, feel the change in meaning when you turn in communication various actors determines the propensity to internet addictive behavior in male students on the contrary.

Key words: Internet addiction, Internet addiction behavior, social intelligence, medical students.

For citation: Molchanova L. N., Ilyina V. V. Gender features of the interrelationship between social intelligence and propensity to internet addiction behavior among medical students. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 170–184 (in Russ.).

References

1. Kurakina A. O. Pedagogicheskie usloviya razvitiya social'nogo intellekta studentov v obrazovatel'nom processe pedagogicheskogo vuza. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2012, no. 11, pp. 1382–1385.

2. Balykina A. M. Ehmpiricheskij analiz internet-zavisimosti studentov. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*, 2018, no. 1, pp. 50-53.

3. Zareckaya O. V. Komp'yuternaya i internet-zavisimost': analiz i sistematizaciya podhodov k problem. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 145-164.

4. Tolmachev D. A., Kuz'mina L. K., Nikiforova G. S. Vyyavlenie internet-zavisimosti u studentov medicinskogo vuza. *Sinerhiya Nauk*, 2017, no. 10, pp. 828-834.

5. Malygin V. L., Feklisov K. A., Iskandirova A. S. [eds]. *Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki*. Moscow, MGMSU Publ., 2011. 32p.

6. Test «Social'nyj intellekt» Gilforda. URL: <http://psytests.org/iq/guilford/guilford4.html?single> (accessed 20.12.2018).

7. Andrianov D. M. Osobennosti obshchego i social'nogo intellekta studentov raznyh special'nostej. *Vestnik RUDN. Seriya Psihologiya i pedagogika*, 2009, no 1, pp. 66-70.

8. Volkova A. A. Razvitie social'nogo intellekta u studentov gumanitarnogo i tekhnicheskogo profilej. *Inicijaty XXI veka*, 2013, no. 1, pp. 8–86.

9. Macuta V. V., Bogomaz S. A. Svyaz' refleksii i social'nogo intellekta u studentov pervogo kursa. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 2014, no. 5, pp. 53-64.

10. Poryadina V. A. Gendernye razlichiya v social'nom intellekte studencheskoj molodyozhi. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya)*. Seriya «Sociologiya i upravlenie personalom», 2007, no. 7, pp. 142–146.
11. Beri N. Academic performance, social adjustment and emotional intelligence of students involved in social networking sites. *Indian Journal of Public Health Research and Development*, 2018, № 9(11), pp. 1971–1976.
12. Enns A., Eldridge G. D., Montgomery C., Gonzalez V.M. Perceived stress, coping strategies, and emotional intelligence: A cross-sectional study of university students in helping disciplines. *Nurse Education Today*, 2018, no. 68. pp. 226-231.
13. Vanyushina E. A., Goncharova M. A. Sovremennye tendencii formirovaniya internet-zavisimosti u studentov medicinskogo universiteta. *Byulleten' nauki i praktiki*, 2017, no. 3 (16), pp. 134-138.
14. Gorodeckaya I. V., Garnovskaya I. I., Hrileva M. V. Izuchenie stepeni internet-zavisimosti studentov medicinskogo vuza. *Zdorov'e i okruzhayushchaya sreda*, 2010, no. 16, pp. 147-151.
15. Nikishina V. B., Zapesockaya I. V. Mekhanizmy transformacii sostoyaniya zavisimosti. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya)*, 2010, no. 17, pp. 83-87.
16. Ching S. M., Awang H., Ramachandran V., Yee A., Hoo F. Prevalence and factors associated with internet addiction among medical students – A cross-sectional study in Malaysia. *Medical Journal of Malaysia*, 2017, no. 72(1), pp. 7-11.
17. Ganesh A., Pragyakumari D., Ramsudarsan N., Shyam S., Balaji S.K. Self-reported behaviour about internet addiction among medical and paramedical students. *Journal of Clinical and Diagnostic Research*, 2017, no. 11(10), pp. LC10-LC13.
18. Salarvand S., Bagheri Z., Keshvari M., Gheshlagh R.G., Keshvari M. The prevalence of internet addiction and its relations to the self-esteem and life satisfaction in students of a medical university. *Acta Medica Iranica*, 2018, no. 56(6), pp. 392-397.
19. Singh J., Pal T., Chandra P. The prevalence of internet addiction among the students in a Western U.P. medical college. *Indian Journal of Public Health Research and Development*, 2017, no. (1), pp. 55-60.
20. Zhang M.W.B., Lim R.B.C., Lee C., Ho R.C.M. Prevalence of Internet Addiction in Medical Students: a Meta-analysis. *Academic Psychiatry*, 2018, no. 42(1), pp. 88-93.

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– лицензионный договор;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail).

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью, включая адрес организации), электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (5–10 слов), текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Текст статьи должен быть структурирован по разделам:

- введение (постановка проблемы)
- результаты и обсуждение
- выводы

Например:

УДК 81-114.2

Н. А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6) (e-mail:natalyach@mail.ru)

Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве

Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств...

Ключевые слова: социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

10. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

11. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Список представляется в двух вариантах: традиционный (ГОСТ Р 7.05–2008) и дополнительный с переводом русскоязычных источников на латиницу и английский язык. Применяется транслитерация по системе BSI. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

12. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva>.